

В.Н. СЕЛИВАНОВ

**ЛАТИНСКАЯ
АМЕРИКА:
ОТ КОННИСТАДОРОВ
ДО НЕЗАВИСИМОСТИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «История и современность»

В. Н. СЕЛИВАНОВ

**ЛАТИНСКАЯ
АМЕРИКА:
ОТ КОНКИСТАДОРОВ
ДО НЕЗАВИСИМОСТИ**

Ответственные редакторы:

член-корреспондент АН СССР

И. Р. ГРИГУЛЕВИЧ

кандидат исторических наук

С. А. СОЗИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1984

Селиванов В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М.: Наука, 1984, 176 с., ил. (Серия «История и современность»).

В книге рассказывается о завоевании испанскими и португальскими колонизаторами Латинской Америки в XVI в., об эксплуатации ими поработощенных индейских народов, о первых этапах борьбы латиноамериканцев против колониального гнета и идеологической подготовке войны за независимость, развернувшейся в первой четверти XIX в., о начале формирования наций и национальных культур в странах Латинской Америки.

Рецензент

Л. Ю. СЛЕЗКИН

ВВЕДЕНИЕ

300 лет истории Латинской Америки (XVI—XVIII вв.) вместили в себя одну из трех великих эпох, связывающую самобытные цивилизации древней Америки и цивилизацию Европы нового времени, когда в западноевропейских странах зарождались буржуазия и капиталистические отношения, когда эти страны вступали в стадию первоначального накопления. Этим процессам сопутствовала острая потребность в золоте, углублявшаяся утратой традиционных европейских рынков на Востоке в результате завоевания турками Византийской империи. Стремление найти новые, кратчайшие и безопасные пути в богатую, как тогда считали, золотом Индию вызвало в самых различных слоях западноевропейского общества тягу к дальним странствиям. Испания была одной из стран, где «лихорадка открытий» — эта «болезнь эпохи» — проявлялась в довольно слабой форме. Испанцы были слишком заняты другими делами: они заканчивали Реконкисту* — предприятие, занявшее около восьми веков испанской истории. Представляется исторической случайностью, что именно в год успешного окончания Реконкисты Колумбу удалось убедить правивших тогда Испанией «католических королей» дать деньги и монаршее соизволение на организацию морской экспедиции для поисков пути в Индию. Высадка Колумба 12 октября 1492 г. на одном из Багамских островов явилась не только началом открытия огромного неизвестного континента. Открытие Америки и последующее завоевание ее земель испанцами и португальцами означало столкновение двух цивилизаций, находящихся на резко различных стадиях социально-экономического развития. Важно и то, что вступление европейцев в Новый Свет означало включение народов, его населявших, в орбиту влияния европейской культуры эпохи позднего Возрождения, хотя и в окрашенных религиозной мистикой испанском и португальском вариантах.

* Реконкиста — отвоевание в VIII—XV вв. коренным населением Пиренейского полуострова территорий, захваченных арабами (точнее, маврами-мусульманами).

Завоеватели стремились навязать народам Америки свой экономический уклад, свою политику и идеологию, основу которой составляла католическая религия. Насильственным путем они пытались повсюду ввести в обращение свой — испанский или португальский — язык как средство утверждения своей культуры, как оружие духовного порабощения. Однако богатая и самобытная традиция древнеамериканских цивилизаций оказывала сильнейшее обратное воздействие на европейскую культуру. Сложный процесс взаимодействия этих двух потоков не был механическим слиянием их элементов. Он представлял собой разрыв как с европейскими формами, так и с формами древнеамериканскими. Местная индейская традиция, исходившая из самых глубин народа, его труда, психологии, всего его бытия, неизбежно оказывала влияние на рождавшуюся новую, латиноамериканскую культуру, придавая ей самобытный характер, совершенно особенные черты. Действующими лицами этого процесса, определившего особый этнический, социальный и культурный облик этой общности, были как белые креолы, так и американские индейцы. Значительный вклад в становление новой общности внесли выходцы из Африки, а также различные группы смешанного, метисного населения Америки. В итоге взаимопроникновения, ассимиляции, синтеза этих разнообразных элементов к началу XIX в. складываются основы новых наций — мексиканской, перуанской, кубинской и других.

Автор не претендует на всестороннее и полное освещение «колониального периода» истории народов Латинской Америки. В предлагаемой читателю книге мы постарались обратить внимание прежде всего на те явления, которые в наибольшей степени определяли историческое развитие латиноамериканских стран, подготовили их освобождение от колониального гнета, повлияли на формирование существующих ныне латиноамериканских наций.

Эта книга написана не на «пустом месте». Изучением того периода истории народов Латинской Америки, которому она посвящена, с марксистских позиций весьма плодотворно занимались советские историки И. Р. Григулевич, М. С. Альперович, В. А. Кузьмищев, В. М. Мирошевский, Л. Ю. Слезкин, С. А. Созина и другие. Ряд важных положений, изложенных в трудах этих ученых, автор использовал в своей книге.

КОНКИСТА

Завоевание испанцами Америки, которое принято называть испанским словом «конкиста», началось, как мы полагаем, 25 декабря 1492 г., в день празднования католического рождества. Именно в этот день 39 испанцев, спутников Колумба в его первой экспедиции, добровольно остались на острове Эспаньола (ныне — Гаити), не пожелав возвратиться в Испанию со своим адмиралом. Несомненно, этими первыми европейскими поселенцами овладела «золотая лихорадка». У местных индейцев испанские моряки видели пластинки и небольшие слитки золота; индейцы рассказывали об изобилии золота на ближайших островах и даже об одном из них — «сплошь золотом». «...Золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку, — писал Ф. Энгельс, — золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»¹.

Основанный первыми испанскими поселенцами Нового Света крошечный, но укрепленный палисадом и вооруженный пушками поселок Навидад (Рождество) просуществовал всего несколько недель, но даже за столь короткое время его хозяева успели обнаружить повадки, присущие последовавшим за ними отрядам испанских конкистадоров (завоевателей) во всех землях Америки. Возвратившийся на следующий год Колумб не застал в живых ни одного из первых 39 колонистов. Из путаных рассказов аборигенов смутно вырисовывалась картина бесчинств обитателей Навидада. Они грабили индейцев, вымогали у них золото, брали в наложницы каждый по несколько женщин. Бесконечные грабежи и насилия вызвали взрыв справедливого возмущения и привели к расправе над испанцами².

Дальнейшая колонизация новооткрытых земель происходила более организованно. Число желавших принять участие в их завоевании возросло после того, как Колумб из своего первого плавания привез в Испанию немного зо-

лота; весть о нем быстро распространилась по стране, превращаясь, как это обычно бывает, в легенду о невероятных, превосходящих всякое воображение сокровищах там, за океаном. На поиски их устремилось множество алчущих всех званий и сословий, прежде всего разорившихся дворян, бывших наемных солдат, людей сомнительного прошлого. В 1496 г. Колумб уже смог даже заложить на Эспаньоле целый город — Санто-Доминго. Санто-Доминго стал укрепленным центром, откуда испанцы начали планомерное завоевание острова, а затем и других островов Карибского моря — Кубы, Пуэрто-Рико, Ямайки. Уже первые шаги конкисты на этих островах с многочисленным населением отличались крайней жестокостью. В результате бессмысленного истребления, гибели от занесенных европейцами болезней, жесточайшей эксплуатации со стороны завоевателей уже через несколько лет на благодатных островах Карибского моря почти не осталось индейцев. Если к моменту их открытия экспедициями Колумба на Кубе жило около 300 тыс. индейцев, на Эспаньоле — 250 тыс., на Пуэрто-Рико — 60 тыс., то во втором десятилетии XVI в. почти все они были полностью истреблены. Та же участь постигла большинство населения и остальных Вест-Индских островов. Историки считают, что первый этап испанского завоевания Америки, ареной которого стали эти острова, принес гибель миллиону индейцев³.

Однако в первые годы конкисты, когда испанские капитаны рыскали в водах Карибского моря и открывали один за другим многочисленные острова, лишь иногда подходя к берегам материковой части Америки, но еще не зная о самом существовании огромного материка, завоеватели имели дело с индейскими племенами, находившимися на первобытнообщинных стадиях развития. Испанцы еще не знали, что вскоре им придется столкнуться с огромными индейскими государствами, имеющими четкую социальную организацию, многочисленное войско, развитое хозяйство. Правда, порой до конкистадоров доходили туманные сведения о близости некоей страны, в которой не знают счета золоту, а также о другой загадочной стране, несметно богатой серебром, где правит Белый, или Серебряный, царь.

Первым завоевателем большого индейского государства — государства ацтеков, находившегося там, где ныне располагается Мексика, — довелось стать Эрнану Кортесу. Этот обедневший идалго на первый взгляд ничем не вы-

делялся в толпе конкистадоров, в погоне за удачей и золотом кинувшихся за океан. Пожалуй, у него было лишь побольше дерзости, хитрости, коварства. Однако в дальнейшем в нем раскрылись качества незаурядного военачальника, ловкого политика, умелого правителя завоеванной им страны.

• В феврале 1519 г. от берегов Кубы отплыла флотилия из 11 каравелл под командой Кортеса. На борту флотилии не насчитывалось и тысячи человек, но они были вооружены изрыгающими огненную смерть аркебузами и фальконетами, неизвестными еще обитателям страны, куда направлялись конкистадоры, у них были стальные мечи и доспехи, а также 16 никогда не виданных индейцами чудовищ — боевых коней.

В конце марта корабли испанцев подошли к устью реки Табаско. Сойдя на берег, Кортес по сложившемуся уже ритуалу, т. е. водрузив крест и королевское знамя и совершив богослужение, объявил эту землю владением испанской короны. И здесь же испанцы подверглись нападению многочисленных индейских отрядов. Это было воистину столкновение двух цивилизаций: индейские стрелы и копья с каменными наконечниками против стального и огнестрельного оружия европейцев. В записках участника этого похода Берналя Диаса дель Кастильо засвидетельствовано, что решающей в этом бою, как, впрочем, и во многих вооруженных столкновениях первых испанских конкистадоров с индейцами, была атака маленького кавалерийского отряда испанцев: «Никогда еще индейцы не видали лошадей, и показалось им, что конь и всадник — одно существо, могучее и беспощадное. Вот тут-то они и дрогнули, но и то не побежали, а отошли к далеким холмам»⁴.

Тут же, на берегу, испанцы основали свой первый на материке город, получивший пышное, как тогда было принято, название: Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус (Богатый город Святого креста). Берналь Диас записал по этому случаю: «Избрали мы управителей города... на рынке водрузили позорный столб, а за городом построили виселицу. Так положено было начало первому новому городу»⁵.

Тем временем вести о вторжении в страну грозных чужеземцев дошли до столицы обширного ацтекского государства — большого и богатого города Теночтитлан. Повелитель ацтеков Монтесума II, дабы умиротворить пришельцев, прислал им богатые дары. Среди них были два

больших, с колесо телеги, диска, один целиком из золота, другой — из серебра, символизировавшие солнце и луну, плащи из перьев, множество золотых фигурок птиц и зверей, золотой песок. Вот теперь-то конкистадоры убедились в близости сказочной страны. Монтесума сам ускорила свою гибель, гибель ацтекского государства. Отряд Кортеса стал готовиться к походу на Теночтитлан.

Пробиваясь сквозь тропические заросли, преодолевая ожесточенное сопротивление индейских племен, испанцы в ноябре 1519 г. подошли к столице ацтеков. Берналь Диас рассказывает, что конкистадоры, впервые узрев древний Теночтитлан, воскликнули: «Да это волшебное видение... Не сон ли все, что мы видим?». В самом деле, Теночтитлан с его зелеными садами, множеством белых зданий, возвышавшихся среди голубых озер и каналов, окруженный высокими горами, должен был показаться им землей обетованной, — им, привыкшим с детства к выжженным пиренейским солнцем плоскогорьям Испании, ее тесным и мрачным городам.

В отряде Кортеса не насчитывалось и 400 солдат, однако с ними он рассчитывал захватить индейскую столицу с десятками тысяч жителей, с многотысячным войском, готовым защитить ее. Не прошло и недели, как хитростью и коварством Кортес не только без потерь ввел в Теночтитлан свой отряд, но и, сделав Монтесуму своим пленником, стал от его имени править страной. Он взял в плен также подвластных ацтекам правителей Тескоко, Тлакопана, Койоакана, Исталапалана и других индейских земель, заставил их присягнуть на верность испанской короне и стал требовать от них золота, золота, золота...

Алчность конкистадоров, бесчинства испанской солдатни довели до крайнего возмущения индейское население столицы. Вспыхнуло восстание, во главе которого встал племянник Монтесумы Куаутемок, — первое восстание индейцев против испанских завоевателей, за которым в течение трех столетий колониального господства последовали десятки вооруженных выступлений индейских масс.

Кортесу повезло — в самый критический момент к нему подоспела помощь: прибывший на 13 бригантинах многочисленный отряд испанцев с лошадьми, пушками, порохом.

Завоевание государства ацтеков было совершено не только силой испанского оружия. Кортес, не без успеха натравливая одни местные племена на другие, разжигал рознь между ними — словом, действовал по принципу

«разделяй и властвуй». Создав на территории государства ацтеков и прилегавших к нему обширных землях свою колонию — вице-королевство Новая Испания, конкистадоры наладили систему расхищения природных богатств Мексики, беспощадной эксплуатации народных масс, жестоко подавляя проявления недовольства. Говоря об эпохе колонизации испанцами Нового Света, К. Маркс писал о Мексике как об одной из «обреченных на разграбление богатых и густо населенных» стран, где «обращение с туземцами было... всего ужаснее»⁶. О результатах колонизации испанцами этой страны красноречиво свидетельствуют цифры, показывающие катастрофическое уменьшение численности индейского населения. В самом деле, если индейское население Центральной Мексики к 1519 г. составляло около 25 млн. человек, то к 1548 г. оно уменьшилось до 6,4 млн., к концу 60-х годов XVI в. — до 2,6 млн., а в начале XVII в. здесь оставалось немногим более одного миллиона индейцев⁷.

Однако завоевание Мексики, как и других индейских земель в Америке, принесшее столь губительные последствия для ее народа, имело и другой с точки зрения исторического развития этой страны смысл. Как пишет советский историк М. С. Альперович, колонизация Мексики испанцами объективно способствовала «складыванию в этой стране, где ранее безраздельно господствовали дофеодальные отношения, исторически более прогрессивной социально-экономической формации. Возникли предпосылки вовлечения Северной и Центральной Америки в орбиту капиталистического развития и включения их в систему формировавшегося всемирного рынка»⁸.

Кроме того, высадка конкистадоров Эрнана Кортеса в устье реки Табаско и последовавшее стремительное завоевание древних государств, располагавшихся на территории современной Мексики, означали столкновение самобытной индейской цивилизации с одним из вариантов европейской культуры XVI в. — окрашенной религиозной мистикой испанской культурой. «Поразительное зрелище процветающей культуры... неведомой прежде и столь многим отличавшейся от привычной западноевропейской, оказалось выше понимания испанского конкистадора... И конкистадор, и миссионер увидели в представших им чудесах несомненное проявление злой воли некоего сверхъестественного существа, демона, заклятого врага рода человеческого. Уничтожение плодов дьяволова промысла явилось логическим результатом таких представлений:

люди креста и меча принялись громить все и вся с усердием, достойным лучшего применения. Индейские цивилизации были уничтожены. Когда же самые рассудительные задумались о содеянном и осознали совершенную ими ошибку, ущерб оказался невосполнимым. Тогда попытались спасти хоть что-нибудь, что осталось от познаний, навыков, сокровищ духа, чтобы использовать эти осколки при организации нового общества, которое должно было укорениться на древних землях, но примыкать к христианскому миру»⁹.

В результате конкисты в королевстве Новая Испания постепенно формируется новое, специфическое в этническом и культурном отношении колониальное общество, вобравшее в себя как навязанные испанцами черты западноевропейской культуры, так и неистребленные, наиболее стойкие черты культуры аборигенов. В итоге взаимопроникновения, ассимиляции складывается принципиально новая — мексиканская — культура, в которой элементы богатой и самобытной индейской традиции обуславливают ее неповторимость. В какой-то мере сохранению индейской традиции способствовали, как это ни кажется парадоксальным, и сопровождавшие конкистадоров католические миссионеры. Дело в том, что для успеха своего дела они волей-неволей вынуждены были приспособляться к местным условиям. Необходимо было преодолеть языковой барьер — и миссионеры прилежно изучают индейские языки, чтобы затем на этих языках проповедовать христианскую доктрину. Необходимо было преодолеть барьер представлений о мироздании — и миссионеры приспособляются к индейскому пантеону, к устоявшимся в индейской среде понятиям. И по сей день сохраняются составленные в XVI в. грамматики и словари индейских языков, до сих пор католические обряды в Мексике сохраняют яркие черты древнеиндейского пантеизма. Как пишет советский исследователь В. Н. Кутейщикова, «на всем континенте едва ли найдется другая страна, где участие коренных обитателей в формировании нации началось бы так рано и сыграло бы такую громадную, неуклонно возрастающую роль, как в Мексике»¹⁰.

Следующим важным актом конкисты после покорения индейцев на землях современной Мексики стало завоевание Перу, происходившее в 1531—1533 гг. Следуя с Панамского перешейка вдоль Тихоокеанского побережья Южной Америки, конкистадоры получили сведения о существовании на юге еще одной богатой индейской дер-

жавы. Это было государство Тауантинсуйу, или, как его часто называют по названию племени, его населявшего, государство инков¹¹.

Организатором и руководителем новой экспедиции испанских конкистадоров был Франсиско Писарро, в прошлом неграмотный свинопас. Когда его отряд высадился на побережье инкского государства, то он насчитывал всего около 200 человек. Но в государстве, куда прибыли конкистадоры, как раз в этот момент происходила ожесточенная междоусобная борьба между претендентами на место верховного властителя инков. Это обстоятельство Писарро, как и Кортес в Мексике, немедленно использовал в своих целях, что во многом способствовало невероятной скорости и успеху завоевания. Захватив власть, конкистадоры начали разнузданный грабеж огромных богатств страны. Из инкских святилищ были расхищены все золотые украшения и утварь, сами храмы разрушены до основания. «Писарро выдал покоренные народы своей разнузданной солдатне, которая в священных монастырях удовлетворяла свою похоть; города и села отдавались ей на разграбление; завоеватели делили между собой несчастных туземцев как рабов и заставляли их работать в рудниках, разгоняли и бессмысленно уничтожали стада, опустошали житницы, разрушали прекрасные сооружения, повышавшие плодородие почвы; рай был превращен в пустыню»¹².

На завоеванной огромной территории была образована еще одна колония Испании, получившая название вице-королевство Перу. Оно стало плацдармом для дальнейшего продвижения конкистадоров. В 1535 и 1540 гг. вдоль Тихоокеанского побережья дальше к югу совершили походы сподвижники Писарро Диего де Альмагро и Педро де Вальдивия, однако на юге современного Чили испанцы встретили серьезное сопротивление со стороны индейцев-арауканов, что надолго задержало продвижение конкистадоров в этом направлении. В 1536—1538 гг. Гонсало Хименес де Кесада снарядил очередную экспедицию для поисков легендарной страны золота. В результате похода конкистадоры установили свою власть над многочисленными поселениями индейских племен чибча-муисков, обладавших высокой культурой.

Так Испания стала владычицей огромных колоний, равных которым не имели ни Древний Рим, ни деспотии древнего или средневекового Востока. Во владениях испанских королей, единственных в мире, как говорили тог-

да, монархов никогда не заходило солнце. Однако постепенно сложившаяся в Америке испанская колониальная система носила в целом примитивно-хищнический характер ограбления покоренных стран и народов. По словам французского исследователя Ж. Ламбера, «метрополия видела в своих колониях только источник обогащения путем вывоза драгоценных металлов и продуктов колониального сельского хозяйства, а также рынок для сбыта промышленных товаров метрополии. Всякая деятельность в завоеванных странах была организована для удовлетворения непосредственных нужд метрополии, без учета потребностей внутреннего развития этих стран»¹³. Вся экономическая жизнь американских колоний Испании определялась интересами короны. Колониальные власти искусственно тормозили развитие промышленности, чтобы сохранить за Испанией монополию, установленную на ввоз в колонии готовых изделий. Монополией испанской короны считалась продажа соли, спиртных напитков, табачных изделий, игральные карты, гербовой бумаги и множества других ходовых товаров.

Итак, самым главным достижением столь быстро и успешно осуществившейся конкисты Америки испанская корона считала овладение богатыми источниками драгоценных металлов. Надо сказать, что в этом отношении испанцы преуспели вполне. По примерным подсчетам, серебряные рудники только вице-королевства Новая Испания в 1521—1548 гг. дали около 40,5 млн. песо, а в 1548—1561 гг. — 24 млн.; большая часть добычи была отправлена в метрополию¹⁴.

Осуществляя закабаление индейцев, конкистадоры использовали методы закабаления крестьян, которые были уже успешно применены феодалами в самой Испании в ходе Реконкисты. Основной формой была энкомьенда — отдача тех или иных владений, поселений «под защиту лиц», располагающих достаточной властью, — короля, военно-религиозных орденов, отдельных феодалов. Феодал, оказывавший такое покровительство, назывался в Испании «комендеро», он получал от своих «подопечных» установленный сбор, в его пользу выполнялись некоторые трудовые повинности. Энкомьенда появилась в Испании еще в IX в., а наибольшего развития достигла в XIV в., когда комендеро открыто стали превращать находившиеся под их покровительством земли в свои вотчины. Феодальный институт энкомьенды оказался очень удобным для испанских завоевателей в Америке. Здесь «под опеку

и защиту» того или иного конкистадора, а иными словами, в его энкомьенду, передавались сразу по несколько индейских селений с многочисленным населением. Держатель энкомьенды (в Америке он назывался «энкомендеро») должен был не только защищать своих «подопечных», но и заботиться о приобщении их к «истинно христианским обычаям и добродетелям». На деле же это почти всегда оборачивалось фактическим закрепощением индейцев, приводило к их беспощадной эксплуатации со стороны энкомендеро, который превращался в феодально-го сеньора. Индейцы облагались налогом в пользу своего энкомендеро, который обязан был четверть его вносить в королевскую казну. Институт энкомьенды имел и военное значение. Уже в 1536 г. королевский указ обязывал каждого энкомендеро иметь постоянно «коня, шпагу и другое наступательное и оборонительное вооружение, какое местный управитель считает необходимым, соответственно... характеру военных действий, так, чтобы во всякое время было пригодно». В случае военных действий, предусмотренных этим указом, — как правило, для подавления индейских восстаний — каждый энкомендеро выступал в сопровождении группы своих «подопечных», для которых это было обязательной повинностью. Надо сказать, что такие ополчения, составленные из энкомендеро и их «подопечных», были в XVI—XVII вв. основной военной силой колониальных властей, потому что отправка в американские колонии сколько-нибудь значительных отрядов профессиональных солдат была сопряжена с немалыми трудностями. Такого рода ополчения, созывавшиеся властями в экстренных случаях, выполнив свою задачу, распускались, а составлявшие их энкомендеро возвращались к своим обычным делам.

Немалая часть индейских селений принадлежала непосредственно испанской короне и управлялась королевскими чиновниками. С проживавших в этих селениях индейцев взималась подушная подать, при сборе которой королевские сборщики налогов часто допускали злоупотребления. Закрепленные за владениями короны индейцы не имели права покидать свое селение без особого разрешения королевских чиновников. Кроме того, индейское население обязано было выделять определенное число мужчин для выполнения трудовых повинностей — строительства мостов, дорог, новых городов, крепостных сооружений. Самой ужасной, почти равносильной смертному приговору была принудительная работа на рудниках по

добыче серебра и ртути. Все эти разновидности обязательной трудовой повинности в Новой Испании (Мексике) объединялись словом «репартимьенто», а в Перу — словом «мита».

Резкое снижение численности индейского населения в результате его массового истребления конкистадорами и изнурительной эксплуатации привело к острой нехватке рабочих рук, прежде всего на плантациях, принадлежащих феодалам и короне. Для восполнения убыли в живой рабочей силе стали ввозить из Африки рабов-негров. Первый договор испанской короны с частными предпринимателями-работоторговцами о монополии на ввоз негров-рабов в американские колонии Испании был заключен в 1528 г.¹⁵, а затем в течение многих десятилетий — вплоть до 1580 г., когда в этой области вновь было отдано предпочтение частному предпринимательству, — поставкой рабов занималась сама корона. Особенно многочисленной эта прослойка колониального общества была в районах наиболее развитого плантационного хозяйства — на островах Антильского архипелага (Куба, Эспаньола, Пуэрто-Рико, Ямайка и др.), на побережье Перу, Новой Гранады (ныне Колумбия) и Венесуэлы.

На высших ступенях социальной лестницы колониального общества стояли уроженцы метрополии. Только они имели право занимать высшие административные, церковные и военные должности; им же принадлежали самые крупные поместья, самые прибыльные рудники.

Ниже стояли креолы — «чистокровные» потомки европейцев, родившиеся в колониях. Именно креолы составляли наиболее значительную часть крупных и средних землевладельцев, эксплуатировавших труд индейских крестьян-общинников. Креолы составляли также большинство низшего духовенства и мелких чиновников колониальной администрации, среди них было много владельцев рудников и мануфактур, ремесленников.

Особой и очень многочисленной группой населения Испанской Америки были метисы, мулаты и самбо, возникшие из смешения европейской, индейской и африканской крови. Они не могли претендовать на сколько-нибудь значительные официальные должности и занимались ремеслом, промыслом розничной торговлей, служили управляющими, приказчиками либо надсмотрщиками на плантациях крупных землевладельцев¹⁶.

Поддержание власти испанской короны в огромной колониальной империи потребовало создания большого

административного аппарата. Высшим учреждением, который руководил в колониях политическими, военными делами и градостроительством, регулировал отношения с местным населением, а также решал множество других вопросов, был Королевский совет и военный комитет по делам Индий, или Совет по делам Индий, находившийся в Мадриде. Королевский указ об основании Совета относится к 1524 г., но окончательно он был оформлен в 1542 г. Совет по делам Индий состоял из президента, которым номинально считался испанский король, его помощника — великого канцлера, восьми советников, генерального прокурора, двух секретарей, космографа, математика и историка. Кроме них, в составе Совета по делам Индий трудилось множество второстепенных секретарей и иных чиновников мелких рангов. Полномочия Совета были огромны — он обладал всей законодательной, исполнительной и судебной властью в колониях. Он назначал всех должностных лиц высшего и среднего ранга, как гражданских, так церковных и военных, готовил все морские и сухопутные экспедиции и направлял все другие предприятия, связанные с расширением колонизации. Законы и предписания, принятые Советом по делам Индий, составляют пять внушительных томов, содержание которых затрагивает буквально все стороны жизни испанских колоний в Америке. В 1680 г. они были впервые изданы под названием «Свод законов Индий».

Административным органом, ведавшим экономическими делами колоний, была Торговая палата, созданная еще в 1503 г. и находившаяся в Севилье. Впоследствии, с образованием Совета по делам Индий, она была подчинена этому высшему органу. Главные функции Торговой палаты заключались в тщательном контроле над всей торговлей, шедшей между метрополией и ее колониями; она же регулировала плавание торговых и военных кораблей, а также занималась широким кругом вопросов, связанных с мореплаванием. В частности, в Торговой палате собирались всякого рода географические и метеорологические данные, касающиеся Нового Света, здесь наблюдали за составлением географических и специальных морских карт.

Верховную власть короля Испании в его американских владениях представляли вице-короли. Отметим, что сама идея придания владениям Испании формы вице-королевств была осуществлена не впервые. Еще в начале XV в. вице-королевствами под властью Испании назывались

Сицилия и Сардиния. В 1503 г. вице-королевством было названо завоеванное испанцами королевство Неаполитанское. В Америке первое вице-королевство — Санто-Доминго — было основано в 1509 г., первым и единственным его вице-королем был Диего Колумб — сын Христофора Колумба. Впрочем, учреждение вице-королевства Санто-Доминго имело скорее символическое значение, и в 1525 г. оно было упразднено.

Два огромных вице-королевства, учрежденные испанской короной в ее американских владениях, — Новая Испания и Перу — в целом территориально совпадали с завоеванными конкистадорами крупными индейскими государствами — ацтеков и майя и инков. Поэтому первые вице-короли, назначенные туда, могли в определенной мере использовать начавшие складываться в этих государствах еще до конкисты торговые, экономические и иные связи между различными частями этих обширных земель.

Полномочия вице-королей — гражданские, военные, в области экономической и торговой политики — были огромны. По прибытии в Мехико или Лиму их встречали со столь пышным церемониалом, что он приличествовал бы и самому верховному монарху. Пышность дворов вице-королей в испанской Америке превосходила многие европейские. И в Мехико, и в Лиме при особе вице-короля состоял штат телохранителей — алебардисты и конная гвардия; нести службу в этих отрядах считалось великой честью для молодых людей из самых знатных испанских или креольских фамилий.

С годами, когда из-за размеров территории, подчиненной власти одного вице-короля, обнаружились большие трудности в управлении удаленными районами, были образованы генерал-капитанства. Так, в пределах вице-королевства Перу появились генерал-капитанства Чили, Новая Гранада. Стоявшие во главе их генерал-капитаны поддерживали сношения непосредственно с центральной властью в Мадриде, имели полномочия почти одинаковые с вице-королем и были, в сущности, независимы от него. Провинции, на которые разделялись вице-королевства или генерал-капитанства, управлялись губернаторами.

Несмотря на огромные расстояния, отделявшие метрополию от ее заокеанских владений, несмотря на обширность этих владений, каждый шаг всех высших чинов колониальной администрации был подчинен строжайшему контролю со стороны короны. Для этого во всех вице-

королевствах и генерал-капитанствах существовала как бы вторая, параллельная власть, неусыпно следившая за первой. Это были органы, называвшиеся «аудиенсия». В конце колониального периода истории Латинской Америки их насчитывалось 14. Аудиенсия, как предписывалось королевскими инструкциями, помимо юридических функций надзора за соблюдением законов, обязаны были «оказывать покровительство индейцам», следить за дисциплиной духовенства; они исполняли также фискальные функции. Значение аудиенсия подчеркивалось тем, что все их члены должны были быть уроженцами Испании — «пенинсуларес» («люди с полуострова»), как говорили в Испанской Америке.

Особая важность аудиенсия как органа королевского контроля выявляется еще одной ее функцией, ставившей этот орган выше всех других инстанций испанской администрации в колониях: по окончании срока правления высших должностных лиц аудиенсия проводила обследование их деятельности.

Еще одной формой контроля короны над повседневной деятельностью должностных лиц колониальной администрации была «ресиденсия», т. е. постоянная проверка должностного поведения вице-королей, генерал-капитанов, губернаторов и других высших чиновников на протяжении всего срока их пребывания в должности. Судьи, осуществлявшие эту проверку, также должны были быть пенинсуларес.

Эта пирамида слежки и наблюдения за положением дел в колониях венчалась «виситой» (генеральная инспекция). Висита состояла в том, что Совет по делам Индий периодически и без всякого уведомления направлял в колонии особо доверенных лиц. Они должны были представить совершенно достоверные сведения о положении дел в том или ином вице-королевстве либо генерал-капитанстве, собрать сведения о поведении высшей администрации. Иногда такой представитель направлялся для изучения на месте какой-либо важной проблемы, касающейся военных возможностей тех или иных областей и портов, экономических вопросов. Полномочия его были настолько широки, что в период пребывания в каком-либо из вице-королевств, где проводилась инспекция, он занимал место вице-короля.

Тщательно продуманная система строго централизованного управления испанскими колониями в Америке и многоступенчатого контроля над этим управлением,

казалось, должна была действовать очень эффективно. Но на деле все обстояло иначе. Испанская корона рассчитывала на абсолютную исполнительность высших чиновников в колониях, на неподкупную честность судей в органах контроля. Но, будучи за тысячи километров от Мадрида, вице-короли и генерал-капитаны сплошь и рядом вершили дела управления по своему произволу, о чем свидетельствуют многочисленные факты преждевременного смещения их с постов. Чиновные судьи сплошь и рядом брали взятки — ведь так трудно было устоять перед многочисленными соблазнами в обстановке всеобщей «золотой лихорадки», не прекращавшейся в Испанской Америке все три века существования колониального режима. Испанская корона рассчитывала на преданность креолов, братьев по крови уроженцам Испании. Но среди лишенных многих прав и привилегий креолов год от года росло недовольство колониальной политикой Испании, зарождалась ненависть к пенинсуларес, которые осуществляли власть в странах, уроженцами которых были они — креолы. Испанская корона рассчитывала на безропотное повиновение миллионных масс индейцев, рабов негров и других угнетенных, своим трудом создававших огромные богатства. Но выступления народных масс, все учащавшиеся, принимавшие все более грозный размах, расшатывали основы испанской колониальной империи.

Глава 2

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ КОЛОНИЗУЕТ НОВЫЙ СВЕТ

С первых же шагов испанцев в Новом Свете церковь стала одной из решающих сил завоевания новых стран. Не случайно конкистадоры, вступив на неизведанный берег, спешили водрузить здесь крест, развернуть королевское знамя и отслужить мессу. Этим символизировалась теснейшая связь между испанской короной и католической религией. Уходя в свое второе плавание к берегам Америки, Колумб получил королевские инструкции, в которых говорилось: «Король и королева... ничего так не желают, как возвеличить христианскую религию и привести многие народы к истинному богу... почитая

дело распространения истинной веры более важным, чем какое-либо другое»¹.

Двенадцать монахов сопровождали Колумба в его втором путешествии. Возглавлял этот первый отряд католического духовенства в Америке викарий Берналь Бойль, назначенный для этой миссии самим папой римским. С того времени каждую экспедицию непременно сопровождал хотя бы один, а как правило, — группа священнослужителей, и число их в Америке с каждым годом становилось все больше. Возрастала и роль католического духовенства как идеологической и политической силы.

Впрочем, исключительно важная роль католического духовенства в истории завоевания испанцами Америки коренится в далеком прошлом самой Испании. Длившаяся почти восемь веков Реконкиста проводилась испанцами под религиозными лозунгами священной войны против неверных, войны за христианскую веру. Реконкиста выглядела как нескончаемый крестовый поход, и в этих условиях католическое духовенство, естественно, приобрело огромную роль, стяжало несметные богатства. Всеовластвующее влияние церкви на умы многих поколений испанцев привело к массовому религиозному фанатизму в этой стране, не изжитому окончательно и по сей день. Именно поэтому папы римские считали Испанию самым прочным оплотом католической религии в Европе. И когда королевская супружеская чета — Фердинанд и Изабелла, получившие известность как «католические короли» (1479—1504), — совершила победоносный и последний в истории крестовый поход против мавританского государства в Гранаде, полностью завершив изгнание мусульман с Пиренейского полуострова, она получила в награду от папы невиданную ранее привилегию — королевский патронат (покровительство) над церковью, т. е. право контролировать назначение должностных лиц церкви.

Открытие и завоевание Америки флотом и военной силой «католических королей» сразу же стало рассматриваться Ватиканом как новый крестовый поход, ибо Америка представлялась обширной языческой страной, народы которой следует поскорее привести к христианской вере. Это, между прочим, сулило католической церкви, и ее верхушке в Ватикане, перспективы расширения не только идеологического, но и политического влияния, а также новые богатства. Условия завоевания Нового Света диктовали необходимость централизации всех сил. Поэтому уже в 1493 г. — на следующий же год после от-

крытия Нового Света — специальные папские буллы «даровали» Новый Свет «католическим королям» и обязывали их провести там христианизацию индейцев. В сущности, испанская корона получала исключительное право распоряжаться делами церкви в своих американских колониях, как уже приобретенных, так и тех, которые еще предстояло завоевать. В ближайшие годы последовала серия папских булл, в которых так или иначе разъяснялся порядок покровительства испанской короны католической церкви в Америке. Эта система фактического контроля над делами духовенства в колониях имела прецедентом «королевский патронат» в Гранаде и носила то же название, но масштабы ее были гораздо шире. «Королевский патронат» в Новом Свете предоставлял испанской короне абсолютное право назначать не только представителей высшего духовенства — аббатов, епископов и архиепископов, но и священнослужителей, находившихся на более низких ступенях церковной иерархии. Вначале испанские короли лично производили эти назначения, а с 1574 г., при короле Филиппе II, когда колонии в Америке расширились и административный и церковный аппарат там очень вырос и чрезвычайно усложнился, право назначать на низшие церковные должности получили некоторые вице-короли, президенты, губернаторы и капитан-генералы. Проезд назначенных королем духовных лиц из Испании в Америку контролировался Советом по делам Индий, для чтения проповедей они получали специальную лицензию, не могли вернуться в Испанию без королевского позволения, не могли отлучаться со своего поста без дозволения короля или вице-короля, не могли снимать с себя духовный сан, не объяснив королю причины этого.

«Королевский патронат» позволял также руководить всей миссионерской деятельностью, основывать церкви, которые поддерживались и контролировались государством. А буллой от 16 ноября 1501 г. папа отдал навечно церковную десятину в колониях королям Испании с условием содержать все основанные там церкви². Этот акт предоставлял испанским королям право экономического контроля над церковью, хотя на практике лишь очень малая часть десятины удерживалась короной. Так, четверть всего сбора шла епископу епархии, где эта десятина собиралась, четверть — совету кафедрального собора; две другие четверти делились на девять частей, из которых только две поступали короне, а семь расходовались

на строительство церквей, благотворительность и содержание низших чинов духовенства. Кроме того, королевская власть часто и в значительных суммах возмещала расходы церкви. При всем том право короля собирать и распределять церковную десятину имело весьма большое значение, «коль скоро концы завязок от денежного мешка церкви держало в руках государство»³.

Впрочем, уже вскоре после завершения конкисты церковь в американских владениях Испании превращается в самого крупного земельного собственника, эксплуататора миллионов индейцев, беспощадного ростовщика. К концу же колониального периода истории Латинской Америки богатства католической церкви здесь были несметными, доходы церкви превышали доходы самой короны. Советский исследователь И. Р. Григулевич приводит данные о доходах духовенства в Мексике в конце XVIII в., сообщенные посетившим эту страну в тот период выдающимся немецким ученым и путешественником А. Гумбольдтом. Так, архиепископ Мехико получал годовую ренту в 130 тыс. песо, епископ Гвадалахары — 110 тыс., Гвадалахара — 90 тыс., Юкатана — 30 тыс., Соноры — 6 тыс. В целом же в 1780 г. духовенство только в счет прямых доходов получило 22 млн. песо, в то время как доходы королевской казны в этой части американских владений короны составили 20 млн. песо⁴.

Католическая церковь полностью разделяет с испанской короной всю ответственность за ограбление колоний в Америке, за беспощадную эксплуатацию миллионных индейских масс. Как отмечает И. Р. Григулевич, «вся философия конкисты, ее идеология, концепция завоевания индейцев и их обращения в христианство, их подчинение колонизаторам и нещадная эксплуатация — все это отвечало принципам христианства, которые всегда воплощал папский престол, служивший интересам власти имущих»⁵.

Итак, в деле завоевания и колонизации Нового Света королевская власть и католическая церковь шли рука об руку. Уже в самом начале встал вопрос — как быть с туземцами, населявшими земли, необъятные земли, открывавшиеся с каждым новым плаванием, с каждым новым походом в глубь материка. В отношении к обитавшим здесь индейцам не было единодушия ни у светской власти, ни у духовенства. В первый период колонизации испанцами Нового Света — несмотря на ханжеские наставления «католических королей» о добром, «отеческом»

отношении к туземцам — практически безраздельно преобладала простейшая точка зрения при решении возникших здесь социальных проблем: конкиста должна проводиться насильственными методами, беспощадной войной и угнетением; поскольку индейцы — существа «низшего сорта», то с ними надо обращаться как с дикими зверями — укрощать или уничтожать. А поклонение индейцев «дьяволу», чуждым языческим богам еще усиливало враждебность к ним испанцев, в которых поколениями взращивалось чувство религиозного фанатизма. Кстати, именно такой, замешанный на религиозном фанатизме, «методологический» подход к проблеме индейцев был выдвинут одним из самых авторитетных юристов Испании середины XVI в., Хуаном Хинесом де Сепульведой, в его знаменитом диспуте с Бартоломе де Лас Касасом в испанском городе Вальядолиде ⁶.

С деятельностью католического духовенства связывается еще один подход к проблеме взаимоотношений между аборигенами и пришельцами из-за океана, второй, «методологический» подход к индейцам как к объекту завоевания на первый взгляд более человечный, гуманный. Поскольку речь идет об обращении в христианскую веру, т. е. об обращении к «душе», то уже тем самым индеец «возводится» в ранг человека, приближается к испанцу-завоевателю. Это предполагало проведение колонизации с помощью мирных средств, учитывая и используя полезные для достижения основной цели элементы индейской культуры: обычаи, привычки, язык, даже древние языческие религиозные обряды и привычные культовые образы местного населения. Стоявшие на этой точке зрения представители католической церкви сыграли определенную положительную роль в сохранении остатков индейской культуры после беспощадного и фанатичного истребления ее материальных проявлений — зданий, произведений искусства, письменности и т. д. — первыми конкистадорами уже хотя бы тем, что наиболее просвещенные, а значит, и наиболее дальновидные представители духовенства выступили как защитники индейцев, носителей этой культуры, от физического истребления.

Бесспорен высокий гуманизм Бартоломе де Лас Касаса, первым сказавшего: индеец — человек. Самоотверженно доказывая, что нет рас высших и низших, что жестокое порабощение американских народов нельзя оправдать никакими религиозными мотивами, Лас Касас одним из первых в истории человечества поднял голос против

расовой и культурной дискриминации, в защиту человеческого достоинства всех рас и народов. Но эта вторая точка зрения на проблему взаимоотношений испанцев с индейцами, начинающаяся с Лас Касаса, воспринималась его последователями и претворялась на практике вряд ли в том гуманном содержании, как она понималась самим Лас Касасом и как это зачастую представляется историкам. В реальной же жизни, как правило, сначала шел вооруженный конкистадор, неся смерть и разрушение, за ним — монах, успокаивая, умиротворяя и приводя «в лоно истинной христианской веры» тех, кто остался в живых, чтобы сделать их покорными слугами завоевателей. Вторая точка зрения была более реалистической, более прагматической, она учитывала перспективу длительного испанского владычества в Новом Свете. Она, наконец, диктовалась конкретными экономическими потребностями не развития, а эксплуатации колоний. Варварское истребление индейского населения, катастрофическое сокращение его численности создало проблему нехватки рабочих рук в рудниках и на плантациях, тормозило расширение горного дела и полуфеодалного сельского хозяйства.

Конкистадоры вполне отчетливо сознавали огромную важность идеологического закрепления результатов своих завоеваний. Эрнан Кортес, едва закончив кровавое завоевание Мексики, пишет императору Карлу V (он же испанский король Карлос I) послание с просьбой как можно скорее послать из Испании монахов-миссионеров. В июне 1524 г. 20 монахов-францисканцев во главе с Мартином де Валенсия высадились на мексиканском берегу и босиком проделали долгое паломничество до самой столицы покоренной страны. И здесь Кортес, внушавший индейцам страх своей жестокостью, устроил торжественную встречу этой кучке католических монахов, приняв их с нарочитой кротостью и смирением, что немало поразило созданных для этого случая индейских вождей⁷.

Первыми в Новый Свет стали прибывать группы «черного духовенства» — представители различных монашеских орденов. Наиболее многочисленными были францисканцы, доминиканцы, августинцы — представители хорошо организованных орденов, прекрасно владевшие традиционными видами идеологического оружия. Именно они начали широкую миссионерскую деятельность по массовому обращению индейцев в христианскую веру. Позднее стали прибывать монахи-иезуиты, а также мерседарии,

бенедектинцы, кармелиты и другие. Номинально миссионерская и иная деятельность этих орденов в Америке направлялась их генералами, находившимися в Риме, но осуществлялась она под контролем испанской короны. В каждом вице-королевстве ордена имели своих генеральных уполномоченных, а после разделения вице-королевств на провинции — так называемых «провинциалов». Обширным полем миссионерской деятельности монашеских орденов стало вице-королевство Новая Испания (Мексика), где испанская колонизация вообще имела более широкие масштабы и оставила более глубокий след, чем в других областях Америки. Уже к концу XVI в. здесь действовало около 1000 францисканцев, 600 доминиканцев, 800 августинцев, 400 иезуитов и 450 монахов других орденов. К тому же времени ими было основано около 400 монастырей, являвшихся опорными пунктами миссионерской деятельности⁸, и огромное число религиозных «братств», именовавшихся здесь «кофрадиас». Один из руководителей колонизации Новой Испании, Хуан Сумаррага, сообщал королю, что в 1524—1531 гг. одни лишь францисканцы обратили в христианство 1 млн. индейцев⁹.

Разумеется, Новая Испания была только началом. Деятельность католических миссионеров разворачивалась на огромных пространствах всего Американского континента — от территории нынешних США до южных районов Чили. Миссионеры с побережья Тихого океана пересекали Анды и выходили к верховьям Амазонки, с низовьев Параны они проникали во внутренние районы современных Бразилии, Аргентины и Парагвая.

Методы колонизации, в сущности, были повсюду одинаковы. Немногочисленные группы монахов-миссионеров обычно следовали за отрядами конкистадоров, а иногда шли вместе с ними в области, еще не «христианизированные». По пути следования строились поселки миссии, центрами которых были, во-первых, собственно миссия, т. е. церковь с группой зданий вокруг для жилья монахов, иногда школы для индейских детей, а во-вторых, вооруженное укрепление — «пресидио», где мог располагаться отряд испанских солдат. Строить все это заставляли индейцев, где добром, а где и силой. Такие поселения-миссии становились центрами «христианизации» окрестных индейских племен.

По замыслам испанской короны такие миссии как бы обозначали «предел христианизации», а в сущности, границы владений Испании. Эта граница должна была про-

двигаться в глубь страны каждые десять лет, на возможно большее расстояние, т. е. процесс должен был повторяться¹⁰. На деле это, конечно же, было невозможно. Зачастую в конце «условного десятилетия» само существование миссии оказывалось под вопросом, потому что или местоположение ее было избрано неудачно — в районе, который оказывался экономически бесполезным, или попросту она уничтожалась враждебными индейскими племенами.

«Второй эшелон» испанских завоевателей нес с собой не только обращение в христианство. Католическая церковь пыталась навязать чуждые аборигенам элементы испанской культуры и одновременно искоренить исконно местные, неизбежно связанные со старыми религиозными верованиями. Но, коль скоро католические миссионеры для вящего успеха своего дела вынуждены были использовать эти же местные элементы культуры, она в той или иной мере сохранялась, выживала, хотя и видоизменялась в процессе взаимодействия с чужеземным культурным потоком. Как пишет колумбийский автор Э. Барней Кабрера, «на руинах старых храмов были воздвигнуты алтари новых богов. А на фундаменте индейских поселений возникли испанские города. Но в глубине страны продолжали существовать очаги культуры аборигенов. Умерли старейшины, пали вожди. Но индейская народная масса продолжала жить. И с ней — ее представление о мире, ощущение своей расы и своей земли... Так явилась на свет новая культура. Уже новое, другое социальное явление, но прочными корнями глубоко уходящее в прошлое»¹¹.

Католические миссионеры невольно способствовали формированию нового синтеза культур, которые, как известно, в ранней стадии всегда теснейшим образом связаны с религиозными верованиями. Как мы уже отмечали, стремясь провести христианизацию индейцев скорее и как можно в более широких масштабах, миссионеры часто возводили католические церкви именно на местах старых индейских святынь, где индейцы поколениями привыкали совершать поклонение. Тем самым символизировалась победа истинного христианского бога над древними языческими богами.

Пожалуй, одним из самых наглядных примеров использования католической церковью прежних священных мест индейцев было сооружение неподалеку от города Мехико церкви святой девы Гуадалупе, которая ныне является

одним из главных мест паломничества мексиканских католиков. Именно на месте этой церкви до испанского завоевания индейцы совершали поклонение своей богине-матери Тонанцин, а в 1531 г., по утверждению церковников, здесь произошло явление богоматери. Так — и не в одной только Мексике — осуществлялась преемственность религии европейской от религии индейской. В завоеванном Перу Писарро передал церкви храм Виракочи в Куско для использования его в качестве основы кафедрального католического собора; в том же Куско и многие другие места религиозного поклонения инков были использованы для сооружения христианских церквей.

Наиболее дальновидные представители духовенства в Новом Свете считали, что наиболее действенным средством распространения и закрепления христианства среди местного населения должно стать учреждение широкой сети церковных школ при миссиях, монастырях, в церковных приходах, где учились бы будущие поколения подданных испанской короны, исповедующих римско-католическую веру. Так, в одной из основных форм культурной жизни в испанских колониях в первые десятилетия после завоевания стала организация образования для индейцев. К концу XVI в. в Новой Испании, например, школы для индейцев были почти столь же многочисленны, как и монастыри¹². Уже первые францисканские монахи, прибывшие сюда по просьбе Кортеса, возвещали индейцам: «Мы прибыли из очень далеких земель... не искать золото или серебро, и не ради какой-либо другой добычи или прибыли, но для вашего вечного спасения. И для этого, возлюбленные братья, необходимо... чтобы вы вручили ваших малых детей в наши руки... Ибо, будучи еще детьми, они лучше смогут понять учение, которое мы проповедуем. Со временем же они будут помогать нам учить вас и других взрослых, которые будут у них учиться»¹³.

Опираясь на силу оружия миссионеры собирали индейских детей в свои школы, основной задачей которых было готовить так называемых доктринерос — проповедников христианского учения.

Особое место в становлении специфической системы образования для местных уроженцев принадлежит францисканскому монаху Петру (Педро) Гентскому, открывшему первую такую школу в Тескоко (Новая Испания). Вершиной его религиозно-педагогической деятельности считают работу школы «Сан Хосе де Белен де лос Нату-

ралес» в Мехико, которую он открыл в 1529 г. и которой руководил до своей смерти в 1572 г. Мексиканский автор Г. Икасбальсета пишет: «Он собрал до тысячи индейцев, которые получали духовное и гражданское образование. Позднее он добавил изучение латыни, музыки и пения, что приносило большую пользу духовенству, ибо школа готовила музыкантов и певчих для церквей. Не удовлетворившись этим, он собрал также и взрослых индейцев, которые обучались искусствам и ремеслам. Он поставлял церквям писанные или изваянные изображения святых, шитые облачения, иногда с отделкой из перьев, в чем так искусны индейцы, а также кресты, подсвечники и многие другие предметы, необходимые для отправления служб, ибо в той школе у него были живописцы, скульпторы, резчики по камню, столяры, вышивальщики, портные, сапожники и другие мастера»¹⁴.

Сам же Петр Гентский так рассказывал о своей педагогической и миссионерской деятельности: «Поскольку страна столь обширна и число жителей столь огромно, а монахов для поучения такого множества людей мало, мы взяли в дома нашего ордена (миссии.— В. С.) сыновей их вождей, чтобы наставить их в католической вере и чтобы впоследствии они смогли наставить в ней своих родителей... Таких детей я собрал в Мехико как в главном городе 500 или больше. Из них я отобрал 50 или больше самых смысленных и каждую неделю обучал их, чтобы они по воскресеньям сами читали проповеди... По воскресеньям они уходили читать проповеди в город и в места окрест него... распространяя повсюду католическую веру и приготавливая людей к принятию крещения. Я сам ходил с ними, разрушал идолов и их храмы в тех местах, куда мы приходили... Я сам, с помощью божией... воздвиг более 100 зданий, посвященных всемогущему господу, церковей и часовен, некоторые из них — прекрасные храмы»¹⁵.

В целом же школы, подобные тем, которые основал Петр Гентский и его братья в Новой Испании и других областях испанской колониальной империи в Америке, преследовали одну главную цель — распространение католической религии среди как можно более широких масс индейцев, чтобы сделать из них правоверных католиков, а следовательно, и покорных слуг испанской короны. Обучение в таких школах сводилось прежде всего к заучиванию основ христианско-католической доктрины. Как мы видели, такие школы выполняли и роль ремес-

ленных мастерских по изготовлению различной церковной утвари. Самым же способным из индейских мальчиков была уготована судьба стать «доктринеро». Однако в монашеские ордена они не могли быть приняты.

Учебное заведение для индейцев, но уже предназначенное для других целей, было основано в 1534 г. в Мехико вице-королем Антонио де Мендосой и епископом Хуаном Сумаррагой. По средневековой градации оно приближалось к среднему учебному заведению, колледжу (по-испански — «колехио») и носило название «Санта Крус де Тлателолко». Некоторые мексиканские исследователи считают этот колледж «самым выдающимся из образовательных учреждений, созданных для индейцев». Главной его задачей, по замыслу основателей, было воспитание послушной испанцам индейской «элиты», которая проводила бы в стране удобную завоевателям политику. В колледж принимались сыновья касиков и других представителей индейской знати, с тем чтобы они приняли активное участие в «цивилизаторской деятельности», проводившейся метрополией. Индейские мальчики, которых принимали в колледж «Санта Крус де Тлателолко» в возрасте 10—12 лет, изучали не только основы христианского учения, чтение и письмо на испанском языке, но и некоторые дисциплины, по средневековой европейской традиции относящиеся к высшему образованию, — латинский язык, риторику, музыку, логику, философию; последнюю, конечно, в идеалистическом томистическом толковании. Изучалась также индейская медицина. Преподавали в колледже ученые, пользовавшиеся высокой научной репутацией; среди них историк-гуманист Бернардино де Саагун (1500—1590), миссионер-полиглот Гарсиа де Сиснерос, питомцы Парижского университета Жуан де Гаона и Жуан де Фоше¹⁶. Колледж «Санта Крус де Тлателолко» просуществовал до конца XVI в. и в значительной мере выполнил задачу, поставленную перед ним его основателями: из его стен вышло немало высокопоставленных чиновников колониальной администрации, алькальдов, педагогов, которые активно помогали испанцам в их «цивилизаторской деятельности». Для тех же целей в Мехико иезуитами был в 1586 г. основан колледж «Сан Грегорио Магно», куда принимались также отпрыски индейской знати, но масштабы его деятельности оказались более скромными.

В тот же период в Новой Испании духовенством создаются учебные заведения специально для метисов.

Из таких учебных заведений наиболее известным был основанный в 1547 г. также по инициативе Мендосы и Сумарраги колледж «Сан Хуан де Летран», «где учились многие мальчишки-сироты, сыновья испанцев и индейцев»¹⁷.

Мы не случайно так подробно описываем деятельность духовенства на ниве просвещения в Новой Испании: именно эта часть испанской колониальной империи в Америке была покорена и освоена первой, именно здесь испанская корона отработывала те идеологические формы и методы колонизации, которые стали образцом для подражания в вице-королевствах и генерал-капитаниях Южной Америки. Так, по образу и подобию мексиканских колледжей в столице Новой Гранады городе Санта-Фе-де-Богота в конце XVI в. орденом доминиканцев был основан колледж св. мадонны Росарио. Здесь же в 1604 г. орденом иезуитов, которые в южноамериканских колониях Испании вступили в острое и затяжное соперничество с другими религиозными орденами в сфере просвещения, был основан колледж св. Бартоломе. Оба этих учебных заведения также относились к разряду так называемых «старших» колледжей, по своему статусу и программе приближавшихся к университетам.

Впрочем, интерес колониальной церковной и светской администрации к организации и деятельности специальных учебных заведений для индейцев и метисов к концу XVI — началу XVII в. заметно падает, а затем и исчезает вовсе. По-видимому, дело здесь не столько в том, что приезжавшие из метрополии испанцы завидовали грамотности получивших образование местных уроженцев и боялись их, сколько в том, что школы для индейцев и метисов выполнили свое назначение и надобность в них отпала. Ценой огромных жертв со стороны индейского населения задачи колонизации к этому времени были в основном достигнуты: в Новой Испании, Перу, Новой Гранаде и других американских владениях испанской короны сложилась особая экономическая и социально-политическая организация, обеспечивавшая беспощадную эксплуатацию метрополией обращенных в католичество индейцев.

Что же касается общей системы начального образования в американских колониях Испании, то зачатки такой системы — правда, в значительной мере формально — существовали. Каждый новый город, зачастую выраставший на месте католической миссии, должен был застраи-

ваться по строго регламентированному специальными королевскими указами плану, в каждом городе нужно было воздвигнуть церковь и построить школу. Как мы видели выше, образование было, по существу, монополией духовенства, и поэтому наиболее многочисленная категория начальных школ — так называемые божьи школы — вплоть до XIX в. действовали при монастырях. Обучение здесь было бесплатным, а ученикам преподавали чтение, письмо, пение и, разумеется, закон божий. Но и в городах в бюджетах каждого кабильдо — органа городского управления — предусматривались особые статьи расхода на оплату учителей начальных светских школ, так называемых королевских школ. Однако светских учителей было чрезвычайно мало, труд их плохо оплачивался, и поэтому в подавляющем большинстве городов такие школы попросту отсутствовали. До нас дошли известия о деятельности лишь отдельных светских учителей-одиночек в Буэнос-Айресе и Санта-Фе в начале XVII в., преподававших чтение, письмо, закон божий, иногда арифметику и пение¹⁸.

В целом же неграмотность как индейского населения, так и метисов, а также низших и средних слоев креолов была почти поголовной. Уже в начале XVIII столетия епископ Тукумана Хосе Антонио де Сан-Альберто писал: «А если среди них находится кто-то, знающий немного чтение, письмо и способный ответить на кое-какие вопросы из катехизиса, то на него глядят как на чудо и почитают за ученого и мудреца»¹⁹.

Первые попытки организации женского образования также предпринимались церковью. Именно церковью была в 1529 г. в Тескоко (Новая Испания) основана школа «для дочерей сеньоров и индейских правителей». Вскоре после этого епископ Сумаррага организовал в Мехико учебное заведение для девочек, задачи которого были изложены так: «С пяти лет воспитывать их так, чтобы они, выходя оттуда замуж, учили своих мужей и домашних основам нашей святой веры, благородным манерам и доброму образу жизни»²⁰.

Уже в первые же десятилетия после завоевания испанцами земель в Новом Свете и организации здесь колониального управления обнаружилась необходимость в создании учебных центров по подготовке чиновников для огромного бюрократического аппарата и священников для многочисленных католических церквей. Для этого в колонии был перенесен западноевропейский опыт созда-

ния университетов, сыгравших большую роль в эволюции духовной жизни средневековой Европы. За образец университетов в Америке был взят один из старейших университетов Испании и Европы — университет в Саламанке, основанный в 1215 г. королем Альфонсом IX Леонским и, как это было принято в средние века, утвержденный папской буллой в 1255 г. Саламанкский университет находился под покровительством короля и содержался за счет казны. Однако в повседневные дела университета неизменно вмешивались личные представители папы — «консервадорес» и «маэстрезскуэлас», так как даже право преподавания выходцами из университета в других странах Европы обуславливалось предоставлением особых папских булл²¹. В Саламанке, как и в большинстве других университетов средневековой Европы, было четыре факультета: богословский, юридический, медицинский и факультет искусств (подготовительный). Преподавание же строилось по средневековой схеме «тривиума» (тривиум: грамматика, риторика, диалектика или логика в ее чисто теологическом толковании; квадравиум: арифметика, геометрия, куда входила и география, астрономия и музыка). Помимо этого, в зависимости от факультета преподавались астрология, каноническое (церковное) и гражданское право, теология и медицина. Студенты могли получить четыре ученых степени: бакалавра, лиценциата, магистра и доктора. Право на присуждение тех или иных ученых званий присваивалось каждому университету особым королевским указом или папской буллой, поскольку университеты — как в самой Испании, так и в ее колониях — были королевские, папские или папско-королевские.

Управление университетом в Саламанке и по его примеру в американских университетах находилось в руках университетского совета, который обычно называли латинским словом «клауструм». Во главе университета стоял ректор; должность его была выборной, ему принадлежала вся полнота власти в университете, он обладал правом юрисдикции. Формально королевская администрация не имела никаких прав по отношению к студентам и преподавателям, ректор нес за них ответственность перед высшими властями (это называлось автономией университетов)²². На деле же, однако, и здесь королевский патронат над церковью играл свою роль, коль скоро — в силу той же монополии церкви в образовании — и сам ректор имел духовный сан, и профессора, и низшие долж-

ностные чины в каждом университете были лицами духовного звания.

Считается, что первым университетом в Америке был основанный монахами доминиканского ордена университет «Фома Аквинский» в Санто-Доминго. Во всяком случае, в 1538 г. доминиканцы сумели добиться издания папской буллы, которая возвела их небольшой колледж в ранг университета. Впрочем, это решение папы не получило необходимого подтверждения со стороны Совета по делам Индий, для которого возникновение такого важнейшего центра образования, как университет, было делом немаловажным, да и в дальнейшем за три столетия колониального господства Испании деятельность этого университета в Санто-Доминго оставалась весьма незаметной.

Итак, нужда в образованных людях для пополнения королевской администрации и духовенства в колониях побуждала колониальные власти к созданию учебных центров высшего ранга здесь же, на местах, потому что приглашать образованных молодых людей из Испании либо обучать молодых креолов в испанских университетах было делом нецелесообразным. Это понимали правители испанских колоний, в частности вице-король Новой Испании Антонио де Мендоса, неоднократно обращавшийся к королю с просьбой об основании университета в Мехико. Но только в 1551 г. был подписан указ об учреждении в Новом Свете двух университетов — в Мехико и в Лиме. Университет в Мехико получил те привилегии, которые имел университет в Саламанке и стал первым так называемым «старшим» университетом в Новом Свете.

Университет в Мехико был открыт чрезвычайно торжественно, ежегодная субсидия этому учебному центру составляла тысячу песо золотом²³. Всего в нем было пять факультетов: артистический, или искусств (подготовительный, по существу выполнявший роль средней школы), где изучались начала логики, физики и метафизики в их схоластическом истолковании, и четыре высших: богословский (теологии), гражданского права, канонического права и медицинский, начавший работать позднее других. В первые годы своего существования университет в Мехико имел кафедры латыни, риторики, философии, канонического и гражданского права, «святого писания» и теологии. В 1580 г. здесь открылась кафедра индейских языков. За исключением ректора и

двух профессоров, все преподаватели были лицами духовного звания. Преподавание велось на интернациональном для средневековой европейской науки латинском языке. Университет имел право присуждать ученые степени бакалавра, лиценциата и доктора²⁴.

Как и в университетах Европы, вся система преподавания и учебы в университетах Мехико была строго регламентирована; над изучением всех дозволенных дисциплин довлели догмы схоластики и томизма. Физика изучалась в рамках доктрины Аристотеля, естественная история — по Плинию, преподавание математики ограничивалось началами евклидовой геометрии. Мексиканский историк пишет: «Теология, философия и даже юриспруденция соответствовали духу средневековья, были в высшей степени схоластическими, торжествовал чистый и дедуктивный метод; две первые дисциплины толковали религиозные догмы, а юриспруденция — аксиомы римского права, законодательства Испании и Совета по делам Индий, не дозволялось проводить какой бы то ни было анализ»²⁵.

Все это, впрочем, не значит, что университет в Мехико был цитаделью косности и невежества. По основным показателям он находился на уровне европейских университетских центров, сыграл большую роль в развитии духовной жизни колониального общества Новой Испании. Несмотря на засилье католической церкви и господство ортодоксально-религиозного мировоззрения, в университете исподволь развивались передовые для того времени идейные и научные направления. Уже в XVII в. в стенах университета велась полезная работа, прежде всего в области изучения индейских языков, практической медицины с применением древнеиндейских методов врачевания и т. д.

Коль скоро университеты с самого начала были предназначены для подготовки кадров управления в колониях — светских и духовных, поступление в эти учебные заведения было обставлено целым рядом строжайших ограничений: необходимо было представить авторитетные свидетельства о чистоте испанской крови, о законном рождении от почтенных родителей, о принадлежности к римско-католическому вероисповеданию и т. д. Так что в университеты попадало ограниченное число молодых людей, принадлежащих к местной креольской верхушке.

Наиболее высокой репутацией среди университетов испанских колониальных владений в Новом Свете — а их всего до 1815 г. было основано 25 (из них 10 «старших»

и 15 «младших») — пользовался университет в Мехико. За 222 года работы в колониальный период его окончил около 30 тыс. человек; из них 84 стали епископами и архиепископами, многие — высшими чиновниками королевских аудиенсий в Мехико, Гватемале, Санто-Доминго и Маниле, членами Высшего совета обеих Кастилий и Совета по делам Индий, инквизиторами; многие занимали высокие посты в церковной иерархии, возглавляли университетские кафедры — и не только в Америке, но и в самой Испании (в Саламанке, Алькале, Севилье и Гранаде) ²⁶.

Хуже обстояли дела в других колониальных университетах. Находясь в основном под руководством францисканцев, доминиканцев и иезуитов, они были оплотами схоластической теологии, реакции и мракобесия. Основанный одновременно с университетом в Мехико университет Сан Маркос в Лиме, по свидетельствам современников, стал ареной нескончаемой вражды и бесплодных схоластических дискуссий между соперничавшими группами профессоров-монахов, превратился, по сути дела, в захудалую духовную семинарию. На долгие годы здесь даже совершенно прекратилось преподавание математики. Перуанский историк называет это высшее учебное заведение университетом «без сколько-нибудь серьезных занятий чем бы то ни было» ²⁷. Современник перуанец писал: «Мы учились больше пререкаться, чем чему-либо разумному... Непроницаемая завеса была между нами и иностранными языками, химией, естественной историей, а также историей общества. Мрачные тучи заслоняли от нас и познание нашей собственной страны, нашей планеты, общей механики вселенной. Нам была недоступна сама мысль о месте человека в обществе, о самом обществе» ²⁸.

Естественно, многочисленные, но находившиеся в состоянии крайнего упадка и застоя университеты колониальной Испанской Америки не могли в полной мере выполнять свою основную задачу — формирование кадров колониальной администрации и католического духовенства в колониях. А потребность в них постоянно возрастала по мере усложнения административной структуры колоний и увеличения числа церковных приходов. Необходимы были и ученые-специалисты в практических областях знаний, так как экономический и научный прогресс, несмотря на многочисленные препоны, чинимые колониальными властями, мало-помалу давал о себе

знать и в Испанской Америке. Самым же важным было то, что в недрах колониального общества исподволь зрели новые силы, дальнейшее развитие которых требовало коренной перестройки всей системы образования, выхода ее из-под ретроградной опеки католического духовенства.

Глава 3

ИЕЗУИТЫ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ

Орден иезуитов появился на землях Испанской Америки позже других католических монашеских орденов. Лишь в 1566 г. первые иезуиты прибыли во Флориду, в 1568 г. — в Перу, в 1572 г. — в Новую Испанию¹. Позже они распространились по всем испанским владениям, вплоть до самых отдаленных их уголков. Деятельность иезуитского ордена в Новом Свете продолжалась 200 лет, оставив, однако, самый значительный след в истории Латинской Америки по сравнению с другими католическими орденами. Это объясняется особым характером ордена иезуитов, официально называвшегося «Обществом Иисуса».

Орден был основан в Париже в 1534 г. испанским мелким дворянином, религиозным фанатиком Игнасио (Игнатием) Лойолой, в прошлом подвизавшимся на военном поприще и прожившим весьма бурную жизнь. В 1540 г. папа Павел III утвердил создание нового религиозного ордена. Появление ордена иезуитов — воинствующей католической организации — именно в этот период было не случайным. Как раз в середине XVI в. в Европе становится особенно заметным обострение классовой борьбы, связанное с первыми шагами капитализма. Формировавшиеся в передовых странах Европы новые классы — буржуазия и наемные рабочие — создавали свою идеологию, выражавшую их чаяния и политические требования. В силу повсеместного господства религиозного мировоззрения, зарождавшаяся идеология выступала в форме новых религиозных учений — протестантских «ересей», которые, как правило, выступали за гуманистическое преобразование церкви. «Общество Иисуса» и было призвано стать мощным орудием католической реакции в борьбе против Реформации. Деятельность иезуитов вовсе не ограничивалась идеологической борьбой против новых

«еретических» учений — их орден стал политической силой, выступавшей против всего нового, прогрессивного, за сохранение любой ценой феодального строя, стал оплотом мракобесия, клерикализма и политической реакции. Иезуиты активно участвовали в деятельности инквизиции, упорно преследовали передовых мыслителей и ученых, были вдохновителями и организаторами жестокого подавления народных антифеодальных движений XVI—XVIII вв.

Такого рода деятельность «Общества Иисуса» обусловила особую организацию и особые моральные принципы этого католического ордена, весьма отличавшие его от других католических орденов. По-видимому, Игناسио Лойола учел свой жизненный опыт, дав «Обществу Иисуса» многие организационные принципы регулярного войска. В ордене существовали строгая централизация и железная дисциплина, предписывавшая беспрекословное повиновение стоявшим выше на иерархической лестнице внутри ордена. Руководитель ордена — генерал («черный папа»), который избирался пожизненно и подчинялся только папе римскому, обладал абсолютной властью. Для членов ордена была разработана особая система моральных принципов, которую сами иезуиты называли «приспособительной». Во имя «высшей цели» — «вящей славы божьей» — она позволяла в зависимости от обстоятельств весьма произвольно толковать основные существовавшие тогда религиозно-нравственные требования, идти на любой обман, совершать любые преступления.

Учитывая особую роль «Общества Иисуса», папа даровал его членам ряд весьма необычных для монахов привилегий: они могли носить светскую одежду, освобождались от многих обязательных для духовенства предписаний и запретов, несли ответственность исключительно перед старшими по сану в своем ордене. С этим сочеталась система обязательного взаимного шпионажа внутри ордена — каждый следил за каждым.

В целом же с созданием ордена иезуитов католическая церковь приобрела чрезвычайно прочную и гибкую организацию, ставшую эффективным орудием в борьбе за сохранение и укрепление своих позиций. Уже в первые годы после основания «Общество Иисуса» в своей деятельности вышло за пределы Европы: в 1542 г. иезуиты проникают в Индию, в 1549 г. — в Японию, в 1563 г. — в Китай, в 1594 г. — на Филиппины. «По своему характеру это был по существу первый подлинно космополитиче-

ский орден католической церкви, в который входили представители различных национальностей, готовые в любое время сняться с места и по приказу своего начальства перебазироваться в любую точку земного шара»².

Наибольшего размаха деятельность ордена иезуитов достигла в Америке. Многие авторы, писавшие об иезуитах, сообщают, что руководители ордена вынашивали замыслы мирового, «вселенского» государства иезуитов; плацдармом же для осуществления этих проектов мирового господства должны были стать испанские и португальские колониальные владения в Америке. Этому в немалой степени способствовали теснейшие связи, существовавшие между иезуитами и ближайшим окружением короля-фанатика Филиппа II, бывшего одновременно монархом и Испании и Португалии. При его правлении страны Пиренейского полуострова стали опорой католической реакции, где при помощи инквизиции беспощадно уничтожались лютеране, кальвинисты, все заподозренные в каких-либо ересьях.

До появления иезуитов в Испанской Америке миссионерская и иная религиозная деятельность здесь была сосредоточена в руках трех крупных монашеских орденов — доминиканцев, францисканцев и августинцев, что и было закреплено специальными указами короны. Один из таких указов в 1560 г. предписывал: «Нежелательно, чтобы в Лиме имелись монастыри каких-либо других орденов, кроме орденов св. Доминика, св. Франциска и св. Августина». В последующие годы то же было установлено относительно Новой Испании и других испанских владений в Новом Свете. Но в 1572 г., когда иезуиты уже практически действовали в Америке, а в самой Испании их влияние значительно усилилось, было принято решение, что «Общество Иисуса» может разделять миссионерскую и иную деятельность в американских владениях с тремя вышеупомянутыми монашескими орденами³.

Заметно усилился приток иезуитов в Испанскую Америку в первые годы XVII в., после появления в Риме брошюры побывавшего в Перу иезуита Диего де Торреса, в которой с явно пропагандистскими целями расписывались необозримые перспективы для деятельности «воинства христового» в Америке. Сочинение Диего де Торреса вскоре же было переиздано в Милане, а затем переведено на латинский, немецкий и французский языки. Тот же падре Торрес со всем рвением занялся решением очень важной для иезуитов проблемы — добиться для членов

этого ордена исключительного права заниматься миссионерской деятельностью в Америке, что строжайше запрещалось для иностранцев. Старания эти имели успех, и корона стала давать индивидуальные разрешения на ведение миссионерской и иной религиозной деятельности в американских колониях Испании исключительно иезуитам; в XVII в. среди членов «Общества Иисуса» в Америке появляются французы, немцы, итальянцы, выходцы из католических стран Восточной Европы. Иезуиты в Америке получили и другую важную привилегию по сравнению с другими орденами: им было разрешено принимать в свои ряды креолов — влиятельную прослойку колониального общества. Это, бесспорно, способствовало укреплению иезуитского ордена на американской почве, в то время как монахи других орденов оставались здесь чужеземцами.

Члены «Общества Иисуса» пользовались в те времена репутацией весьма образованных людей, обладавших самыми разносторонними познаниями. В самом деле, коль скоро орден преследовал далеко идущие цели, его руководителям нужны были сведущие и опытные исполнители их замыслов, и они не скупились на расходы. Многие из прибывших в Америку иезуитских профессоров окончили курс в двух европейских университетах, на средства ордена совершили познавательные путешествия по нескольким европейским странам. В числе иезуитов, работавших в Испанской Америке, мы встречаем не только славившихся своей ученостью и начитанностью богословов, но и врачей, музыкантов, специалистов в церковном, гражданском и военном строительстве, металлургии, печатном деле, в самых различных ремеслах, в сельском хозяйстве, опытных военачальников. Стоит ли говорить, что в космополитическом по своему характеру «Обществе Иисуса» знание нескольких языков, включая языки местного индейского населения, было делом само собой разумеющимся.

Естественно, что уже вскоре после появления иезуитов в Америке они стали энергично оттеснять другие монашеские ордена в важнейшей сфере образования. Этой стороне деятельности иезуитского ордена его руководство придавало очень большое значение — ведь именно таким путем иезуиты обеспечивали себе контроль над умонастроениями правящих кругов колоний, укрепляли связи с административным аппаратом. Находившиеся в руках иезуитов учебные заведения принимали в свои стены

исключительно отпрысков местной знати, при этом за обучение иезуиты взимали значительно более высокую плату, чем соперничавшие с ними другие монашеские ордены. Иезуитские школы, колледжи и университеты в колониальный период истории Латинской Америки пользовались наиболее высокой репутацией, что объяснялось как уровнем образованности преподавателей-иезуитов, так и особыми, разработанными в ордене педагогическими методами.

Впрочем, эти методы использовались прежде всего для прочного усвоения учениками католической доктрины, для воспитания фанатично преданных католической вере подданных испанской короны. Иезуитские учебные заведения в колониях были оплотом католической реакции, расценивавшей всякое проявление передовой мысли как нечто чрезвычайно греховное, пагубное и опасное. Сохранившиеся до наших дней каталоги библиотек иезуитских учебных заведений в Америке свидетельствуют, что они были одними из самых больших книгохранилищ в Новом Свете, но состояли почти целиком из трактатов по теологии, схоластической философии, трудов «отцов церкви», книг религиозно-этического содержания, по каноническому праву, «житий» святых и т. п. К тому же подавляющее большинство такого рода литературы было издано на латинском языке. Книг по классической древности, истории, географии или другим светским наукам было очень мало, да и те были весьма устаревшими для XVII в. Взлет просветительской мысли в Европе в первой половине XVIII в. почти никак не отражается на содержании библиотек в иезуитских учебных заведениях; новые книги туда попадали лишь случайно.

Тем не менее в колониальной Испанской Америке учебные заведения иезуитов процветали. Так, в Новой Испании орден в начале XVIII в. в разных городах имел 22 колледжа. По объему и уровню образования в то время сколько-нибудь резкой грани между университетами и колледжами не существовало, и иезуитские колледжи пользовались высокой репутацией. Особенно это относится к иезуитскому «старшему» колледжу св. Петра и Павла в Мехико, приближавшемуся по числу своих кафедр к местному университету (не было только кафедр медицины и гражданского права). Число студентов здесь (уже в 1599 г.) составляло около 700 человек. Из стен этого колледжа вышли видные представители мексиканской культуры — Сигуэнса-и-Гонгора, Бартолаче, Эгиара-и-

Эгурен, Альсате, Леон-и-Гама, Фагоага, Игнасио Альдама, Хосе Мариа Боканегра⁴.

Отметим, что иезуиты действовали в Новом Свете по тщательно разработанным планам, сосредоточивая свое внимание и усилия не только на перспективных направлениях, но и на стратегически важных пунктах, сообщавшихся с важнейшими экономическими, торговыми и административными центрами испанских колоний. Это в полной мере относится и к учебным заведениям, которые иезуиты основывали или брали под свой контроль. Таким пунктом в Южной Америке, например, был город Кордова, тесно связанный с центром колонизации всего материка — Лимой. Из Кордовы открывались удобные пути и к Тихоокеанскому побережью, и — по рекам Парана, Уругвай и Парагвай — к Атлантическому, и в центральные районы, и на крайний юг материка. Столь удачное расположение Кордовы, несомненно, обусловило возникновение здесь крупного центра высшего и среднего образования. Уже в 1610 г. иезуиты открыли в Кордове «старший» колледж, где, помимо кастильской и латинской грамматик, преподавались теология и философия, а также индейские языки. Колледж этот, известный под названием Колледжа Лорето, или Королевского, предназначался прежде всего для подготовки священников и проповедников-миссионеров. В 1613 г. иезуиты добились от короля и папы преобразования этого колледжа в Кордовский университет, который по-прежнему полностью оставался в руках ордена. В первые годы здесь обучались только студенты-иезуиты, а с 1622 г. по специальному указу папы Григория XV и короля Филиппа III в университет стали принимать молодых людей, еще не вступивших в орден. Кордовский университет считался частным, а не королевским, но иезуиты добились, чтобы присуждавшиеся в нем ученые степени признавались везде. В середине XVII в. в Кордовском университете было два факультета: искусств (с изучением философии), присуждавший степени бакалавра, лиценциата и магистра искусств, и теологии (с изучением канонического права, морали и теологии), присуждавший степени бакалавра, лиценциата и доктора⁵. Для Кордовского университета иезуиты купили в Европе типографию, которая и была доставлена сюда в 1764 г.

В городе Чукисака, вблизи крупнейшего в Америке центра добычи серебра — Потоси, в 1622 г. иезуиты осно-

вали колледж, преобразованный в университет в 1624 г., известный также как университет в Чаркасе, или университет св. Франциска-Ксаверия. Университет в Чукисаке, предназначавшийся прежде всего для теологического образования, располагал огромной библиотекой, хотя характер книжного фонда был обычным для иезуитских библиотек. В XVIII в. здесь был основан факультет правоведения⁴.

Сразу же после своего появления в Америке иезуиты развернули и активную миссионерскую деятельность, опередив на этом поприще действовавшие в испанских колониях другие католические ордена. Поскольку к концу XVI в. на обширных землях вокруг главных центров испанской колонизации — Мехико, Лимы и Боготы — были расположены сотни миссий доминиканцев, францисканцев и августинцев, то иезуиты направились в периферийные районы, где им в меньшей степени грозило опасное соперничество других орденов. Так, в Новой Испании иезуитские миссии сосредоточились в окраинной северо-западной провинции Новая Бискайя, из Новой Гранады и Перу иезуиты проникли на восток от Андских гор, основав многочисленные миссии с индейским населением более 100 тыс. человек в бассейнах рек Ориноко и Мараньон, у истоков Амазонки; в Чили они продвинулись на юг вплоть до Патагонии и Огненной Земли.

В Новом Свете иезуиты стяжали себе репутацию неутомимых, упорных проповедников. Они со строжайшей пунктуальностью наблюдали повсюду за ортодоксальностью формы отправления католических богослужений и других обрядов. В то же время иезуиты не замыкались в стенах своих миссий и монастырей, но проникали в женские монастыри, проповедовали в церквях и тюрьмах, создавали многочисленные религиозные общества-братства. Чтобы привлечь на свою сторону народные массы, иезуиты часто устраивали красочные религиозные празднества с эффектными процессиями, что должно было производить немалое впечатление.

Однако высшим достижением миссионерской деятельности «Общества Иисуса» в Америке считается организация миссий в Парагвае, точнее, на территории современных аргентинских провинций Мисьонес и Корриентес, в междуречье рек Парана и Тебикуари, по левому берегу реки Уругвай и южнее. В пору расцвета деятельности иезуитов в этом обширном районе насчитывалось 30 мис-

сий, или редукций *, часто именуемых «Иезуитское государство в Парагвае». Впрочем, как мы увидим, название это весьма условно.

Район концентрации иезуитских миссий был избран не случайно: он удачно сообщался с опорным пунктом ордена в Кордове, где находилась резиденция иезуитского провинциала и где готовились кадры миссионеров. Миссии располагались вблизи или непосредственно по течению судоходных рек, на плодородных землях с многочисленным населением индейцев гуарани.

Деятельность иезуитского ордена в этом районе планировалась его руководством еще в конце XVI в., когда король Филипп II разрешил «Обществу Иисуса» учредить редукции в Тукумане и Парагвае; вскоре там появились и первые представители ордена. В 1604 г. они объявили об организации «Иезуитской провинции Парагвай» и приступили к созданию миссий⁷. Активная миссионерская деятельность иезуитов в этом районе в начале XVII в. проходила при поддержке губернатора Буэнос-Айреса Эрнандо Ариаса де Сааведры (Эрнандариаса), в юрисдикции которого формально находились миссии. Испанский губернатор, испытывая постоянный недостаток денег, людей и военной силы, справедливо увидел в иезуитах энергичную силу колонизации и предоставил им полную свободу действий на обширной территории. Развязывая руки иезуитам в этой части Южной Америки, испанские колониальные власти преследовали свои военно-политические цели в условиях нараставшей острой борьбы с португальскими колонизаторами в центральной части материка. Шведский исследователь истории иезуитского ордена М. Мёрнер пишет: «Легко понять стратегическую важность района, в котором создавалась возможность воздвигнуть барьер проникновению в Верхнее Перу с востока»⁸. Естественно, что испанские колониальные власти охотно предоставляли иезуитам и военную силу, точно так же, как и другим католическим орденам. Многочисленные апологеты «Общества Иисуса» изображают вторжение ордена в Парагвай как предприятие исключительно мирное, как «благословенное свыше» пришествие «истинного креста» в страну кротких и наивных, подобных детям, индейцев, которые тут же толпами падали ниц, с готовностью принимая христианскую веру. На деле

* От латинского «редуко» — «привожу обратно» (имеется в виду возвращение в лоно христианства индейцев, якобы утративших истинную веру в некие незапамятные времена).

же проникновение «войинства христово» на земли индейцев гуарани вовсе не было тем «триумфом веры», о котором пишут иезуитские историографы. Индейцы видели в пришельцах враждебную силу, посягавшую на их исконные земли и обычаи, и оказывали им решительное сопротивление. До нас дошли имена индейских вождей Аригуахе, Питы, Гуира-Веры, Чимбоа и других, возглавлявших борьбу своих племен против иезуитского вторжения. В 1628 г. произошло большое восстание индейцев гуарани против иезуитов, и только вмешательство испанских войск помогло удержаться ордену в Парагвае⁹.

Формально главной задачей иезуитов была «доктринация» индейцев, т. е. обращение их в христианскую веру. Эта задача на землях гуарани была выполнена довольно быстро. Некоторые исследователи видят причину этого в сходстве между религиозными воззрениями племен гуарани и христианской доктриной: и там и там существовал культ высшего божества, вера в существование рая и бессмертие души, в грядущий приход мессии и т. д. Впрочем, подлинной и главной задачей иезуитов в Парагвае было создание прибыльной колонии, порабощение масс индейцев, путем эксплуатации труда которых обеспечивалось обогащение ордена. «Что касается подлинного поведения иезуитов и их обращения с индейцами, то они, в сущности, не отличались от остальных энкомендеро», — отмечает аргентинский историк-марксист Л. Пасо¹⁰. Как рассудили иезуиты, для скорейшего получения максимальных выгод следовало использовать уже сложившуюся у гуарани индейскую общину. К иезуитским редуциям в Парагвае в полной мере применимо следующее замечание одного из крупнейших латиноамериканских историков-марксистов — Х. К. Мариатеги: «Испанский феодализм подчинил себе аграрный строй индейцев, сохранив частично его общинные формы; это сочетание создавало статический порядок, экономическую систему, стагнационные факторы которой были лучшей гарантией крепостной зависимости индейцев»¹¹.

Так и иезуиты, создавая свое «новое государство» в парагвайских редуциях, использовали местные формы и традиции, приспособив и изменив их применительно к своим целям. «При основании первых миссий... иезуиты посредством подарков завоевывали доверие индейцев; с самого начала они выказывали особое уважение касикам, с которыми заключали формальные договоры об основании редуций», — отмечает М. Мёрнер¹². В дальней-

шем иезуиты широко использовали индейских касиков, создавая из них туземную администрацию редукций. Опора на местную знать помогла иезуитам поколебать недоверие со стороны масс индейцев, сильно мешавшее им на первых порах. При участии тех же касиков была создана — правда, по испанскому образцу — внушительная декорация местного самоуправления. В каждом «городе»-редукции из среды индейской знати был составлен кабильдо (магистрат), где все внешне обстояло вполне солидно: был и коррехидор (бургомистр) с его заместителем, и алькальды (судьи), и советники, и секретари со всем подобающим штатом. Этих чиновных лиц иезуиты богато и по европейской моде одели, позволили им носить шпагу, называть себя «идалго» с дворянской приставкой «дон», освободили от налогов и публичных телесных наказаний, которые в иезуитских редукциях применялись весьма широко. Оставивший ценные свидетельства о миссиях иезуитов в Парагвае известный испанский ученый, военный деятель и путешественник Феликс де Асара (1742—1804) писал: «Хотя в каждом городе были свои, из индейцев, коррехидор, алькальды, рехидоры, которые составляли муниципальный совет, как в испанском городе, они не обладали какой-либо юрисдикцией и были на самом деле лишь исполнителями приказов священника (иезуита.— В. С.), который имел решающее суждение по всем делам, гражданским и уголовным, и никогда не позволял апеллировать к другим испанским судам и властям...»

Итак, весь порядок жизни в редукциях направлялся и определялся только иезуитами, которые, сохраняя видимость индейского самоуправления по испанскому подобию, составляли как бы посредническое звено в отношениях индейцев с богом, минуя власть королевскую. Реальная власть в каждой из редукций находилась в руках священника и викария, его помощника. Уже само распределение обязанностей между ними свидетельствует о том, что в деятельности иезуитов преобладало отнюдь не духовное, религиозное начало, а стремление к получению материальной выгоды. Главное лицо в редукции — священник в соответствии с тщательно разработанными инструкциями осуществлял руководство хозяйственными делами. «Поскольку эти занятия,— писал Феликс де Асара,— требуют многих знаний и опыта, священники (в редукциях.— В. С.) были всегда духовными лицами высокого ранга, которые ранее находились на постах про-

винциалов или ректоров в своих (иезуитских.— В. С.) колледжах... Они знали язык индейцев, хотя это не считалось главным. Их предшественники по должности оставили им подробные отчеты с указаниями, как распорядиться работами, мастерскими и т. д. В целом же священники были сведущи во всех делах». Второе лицо в редукции — викарий нес ответственность за правильное отправление богослужений, собственно миссионерскую деятельность и прочие дела «духовные»¹³. Система управления «иезуитским государством» в Парагвае была проста, отвечая строжайшему принципу централизации, обязательному в «Обществе Иисуса». Все 30 редукций подчинялись распоряжениям верховного священника, резиденция которого находилась в миссии Канделария на реке Парана. Он, в свою очередь, был подчинен главе парагвайской «провинции» с центром в Асунсьоне, одной из трех иезуитских «провинций» в Америке. Провинциал в Асунсьоне прямо подчинялся генералу ордена в Риме.

Уже сама система управления подразумевала с самого начала изоляцию иезуитских редукций, их иммунитет, фактическую независимость от испанских королевских властей. Такое особое положение было оговорено иезуитами еще тогда, когда они только начинали здесь свою деятельность. Луи Антуан де Бугенвиль, один из блестящих представителей французского Просвещения, королевский мушкетер, выдающийся ученый, военный деятель и путешественник, будучи в 1768 г. в Южной Америке, интересовался делами в парагвайских миссиях иезуитов, их историей. В своем «Кругосветном путешествии...» Бугенвиль пишет, что при основании своих миссий иезуиты поставили короне ряд условий, в частности «чтобы им была предоставлена полная независимость от губернаторов провинций, и даже потребовали, чтобы ни один испанец не пытался проникнуть в эту страну... [так как] пороки европейцев могут повредить их делу... Испанский двор одобрил эти соображения и установил, что на миссионеров не будет распространяться власть губернатора, а казначейство ежегодно будет выдавать им 60 тыс. пиастров на расходы по обработке земель с условием, что, как только будут созданы селения и земли приведены в хорошее состояние, индейцы ежегодно будут выплачивать королю по одному пиастру с каждого человека в возрасте от 18 до 60 лет»¹⁴.

Иезуиты очень ревниво охраняли свои владения, и человеку, не принадлежавшему к «Обществу Иисуса», про-

никнуть туда было чрезвычайно трудно. Дело было, разумеется, совсем не в том, что отцы-иезуиты стремились оградить свою «возлюбленную паству» от «зловредных пороков» цивилизации. Все обстояло значительно проще — иезуиты хотели любой ценой сохранить свои богатства и оградить эксплуатировавшихся ими индейцев от любых влияний. В ряде специальных приказов подчеркивалась необходимость сократить до минимума связи области редукций с внешним миром. Так, 17 апреля 1725 г. провинциал Луиджи делла Рокка подписал документ, в котором говорилось: «Приказываю... всем нынешним и будущим начальникам миссий, а также подчиненным им иезуитам, чтобы без точного моего приказа или приказа моих преемников они не допускали в эти миссии (и не позволяли другим это делать)... ни священника, ни монаха, ни испанца, ни метиса, ни индейца, ни иностранца, ни негра, ни еще кого-либо здесь не названного... Приказываю также всем в нашем ордене в случае, если кто-либо из выше-названных лиц окажется в миссиях... изгнать его из страны». Далее точно указывались несколько человек, на которых этот приказ временно или вовсе не распространялся, и назывались две редукции, служившие центрами торговли иезуитских миссий с «чужими», где деловое общение с внешним миром происходило под тщательным контролем¹⁵. Попадавшие в эти специальные «торговые» редукции могли задержаться там никак не более двух-трех дней, в течение которых им отводилось изолированное жилье; им не полагалось также проявлять любопытство к царившим в миссиях порядкам и разговаривать о чем-либо с индейцами. По делам же они должны были общаться только с иезуитами.

Постепенно намеренное обособление области иезуитских редукций приводило к тому, что она становилась как бы государством в государстве. Хотя, как мы видели, иезуиты добились у испанской короны целого ряда исключительных привилегий сравнительно с другими католическими орденами и организациями, тем не менее «королевский патронат» распространялся и на «Общество Иисуса». Несмотря на это, правители парагвайских миссий уже вскоре стали присваивать себе полномочия, никак не совместимые с их духовным саном. В частности, в области иезуитских редукций были организованы свои собственные вооруженные силы. Предлогом для их создания послужила угроза (достаточно, впрочем, реальная) со стороны так называемых «бандейрантов». Так называ-

ли в XVII—XVIII вв. отряды португальских колонистов из южной Бразилии, которые между других своих занятий промышляли захватом индейцев для продажи их в рабство. В 1635 г. иезуитский провинциал Бороа принял ряд военных мер для предупреждения набегов бандейрантов: в область редукций были посланы профессиональные военные, которых в числе членов «Общества Иисуса» было немало (напомним читателю Арамиса из знаменитой трилогии о трех мушкетерах Дюма), в частности некто Диас Таньо и с ним два «светских брата». Несмотря на запрет, наложенный губернатором Буэнос-Айреса Давилы на ввоз нескольких десятков мушкетов в область миссий, провинциал разрешил контрабандную покупку и доставку туда оружия и приказал обучить обращению с ними индейцев¹⁶. Заметим, что Законы Индий вплоть до начала XIX в. строго запрещали давать в руки индейцам огнестрельное оружие. Тем не менее, как видим, иезуиты пренебрегали важными законоположениями, используя или отвергая их в своих интересах. В дальнейшем иезуитские редукции превратились в хорошо укрепленные города-крепости, обнесенные глубокими рвами и бастионами, оцетинившимися пушками. Население в таких городах достигало 5—7 тыс. человек.

Что касается общей численности индейского населения в области парагвайских редукций, то по этому поводу мнения сильно расходятся. Бугенвиль, например, писал, что в середине XVIII в. здесь проживало около 300 тыс. индейцев¹⁷. М. Мёрнер считает, что в 1726 г. их было 150 тыс. и это была самая высокая цифра за все время существования редукций¹⁸. Самих иезуитов в редукциях было немного: М. Мёрнер сообщает, что в 1759 г. их было 53 человека, из них по крайней мере 20 — иностранцы, т. е. испанцы, 9 из них — немцы¹⁹.

Обладавшие обширными познаниями в самых различных областях, отцы-иезуиты направляли весьма разнообразную хозяйственную деятельность редукций. Здесь индейцы работали на лесопилках, в кузницах, пекарнях, на мельницах и верфях, в кирпичных и кожевенных, прядильных, седельных, гончарных, свечных, тележных, сапожных, швейных, ювелирных, скульптурных, живописных, литейных, оружейных, часовых, ткацких, слесарных, плотницких, по производству музыкальных инструментов и золотых и серебряных дел мастерских. Основным же занятием было земледелие; на обширных полях выращивался хлопок, йерба-мате (парагвайский чай), различ-

ные злаки. Работы велись по последнему слову тогдашней европейской агротехники с использованием традиционных навыков индейцев. Все это разнообразное хозяйство было распределено по редуциям в зависимости от потребностей существовавшего между ними обмена, а главное — от спроса внешнего рынка, ибо именно торговля с «внешним миром» приносила иезуитам прибыль. Иезуиты, писал Феликс де Асара, помещали в обширные склады «все плоды сельского хозяйства и промыслов, откуда в испанские города направлялись излишки хлопка, полотна, табака, овощей и фруктов, кожи, йерба-мате и древесины. Они перевозили все это на своих судах по ближайшим рекам, а возвращались с инструментом и всем тем, что потребно»²⁰.

Товарные склады иезуитов находились не только в «пограничных» редуциях, но и в ряде колониальных городов, где «Общество Иисуса» имело свою разветвленную торговлю. Недовольство конкурировавших с иезуитами купцов приводило часто к громким скандалам. Вице-король Перу Амад издал даже специальное предписание, в котором требовал, чтобы иезуитские торговцы покинули столицу вице-королевства Лиму, где они занимаются «корыстным запятием торговлей и делают это открыто на общественных площадях, улицах и рынках к соблазну светских людей, а также в лавках своих монастырей, посещаемых в любые часы, содержат таверны, пивные и другие заведения самого низкого сорта, получать прибыль от которых для них непристойно»²¹.

Весь уклад жизни тысяч индейцев, живших в иезуитских редуциях, был скрупулезно, до мелочей продуман их «духовными отцами» таким образом, чтобы выжать из индейцев максимум прибыли и держать их в беспрекословном повиновении. Эта система эксплуатации рабского по существу труда начиналась с особой планировки жилищ и редуций в целом. Все редуции строились по единому плану. В центре — квадратная площадь, посередине одной из замыкавших ее сторон находилась большая церковь, к ней примыкали просторный дом священника, различные мастерские, школа и складские помещения, за церковью — кладбище и дом для вдов. По другим трем сторонам площади размещались дома, предназначенные для жилья индейцев. Эти дома располагались на параллельных линиях-улицах шириной в пять шагов и были одноэтажными, построенными по единому образцу из обожженного кирпича, иногда из камня, четырехугольные

в плане, обведенные крытой галереей. В каждом из таких домов, описывает де Асара, «вначале помещалась зала, где жили приближенные касика; далее шли несколько небольших комнат, каждая в семь вар длиной *, по одной на каждую семью. В этих комнатах не было ни окон, ни очагов, и вся их обстановка состояла из хлопчатобумажного гамака для главы семьи, другие же спали вповалку на шкурах, постеленных на полу» ²².

Строжайше регламентирован был распорядок дня жителей иезуитских редукций, сочетавший напряженный рабский труд с богослужениями. День начинался с половины седьмого утра, когда священник служил мессу. В 7 часов происходила церемония целования его руки, одновременно шла раздача йерба-мате — по унции на семью. После мессы священник не спеша завтракал, читал молитвенник, посещал школу, мастерские, иногда поля, куда выезжал с помпой, верхом, в сопровождении большой свиты индейских чиновников. В 11 часов он обедал с викарием, беседуя с ним до полудня о делах редукции, затем отдыхал. Священник оставался в своих покоях до вечерней молитвы, после чего до 7 часов вечера вел нужные беседы, затем ужинал.

Паства же с восьми утра была занята на разных работах. Мужчины — в поле и в мастерских. Выход в поле происходил под звуки музыки и уподоблялся религиозной процессии: на специальных паланкинах выносили украшенные образа святых покровителей редукций. Женщины были заняты исключительно прядением: каждый понедельник им выдавалось определенное количество хлопка, а в конце недели они должны были сдать готовую пряжу.

Вечером все индейцы собирались в церкви для молитвы и целования руки священника, затем происходила раздача йерба-мате и продуктов — по 4 фунта говядины и маиса на каждые 8 человек.

В воскресные дни вместо работы происходили длительные церковные службы, а к вечеру для индейцев устраивались игры, «столь же унылые, — замечает Бугенвиль, — как и вся их жизнь» ²³.

Иезуиты прилагали много усилий, чтобы создать в редукциях постоянную, не ослабевающую ни на один день обстановку религиозного фанатизма. Конкретно это должно было выражаться в рабском преклонении перед

---

* 1 вара = 83,5 см.

«наместниками бога», т. е. самими иезуитами, которые считались не простыми людьми, но некими существами высшего порядка. Когда отцы-иезуиты «появлялись в церкви,—пишет де Асара,—хотя бы только для того, чтобы отслужить мессу, они проделывали это с необычайной торжественностью, одевали драгоценные одежды, появлялись в окружении множества церковных служек и музыкантов. Их церкви размерами и пышностью убранства превосходили все храмы в какой-либо части света; в этих церквях находились гигантские алтари, украшенные роскошной живописью и позолотой, не хуже, а может быть и более пышно, чем в соборах Мадрида и Толедо... Иезуиты затрачивали на церкви и их украшение... огромные средства»²⁴.

Великолепию церковного убранства, облачений священников и блестящей одежде индейской чиновной знати резко и, надо полагать, продуманно, контрастировала единообразная одежда массы индейцев. Каждому мужчине выдавались изготовленные по определенному образцу шапка, рубаха, штаны и пончо, все это — из грубого бумажного полотна. Всем предписывалось ходить босиком и одинаково стричь волосы. Женщины также ходили босиком, а их единственной одеждой был «тинос» — рубаха без рукавов из того же полотна, подпоясанная на талии.

Это нарочитое единообразие производило удручающее впечатление на «чужаков», которым довелось побывать в иезуитских миссиях. Некий испанец, капитан Майоркского гренадерского полка в письме из миссии Япей (на реке Уругвай) сообщал: «Дома здесь настолько похожи друг на друга, что, увидев один, вы уже как бы видели все остальные, так же как, увидев мужчину или женщину, вы уже знаете всех жителей, так как в их одежде нет никакой разницы»²⁵.

Такого рода преднамеренное стирание всякой индивидуальности всех сразу и каждого индейца в отдельности было чисто иезуитским приемом психологического воздействия на зависимых от них людей. Так легче было полностью подчинить их, заставить выполнить любую работу, послать на преступление, на смерть, если это требовали «высшие интересы» ордена. Даже склонный к идеализации «иезуитского государства» Бугенвиль вынужден был признать, что жизнь индейцев в редукциях «была заполнена однообразным трудом и невероятно скучным отдыхом. Этой скукой, которую справедливо называют смертельной, объясняется, почему, как я слышал, они без

сожаления расстаются с жизнью. Заболев, они редко выздоравливают. Если их спрашивают, печалит ли их смерть, они отвечают, что нет; так это и есть в действительности. Не приходится теперь удивляться тому, что индейцы... стремились бежать из этого заключения. Иезуиты изображали нам этот народ как людей, разум которых никогда не может подняться выше детского. Но жизнь, которую они вели, не позволяла этим большим детям веселиться по-детски»²⁶.

Многие апологеты иезуитов превозносили их «просветительскую» деятельность в редукциях, где все дети ходили в школу. Однако авторитетный очевидец Феликс де Асара писал: «Как я мог заключить, посетив эти города, никто из индейцев не знал испанского языка, никто не мог ни читать, ни писать, исключая немногих, знавших чтение и письмо на гуарани для выполнения приказа считать, сколько прибыло и убыло из складов и т. п.»²⁷. Единственное, чему учились индейские дети в школах редукций,— это был закон божий и начала грамоты на гуарани.

Любое проявление культурной жизни в редукциях прежде всего имело целью духовное закабаление индейцев. Здесь усилиями иезуитов возникла одна из первых в Америке типографий. Ее оборудование было сделано мастерами-индейцами из местных пород дерева, олова и меди. Ввозились необходимые для печатания бумага и краска. В 1700 г. в ней была напечатана первая книга — «Римский мартиролог». Затем был издан ряд книг религиозного содержания на испанском языке и гуарани; некоторые украшались гравюрами, выполненными индейскими мастерами, среди которых наиболее интересными считаются работы Хуана Япари. Иезуитская типография печатала также школьные буквари, словари индейских языков, облегчавшие деятельность миссионеров. После изгнания иезуитов в библиотеках только 19 редукций было найдено 9 тыс. томов книг, из них тысяча — на языке гуарани²⁸.

По мнению некоторых аргентинских историков (Г. Фурлонга, Х. Ибаньеса), почти в каждой из иезуитских миссий со временем сложилась своя, оригинальная школа в искусстве и ремеслах. Индейцы гуарани обнаружили большие способности к творческому заимствованию европейских образцов. Под наблюдением миссионеров индейцы по-своему интерпретировали эти формы и модели, добавляя элементы родной флоры и фауны, используя

более устраивающие их линии, цветовые гаммы, что породило особый стиль — «гуарани-миссионерский». Обучаясь основам архитектуры, живописи, скульптуры, работам по камню и дереву, индейские мастера, естественно, посвящали свои произведения почти исключительно религиозной тематике. Высокого мастерства они достигали в церковной архитектуре, сооружая в редукциях храмы, вмещавшие тысячи людей. Так, церковь миссии Сан Игнасио Гуасу, построенная в 1682 г., представляет собой прямоугольное здание площадью более тысячи квадратных метров (33,4×27,7 м). На архитектурные конструкции не только церквей, но и всех зданий в редукциях оказали влияние традиции народного жилья гуарани. По замечанию советского искусствоведа Е. И. Кириченко, «зодчество миссий Парагвая не имеет ничего общего со стилями европейской архитектуры. В нем невозможно обнаружить отдаленного сходства ни с Ренессансом, ни с барокко, ни с классицизмом»²⁹. Понятно, что самыми внушительными зданиями в миссиях были церкви. И хотя внешний их облик был скромным, входящих в «храм божий» поражала пышность убранства. Потолки были украшены обильной резьбой, иконостасы сверкали золотом и серебром, а стены — особым образом выложенными слюдяными пластинками. В XVIII в. в миссии прибывают иезуиты — профессиональные архитекторы, в основном итальянцы и немцы, которые пытались внедрить европейские каноны строительства и украшения церквей. Однако местный, индейский дух продолжает присутствовать и в позднейших постройках миссий, особенно в многочисленных скульптурах из камня и дерева для украшения церковных интерьеров. История сохранила имя выдающегося скульптора Хосе-индейца, работавшего в середине XVIII в.

Одним из самых сильных средств психологического воздействия на индейцев отцы-иезуиты считали духовную музыку, которую гуарани, будучи весьма впечатлительными по складу своего характера, очень любили. В редукциях не только организовывались оркестры и хоры, но и налаживалось сложное производство самых различных струнных и духовых инструментов. Из Европы в миссии прибывали иезуиты — профессиональные музыканты, имевшие известность еще у себя на родине. Такими были бельгийцы Жан Вазе и Луи Берже, прибывшие в редукции еще в 1616—1617 гг. Итальянец Доминго Циполи, прибывший в Кордову в 1716 г., руководил музы-

кальным образованием иезуитов, которых готовили специально для работы в редукциях³⁰.

Потребности хозяйственного развития «иезуитского государства» требовали специальных знаний, и иезуиты много занимались естественными науками, прежде всего теми, которые имели прикладное значение. Наиболее известно имя Буэнавентуры Суареса (1679—1750), уроженца Санта-Фе, одного из первых астрономов и метеорологов в этих краях. Необычайно способный самоучка, Суарес располагал только инструментами и приборами, сделанными им самим при помощи индейских мастеров в редукциях Сан-Косме и Сан-Дамиан, где он провел более 30 лет: часами с маятником, показывавшими минуты и секунды, астрономическими квадрантами, телескопами с совершенными линзами. Используя этот инструментарий, Суарес составлял астрономические таблицы, календари и т. п. Наиболее известный его труд — «Лунарий одного века», изданный впервые в 1744 г., переиздавался затем в 1748, 1751, 1759 и 1856 гг.

Известия о «великом эксперименте» иезуитов в Южной Америке, совпавшем с острым кризисом феодализма в Европе, когда наиболее пытливые умы лихорадочно искали новых путей развития общества, произвели на европейскую интеллигенцию очень большое впечатление. Такой интерес искусственно подогревался и самими иезуитами, которые в первой половине XVIII в. проникали буквально во все влиятельные круги западноевропейского общества. Играя на туманности сведений об «иезуитском государстве» в Парагвае, совершенно естественной при его удаленности и самими же иезуитами созданной изоляции, апологеты «Общества Иисуса» создавали вокруг него радужный ореол воплощенной в реальность сказки о всеобщем счастье, подлинной Аркадии, претворенной в жизнь Утопии, где под мудрым и бескорыстным руководством духовных наставников-иезуитов сотни тысяч прежде невежественных «детей природы» обрели покой, благосостояние и разумное просвещение. Уже в XVIII в. в литературе определилось целое направление, существующее в буржуазной историографии и по сей день, где «иезуитское государство» в Парагвае выдается за воплощенную мечту человечества о всеобщем счастье, за некую разновидность «коммунистического общества» — общество «теократического коммунизма». В такого рода заблуждение в XVIII в. впадали даже передовые представители европейской общественной мысли. Так, Моп-

тескьё полагал, что в «иезуитском государстве» в Америке якобы реализовался идеал платоновой республики. Даже в статьях знаменитой «Энциклопедии», вышедших до изгнания иезуитов из Франции (1764 г.), содержатся восторги по поводу их «государства».

Верный своим антиклерикальным убеждениям, по своему воздал должное этому явлению и Вольтер, с жестоким сарказмом высмеявший в «Кандиде» ханжество и паразитизм подлинных хозяев парагвайских редуций.

Марксистскую характеристику «парагвайского эксперимента» иезуитов дал еще в конце прошлого века П. Лафарг, указав, что их «христианская республика» при детальном рассмотрении оказывается всего-навсего «очень остроумной и прибыльной смесью крепостничества и рабства»³¹. Наш современник, аргентинский историк Л. Пасо, считает: «Иезуитская империя была огромным феодалом, который господствовал над портом Санта-Фе, используя его как перевалочный пункт... Их торговля, представлявшая собой монополию помимо королевской монополии, пользовалась особыми льготами, помимо этого, они старались избежать уплаты налогов, пользуясь услугами торговцев-контрабандистов»³². М. С. Альперович, разоблачая миф о «христианской республике» в Парагвае, обращает внимание на то, что «иезуиты сознательно сохраняли и даже старались увеличить огромную дистанцию, отделявшую от них индейцев в духовном и социальном смысле. Не допуская никакой самостоятельности своей паствы, они стремились полностью контролировать не только ее поступки, но и мысли. Номинально существовавшее в индейских селениях «самоуправление» являлось чистейшей фикцией. Развивая письменность гуарани, миссионеры и ее пытались поставить на службу своим целям: они переводили и издавали исключительно религиозные тексты, предназначенные для обучения индейцев»³³. И, наконец, на взгляд И. Р. Григулевича, «иезуитские владения — церковный вариант энкомьенды, в которой индейцы находились в полной зависимости от отцов-иезуитов на положении „церковных рабов“. Наряду с ними у иезуитов имелись и обычные рабы негры. Степень зависимости индейцев была значительно более всеобъемлющей, чем в энкомьендах, и в то же время здесь сохранялись в большей степени элементы первобытнообщинного строя, хотя производство редуций предназначалось в основном для экспорта, было связано с мировым рынком»³⁴.

Однако создание «иезуитского государства» в Парагвае было лишь небольшой частью деятельности «Общества Иисуса». Орден проникал в разные районы мира, прежде всего в Америку, но повсюду его деятельность характеризовали непомерное корыстолюбие и стяжательство. В этом отношении иезуиты были откровенно циничны и непреклонно настойчивы. Именно накопленные «Обществом Иисуса» огромные богатства были самым мощным орудием его влияния. Значительная часть этих богатств образовывалась путем завещания ордену наследства, а также из особых даров. Иезуиты присваивали почетное звание «учредителя» тем лицам, кто делал богатый вклад на основание новых монастырей или школ, колледжей, семинарий и университетов. Тем, кто давал деньги на расширение или на повседневные нужды иезуитских учебных заведений, присваивалось звание «бенефактора». Каждому обладателю этих почетных званий орден определял «духовные дары» — организацию похорон, заупокойных месс и других посмертных почестей. Причем почести эти воздавались с большей или меньшей пышностью, смотря по сумме пожертвования.

Впрочем, орден богател не только от частных пожертвований. Используя «своих людей», которых было немало в аппарате колониальной власти, иезуиты получали различные пожалования от муниципалитета и губернаторов или вице-королей испанских земель в Новом Свете. При основании новых городов «Обществу Иисуса» обычно предоставлялась целиком одна из сторон центральной площади, где орден строил свои школы, склады, лавки. Иезуиты получали также обширные плодородные земли вблизи нового города. Обычным было и то, что орден по дешевке скупал земли или городские здания, которые шли на продажу из-за разорения прежних владельцев.

Очень ценным имуществом в колониальный период истории Латинской Америки были рабы — у ордена иезуитов их было много тысяч; рабы использовались и как предмет купли-продажи, и как рабочая сила. Обращение иезуитов с рабами было вполне в духе времени. Современники сообщают, что применение палок, цепей и других орудий наказания по отношению и к рабам и к индейцам, не считавшимся таковыми, было обычным на плантациях иезуитских хозяйств.

С присущим им практицизмом и размахом иезуиты разворачивали свою деятельность на обеих материках Американского континента, основывая различные план-

тации в сельской местности, всевозможные мастерские в сотнях городов. Особая гибкость деловых операций иезуитов обуславливалась, в частности, тем обстоятельством, что, в отличие от других католических орденов каждая местная конгрегация «Общества Иисуса» могла свободно распоряжаться своими средствами, хотя и была обязана передавать значительную часть своих доходов центральной организации.

Немалую долю доходов иезуиты получали от королевской казны. Так, в то время как миссионерская деятельность внутри областей, уже считавшихся завоеванными, оплачивалась местными епископами, расходы так называемых пограничных миссий, где иезуиты были особенно активны, брала на себя корона. Королевская казна вносила плату за обучение индейских детей, которые обучались в некоторых из иезуитских школ, колледжей и семинарий (за детей из креольских семей плату — и немалую — вносили их родители). Королевская казна выплачивала иезуитам компенсацию, если они терпели ущерб во время восстаний индейцев или в других подобных случаях, которые расценивались как «урон, понесенный на службе короне». В то же время любого рода деловые сделки ордена, а также его торговля были свободны от весьма обременительных королевских налогов, что позволяло отцам-иезуитам успешно конкурировать с купцами и владельцами плантаций.

В полуторавековом соперничестве иезуитов с другими католическими орденами в Новом Свете преимущество почти всегда оказывалось на стороне «Общества Иисуса» в силу особой организованности, сплоченности и дисциплины в его рядах. Поэтому в иезуитских монастырях, колледжах, университетах не бывало тех скандальных расколов, шумных склок, которые нередко нарушали порядок в монастырях и учебных заведениях других католических орденов и, распространяясь за их стены, много вредили их репутации. Позиции ордена иезуитов в колониальном обществе часто оказывались более прочными потому, что в основе принципов его организации, как мы уже говорили, была строгая централизация. Так, если в других орденах духовные должности были выборными и это бывало частой причиной внутренних раздоров, то должностные лица у иезуитов непосредственно назначались генералом ордена в Риме. Все это вкупе с изощренными методами проникновения в высшие сферы королевской администрации в колониях долгое время обеспечивало

иезуитам положение одной из ведущих сил в поддержании и расширении колониального господства Испании в Новом Свете.

Однако в широких слоях колониального общества росло глухое недовольство засильем иезуитов в некоторых областях управления, их торговыми спекуляциями и непомерным стяжательством, скандальным образом жизни многих членов ордена и т. п. Соперничавшие с иезуитами ордена францисканцев и доминиканцев пользовались многочисленными фактами такого рода, чтобы еще более настроить свою паству против членов «Общества Иисуса», обвиняя их во всевозможных интригах и преступлениях, вплоть до еретических отклонений от ортодоксальной католической доктрины. Следует отметить, что и в самой Испании, как и в других католических странах Европы, в середине XVIII в. усилились антииезуитские настроения, возникли многочисленные антииезуитские политикорелигиозные группировки.

Дело в том, что в этот исторический период, характеризовавшийся усилением королевской власти, европейские католические монархи с полным основанием видели в росте влияния «Общества Иисуса» определенную угрозу своему «просвещенному управлению».

Поводом для развязывания давно назревшего конфликта стало выполнение договора о границах между колониальными владениями Испании и Португалии в Америке, подписанного в 1750 г. Будучи мирным решением давнишнего территориального спора, этот договор затрагивал интересы «Общества Иисуса», поскольку земли 7 из 30 парагвайских редукций должны были отойти к владениям Португалии, что совсем не устраивало иезуитов. По их прямому наущению индейское население нескольких редукций с оружием в руках воспротивилось выполнению договора, что и в Мадриде и в Лиссабоне было расценено как неповиновение иезуитов королевской власти. В 1767 г. декретом испанского короля деятельность иезуитского ордена была запрещена как в самой Испании, так и в ее заморских владениях. Имущество ордена подлежало конфискации, а его члены немедленной высылке в пределы Папской области. Через несколько лет папа римский, уступая давлению католических королей Испании, Франции и Португалии, специальным бреве от 21 июля 1773 г. объявил «Общество Иисуса» «уничтоженным повсеместно и навсегда».

Всего из американских колоний Испании было выслано 2260 иезуитов. К моменту их высылки под «опекой» ордена в этих колониях находилось — по неполным данным — 717 тыс. индейцев, а стоимость собственности иезуитов оценивалась огромной по тем временам цифрой в 71 483 917 серебряных песо³⁵.

Изгнание иезуитов в известной степени ослабило позиции католической церкви в Испанской Америке, где она лишилась одного из наиболее сильных и организованных своих отрядов, энергично выступавшего с позиций крайнего ретроградства за подавление прогрессивной общественной мысли, зачатков материалистических научных течений в Новом Свете.

Что же касается «иезуитского государства» в Парагвае, то туда были введены испанские войска, королевские власти взяли миссии под свой контроль, а затем они были переданы под управление других католических орденов. Драматические события многолетних войн за независимость испанских колоний (1810—1826 гг.) привели к фактическому роспуску миссий. Во время вооруженных столкновений в 20-х годах XIX в. между Бразилией и независимыми провинциями Ла-Платы территория сохранившихся миссий оказалась в районе театра военных действий, в ходе которых многочисленные постройки иезуитов были разрушены.

Однако история ордена иезуитов не закончилась изданием папского запрета их деятельности «повсеместно и навсегда». Когда по окончании наполеоновских войн в Европе восторжествовала крайняя реакция, что сопровождалось усилением политического и идеологического влияния папства и католической церкви в целом, в Риме вспомнили об испытанном орудии борьбы с «ересью и крамолой» — об «Обществе Иисуса», представители которого полузаконно продолжали действовать в ряде стран. Папской буллой Пия VII от 7 августа 1814 г. орден был восстановлен, на этот раз для борьбы с идеями, порожденными Великой французской революцией. В Испании иезуиты вновь и надолго обрели значительное влияние. Позже они появились и в бывших испанских колониях в Латинской Америке, где в некоторых новых независимых государствах зачастую становились влиятельной политической силой, неизменно выступая на стороне крайней реакции.

ГОРОДА И КРЕПОСТИ ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ

Испанская корона придавала исключительно важное значение основанию и строительству городов в своих заморских владениях. Новые испанские города в Америке должны были послужить опорными пунктами колонизации новых земель, из этих городов должна была исходить миссионерская деятельность монашеских орденов, в сооруженные в них католические храмы должны были идти на поклонение новым святым обращенные в христианство индейцы. Сам факт существования испанских городов на американской земле должен был являть собой внушительный символ могущества испанской короны и католической церкви. Из построенных в Америке испанских городов велось неусыпное наблюдение за покоренными аборигенами; не случайно уже в первых указах испанских королей относительно дел в заморских владениях предписывалось основывать города именно там, где местное население наиболее многочисленно. Сам вид новых испанских городов, существовавший в них порядок, их укрепления должны были внушить индейцам почтение и страх перед завоевателями.

Жесткая централизация системы колониального управления обеспечила невиданный размах градостроительной деятельности в американских колониях Испании. За первое столетие после начала конкисты были построены многие сотни городов, причем почти все они существуют и в современной Латинской Америке.

Основание и строительство новых городов в американских колониях было подчинено целому комплексу строгих правил, которые были обобщены в специальном королевском указе, подписанном 3 июля 1573 г. Вначале надо было выбрать место для нового города. Вблизи него должны были быть хорошие почвы для возделывания полей, хорошие пастбища для скота, леса для заготовки дров и необходимых строительных материалов, особое внимание надо было обратить на то, чтобы будущее строительство было обеспечено наличием в округе годного для построек камня, песка и извести. И, конечно, в городе должна была быть хорошая вода — и для питья и для орошения.

Важнейшей частью церемонии основания города был выбор для него названия. Чаще всего название давали в честь святой девы либо в честь какого-либо из святых католической церкви. Открыв достаточно подробную карту любой из стран современной Латинской Америки, мы непременно найдем целый ряд городов с такими названиями, что свидетельствует о их происхождении в колониальный период. Существует несколько городов с названием Сантьяго — в честь одного из наиболее почитаемых испанцами католических святых; десятками насчитываются Сан-Франсиско, Сан-Агустин, Сан-Антонио, Сан-Диего, Сан-Хосе, Сан-Хуан, Сан-Игнасио, Сан-Карлос и т. д. — по всему весьма обширному списку причисленных к лику святых.

Общая планировка города сообразовалась с природными условиями. Города не следовало строить ни в слишком высоких местах из-за возможной разреженности воздуха и слишком сильных ветров, ни в слишком низменных, так как воздух там может быть слишком сырым, а потому вредоносным. Кроме того, необходимо было соблюсти известные в то время гигиенические предосторожности: расположение улиц и домов должно было способствовать вентиляции города господствующими ветрами, чтобы предохранить жителей «от всякой заразы».

Центром города всегда служила главная площадь — «пласа майор», в приморских городах ее располагали вблизи порта, в других — в топографическом центре. Здания, стоявшие на Пласа Майор, символизировали единство королевской власти и церкви. Здание католического храма должно было быть воздвигнуто так, чтобы его было видно из всякой части города. Церковь занимала одну сторону главной площади, другую — городской совет («кабильдо»), третью — дом губернатора с королевским казначейством, четвертую — арсенал с казармой и таможней. Сама площадь должна была иметь в плане четвероугольную форму с соотношением сторон 1:1,5 и размером 186×124 м. Однако площади могли быть и 94×62 либо 244×164 м. Основных улиц, отходивших от главной площади, должно было быть восемь — по две от каждого угла прямоугольника, ширина улиц — 13 м. Городские кварталы предписывалось планировать в форме квадрата со сторонами в 112 м.

В королевских установлениях определялась и очередность застройки города: в первую очередь — церковь, затем — административные здания с казначейством, тамож-

ней и постройками военного назначения, затем — жилые дома и, наконец, школы¹.

Городские жилища в Испанской Америке в основном строились по типу, перенесенному сюда из южных провинций Испании — с непременно внутренним двором — «патио», окруженным внутренними, выходящими на этот двор галереями. Дома, построенные из камня, кирпича или адобы, могли иметь один или два этажа; форма крыши, внешнее оформление домов были различны, что зависело от состоятельности хозяина и местных условий.

Вообще же соблюдение королевских установлений привело к тому, что на огромных пространствах Испанской Америки — от Калифорнии и Техаса до Огненной Земли — города были необычайно похожи один на другой. Эти сотни новых городов, основанных по канонам, предписанным испанской короной, вовсе не были копиями каких-либо городов метрополии. В самой Испании города складывались стихийно, исторически, некоторые из них насчитывали более чем двухтысячелетнюю историю. У старых испанских городов не существовало, как правило, какой-либо геометрической первоначальной идеи, определенного плана, на протяжении веков их улицы и переулки росли, извиваясь и перекрещиваясь. Из всех элементов испанского рода в Америку была перенесена, пожалуй, только главная площадь. В городах Испанской Америки Пласа Майор стала центром общественной жизни города — экономической, политической, религиозной, культурной. В базарные дни здесь продавались плоды местных лесов, полей, садов и огородов, раскидывались палатки мясников. В тени деревьев, окаймлявших Пласа Майор, завязывались мелкие интриги, а порой и политические заговоры, с балкона городской ратуши зачитывались королевские указы, возвещавшие о налогах и штрафах, об объявлении войны и заключении мира, о смерти короля и рождении инфанта. Здесь люди могли узнать, что творилось в обширных владениях испанской короны. На Пласа Майор происходили процессии в католические праздники святой недели и тела Христова, возжигались костры в день св. Хуана, устраивался фейерверк в новогоднюю ночь. Здесь же устраивались и корриды — бои быков, излюбленные горожанами развлечения. Вечерами, не только в праздники, но и в обычные дни, было принято посетить Пласа Майор, где непременно встретишь родных и друзей, узнаешь последние новости

округи. В сущности, Пласа Майор была своего рода университетом жизни для подавляющего большинства городских жителей Испанской Америки, и не только: здесь мало-помалу происходило взаимное обогащение испанской и индейской народных культур, складывалась новая — латиноамериканская — культурная общность.

Новые испанские города в Америке с их строго регламентированной планировкой призваны были способствовать установлению на века нового — испанского — порядка на прежних землях индейцев, а их архитектура, и прежде всего церковная, должна была содействовать вытеснению древних индейских традиций из сознания коренных жителей. Нередки были случаи, когда новые — испанские — города строились точно на месте древних городов индейцев, причем эти города подвергались полному разрушению, а на месте развалин планировались и воздвигались совершенно новые площади, улицы, кварталы.

Таковы, например, Мехико, Куско. Однако новые города в Америке, были ли они основаны на новом месте или на руинах древнего города, строились руками индейцев, сохранявших свое особенное восприятие мира. И, пожалуй, наиболее яркие свидетельства появления ростков новой — латиноамериканской — культуры мы находим в монументальных архитектурных произведениях, в зданиях католических церквей, сам облик которых должен был способствовать обращению индейских душ в христианство. Это относится и к внешнему декору, и к внутреннему убранству, утвари. Хотя строительством и украшением храмов руководили европейцы, а индейским мастерам было предписано следовать европейским образцам, эти мастера в каждом ударе резца, в каждом взмахе кисти оставили легко распознаваемые отпечатки своей, индейской традиции. Как писал мексиканский исследователь А. Кортес, «храмы и монастыри с их фасадами, колокольнями, колоннами, кафедрами, исповедальнями, порталами и лестницами, кресты с их рельефами и надписями, настенные фрески — короче, все, что было построено в первый период конкисты, показывает руку индейского мастера, который мало-помалу изменял идею и манеру исполнения произведений, продиктованные испанцами, до тех пор, пока не запечатлел в этих произведениях нечто равнодействующее, как если бы оно произошло от смешения душ, от смешения разных кровей. Из этой равнодействующей родилось колониальное искусство, обнару-

живающее бесспорную оригинальность, которое уже не является испанским или, по крайней мере, уже не является полностью испанским»².

Одним из самых крупных городов, построенных испанцами в Новом Свете, была столица вице-королевства Новая Испания — Мехико. Прекрасная столица государства ацтеков — Теночтитлан — была до основания разрушена конкистадорами. Новый план Мехико был составлен испанским зодчим Алонсо Гарсиа Браво, спроектировавшим также и некоторые другие новые города вице-королевства. При этом он оставил в общем неизменной схему планировки древней ацтекской столицы, сохранив за старым центром его прежнее значение. Браво усилил регулярность плана, запроектировав на новом плане прямоугольные кварталы и участки земли, которые были безвозмездно розданы конкистадорам на том условии, что они будут застроены в ближайшие четыре года: Кортес пообещал королю Карлу V, что через «пять лет здесь будет более благородный город, чем те, которые имеются среди поселений мира, и с лучшими зданиями».

Строительство Мехико, начатое в 1524 г., велось лихорадочными темпами. Очевидец, назвав это «седьмым бедствием», писал: «В течение первых лет на его строительстве было занято больше людей, чем на строительстве Иерусалимского храма во времена Соломона. Столько людей работало на строительстве, что человеку приходилось идя по улице, с трудом пробивать себе дорогу.

Было много людей, погибших под падающими балками или сорвавшихся с высоты, другие остались погребенными под зданиями при сносе старых домов и при возведении новых, особенно при разборе главных храмов дьявола. Много индейцев умерло на этой работе»³.

Ценой огромных затрат и человеческих жертв испанцы построили свой самый большой город в Новом Свете, население которого уже в XVII в. превышало 100 тыс. человек, с огромными площадями, прямыми улицами, грандиозными католическими храмами. Самым большим и нарядным из этих храмов стал кафедральный собор, до сих пор остающийся самым крупным церковным зданием в Новом Свете. Его сооружение было начато в 1573 г., а закончено только к 1804 г., в самом конце испанского владычества в Америке. Колоссальные размеры собора с двумя 60-метровыми башнями, между которыми помещается 54-метровый фасад, разделенный массивными контрфорсами, с обилием резных украшений производят

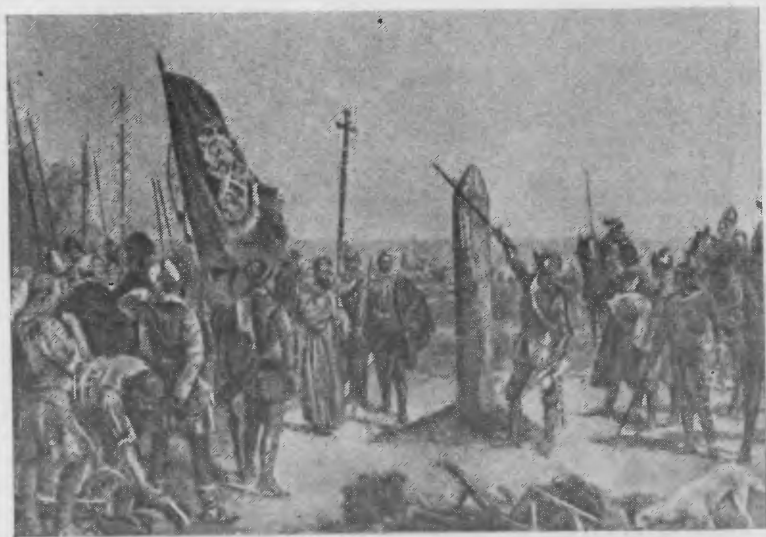
впечатление подавляющей мощи и сказочного великолепия⁴.

Пожалуй, нигде в архитектуре городов Испанской Америки идея торжества испанской короны и католической церкви не достигала такой выразительности, как в архитектуре Мехико. Это относится не только к церквям и многочисленным монастырям (их здесь во второй половине XVII в. насчитывалось 29 мужских и 22 женских), но и к административным зданиям, и к многочисленным домам предводителей конкистадоров, являвшим облик настоящих средневековых замков — с могучими башнями, толстыми крепостными стенами с зубцами. Самым большим, самым роскошным из этих дворцов-крепостей стал дворец Кортеса, символически возведенный на руинах дворца последнего владыки ацтеков-Монтесумы. Этот дворец, в котором впоследствии неизменно помещалась резиденция вице-королей Новой Испании, выходил фасадом на Пласа Майор, которая и по сей день остается одной из самых обширных и красивых парадных площадей мира.

Уже в конце XVI в. город Мехико называли Афинами Нового Света. И хотя некоторое преувеличение очевидно, в этот период в Новой Испании действительно возник крупный по тем временам культурный центр, оказавший несомненное влияние на ход культурно-исторического процесса и в других американских владениях Испании. Уже в первые десятилетия существования Мехико именно в этом городе было положено начало исследованию природы страны: заметный вклад в изучение ее географии и флоры внесли посланные отсюда экспедиции У. Мендосы, Н. де Гусмана, П. де Леона и других. Ученые-монахи еще в XVI в. предприняли массовое изучение индейских языков, исследовали этнографию и историю народов-аборигенов. Наибольшей славой пользуется принадлежащее перу Бернардино де Саагуна описание цивилизации ацтеков — «Всеобщая история о делах Новой Испании», автор которой не только систематически собрал предания индейцев и проанализировал то, как они описывали прибытие испанцев. Посвятив этому замечательному труду всю свою долгую жизнь, Саагун отдал должное памяти индейских героев. Тот немаловажный факт, что труд Саагуна написан автором параллельно на языках науатль и испанском, свидетельствует о начале принципиально новой — мексиканской — культурной традиции.

Открытие Америки

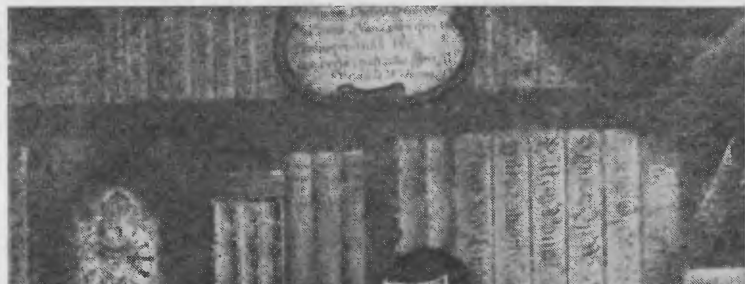

Основание Буэнос-Айреса

Собор в Куско

Лишь в обстановке общего высокого уровня научных знаний в Мехико могла появиться столь внушительная фигура, как Карлос Сигуэнса-и-Гонгора (1645—1700), королевский космограф и один из ведущих преподавателей университета в Мехико, библиофил-эрудит, историк, один из выдающихся поэтов Новой Испании того времени. При помощи вполне обычных математических инструментов и небольшой зрительной трубы, привезенных из Европы, он производил астрономические наблюдения, создавшие ему широкую известность далеко за пределами страны. В течение 30 лет (1671—1701 гг.) он публиковал «Лунарии», произвел расчеты и описание кометы 1680—1681 гг., вел оживленную научную переписку с Лимой, Кантоном, Пекином, Севильей, Мадридом, Сарагосой, Парижем, Лондоном, Болоньей, Миланом и Римом. Когда в 1691—1692 гг. неизвестная болезнь поразила посевы пшеницы в Новой Испании, Сигуэнса-и-Гонгора с помощью микроскопа проводил исследования, чтобы определить и обезвредить возбудителя этой болезни. А накануне смерти ученый распорядился «для блага общества и в назидание медикам» вскрыть его тело для изучения камня в мочевом пузыре — причины болезни, оборвавшей его жизнь⁵. Несомненно, Сигуэнса-и-Гонгора, знакомый с трудами Декарта и преподававший в университете космографию и астрономию в соответствии с теорией Коперника, был не единственным представителем передовой научной мысли в колониальном Мехико XVII в. Известно, например, что в том же университете Мехико постоянно проводились изыскания в области практической и экспериментальной медицины с использованием познаний индейцев. Установления университета по преподаванию медицины предписывали, «чтобы каждые четыре месяца производилась анатомия в Королевском госпитале нашего города, на коей должно присутствовать всем преподавателям и студентам медицины». Еще в XVI в. доктор Алонсо Лопес де Инохосос вместе с Франсиско Эрнандесом производил исследование трупов, чтобы установить причину и средства для лечения болезни «коколицтли», опустошавшей Новую Испанию в 1576 г.⁶

Показателем роста образованности в столице Новой Испании были многочисленные и богатые по тем временам библиотеки, или «либрериас», как их здесь тогда называли. Большая часть книг ввозилась из Европы; так, основой для одной из первых библиотек в Мехико послужили книги, привезенные из метрополии монахом Алон-

со де Веракрус в 60 сундуках специально для колледжа св. Петра и Павла. Библиотека университета в Мехико состояла из 10 тыс. томов. По 6—10 тыс. томов имели библиотеки наиболее крупных городских монастырей, особенно иезуитских, колледжей и семинарий. Из частных книжных собраний наиболее известна библиотека Сигуэнсы-и-Гонгоры, где были собраны индейские манускрипты и книги, изданные в Америке⁷.

Столица Новой Испании стала колыбелью мексиканской литературы уже в колониальный период ее истории. И хотя обзор литературного развития Испанской Америки выходит за рамки темы нашей книги, нельзя обойти молчанием «первого истинно американского поэта» Бернардо де Бальбуэну, автора поэмы «Великолепие Мексики» (1604), а тем более — удивительную Хуану Инес де ла Крус (1651—1695) — «десятую музу Мексики, несравненную поэтессу», как ее называли в Мадриде XVII в. Эта необычайно и разносторонне одаренная женщина поражала всех, кто был с ней знаком, своей красотой, умом и обезоруживающим очарованием. Уже в три года Хуана Инес научилась читать, а в 16 обратилась к матери с просьбой переодеть ее юношей, чтобы она могла посещать университет, что оказалось для нее невозможным. Когда вскоре молодая девушка была взята ко двору вице-короля Себастьяна де Толедо, маркиза де Мансеры, он, желая испытать ее познания, собрал 40 наиболее известных ученых мужей Новой Испании, дабы устроить любопытный для придворных турнир. Здесь в течение нескольких часов подряд она вела ученый диспут, выдерживая натиск профессоров теологии, гуманитарных и естественных наук. Все это произвело такое впечатление на вице-короля, слывшего покровителем наук и искусств, что он уподобил Хуану Инес блистательному испанскому галеону, разящему нападающие на него мелкие корабли⁸.

Как гласит предание, из-за безвременной смерти возлюбленного Хуана Инес ушла в монастырь. Здесь, в келье, в заполненной картами, чертежами, книгами (библиотека ее по тем временам была уникальна и содержала более 4 тыс. томов), а также различными музыкальными инструментами и приборами для научных опытов, она провела многие годы, занимаясь литературой, философией, риторикой, математикой, физикой, теорией музыки. Умерла Хуана Инес де ла Крус, бесстрашно ухаживая за больными во время эпидемии. Советская исследо-

вательница творчества «десятой музыки Мексики» И. М. Чежегова пишет: «Появление в мексиканской действительности того времени личности, подобной Хуане Инес де ла Крус, не могло не оказать веского воздействия на рост национального самосознания, ибо ее жизнь и деятельность сделались предметом национальной гордости, символом пробуждающихся творческих сил мексиканской нации. Хуана Инес де ла Крус была предана родине всем сердцем, она любовно изучала ее древнюю культуру, прекрасно знала индейскую поэзию и сама сочиняла стихи на языке ацтеков. Творческому лицу поэтессы, несомненно, присущи мексиканские черты: ее поэзия жадно впитывала все элементы той собственно мексиканской культуры, которая в то время еще только прокладывала себе путь, опираясь на образцы, созданные великими предками, и открывая для себя творения европейского Ренессанса и барокко»⁹.

Мехико был вторым в Америке городом после Лимы, где появилось печатное дело. Вначале это также было обусловлено потребностями католической церкви. «Именно нужды распространения христианского учения среди новых подданных Испании заставили серьезно подумать о печатании учебников закона божьего»¹⁰. Находясь в Испании в 1533 г., первый епископ Мехико Хуан Сумаррага хлопотал об отправке в Новую Испанию печатного станка и оборудования для производства бумаги. По-видимому, он преуспел в своих хлопотах, потому что есть сведения о напечатании в 1535 г. в Мехико книги духовного содержания. В документах Совета по делам Индий мы находим полное название другой книги, изданной в 1539 г. Название это звучит так: «Самое краткое изложение христианского учения на языках мексиканском и кастильском, содержащее самое необходимое из нашей святой католической веры для употребления здешними уроженцами индейцами и спасения их душ. Напечатано... по указанию дона Хуана Сумарраги, первого епископа этого великого города Теночтитлана-Мехико в Новой Испании... в доме Хуана Кронбергера в год тысяча пятьсот тридцать девятый. Двенадцать листов инкварто». Собственно, Хуан (Иоганн) Кронбергер был немецкий печатник, обосновавшийся в Севилье, а это первое достоверно вышедшее в Мехико издание от имени его «фирмы» было отпечатано в мастерской посланного Кронбергером в Америку «по просьбе нашего вице-короля Новой Испании и епископа Мехико» его подчиненного ломбардца Хуана

Паблоса (Паоли), который затем и работал в новоиспанской столице до самой смерти в 1561 г.

Книгопечатание нашло в Мехико благодатную почву: уже в XVI в. в этом городе работало 12 печатников. Историки печатного дела в Мексике отмечают прекрасное качество книг, вышедших из мастерской уроженца Хаэна Антонио де Эспиносы (работал в 1558—1576 гг.): тяжелая готическая печать, разнообразие литер, превосходные гравюры, виньетки и т. п.; а также из мастерской выходца из Руана Пьера Ошара (1562—1592). Наиболее многочисленны издания мастерской француза Пьера Байи (1574—1608)¹¹. Отметим, что на пути развития печатного дела стояли многочисленные бюрократические рогатки: для напечатания любой книги необходимо было добиться лицензии епископа и специального разрешения вице-короля; а если в книге речь шла о чем-либо, касающемся американских колоний Испании, то надо было еще получить специальное разрешение на публикацию Совета по делам Индий¹². Тиражи были небольшими, и, несмотря на ввоз из Европы, книг постоянно не хватало; книга все еще оставалась редкой и дорогой. Порой одна-две книги служили учебным пособием целому колледжу, так что ученикам приходилось снимать рукописные копии.

Что касается содержания книг, издававшихся в Мехико, то уже в XVI в. оно было весьма разнообразно: азбуки для обучения чтению на языках тараско, испанском, наuatль, чучон; грамматики языков тараско, латинского, чиапатецкого, поке, целталь, чинантекского, наuatль, сапотекского, мистекского; сборники произведений античных классиков; изложение христианского учения на испанском и многих индейских языках; философские и теологические трактаты; труды по медицине и хирургии. В большом количестве издавались литургические тексты и руководства по отправлению католических обрядов. Гораздо меньший объем составляли издания научного, исторического и литературного характера. Зато обязательно издавались указы и постановления королей Испании и вице-королей Новой Испании. Позднее, в XVII в., выходят в свет большие хроники: Бургоа, Гонсалес де ла Пуэнте, Грихальва, Басаленке, Медина, Флоренсия, Ветанкур и др.

Начало периодической печати в Мехико относится еще к середине XVI в.: стали издаваться так называемые летучие листки («листовки»), содержавшие экстренные све-

дения по поводу чрезвычайных событий — сражений, землетрясений, кончины монархов и т. п. Так, в 1541 г. «дом Хуана Кронбергера» выпустил на четырех листах «Известия об ужасном землетрясении, которое ныне вновь приключилось в городе Гватемале»¹³, а в 1637 г. в печатной мастерской Франсиско Сальваго вышло «Подлинное сообщение об известиях, доставленных к нашему двору из Германии, Фландрии, Италии, Наварры и других частей королевства в течение этого года».

Самым крупным городом и фактической столицей всех испанских владений в Южной Америке была Лима. В отличие от Кортеса завоеватель государства инков Писарро не стал основывать новую столицу в Куско, резиденции властителей инков, а выбрал другое место, вблизи океанского побережья, где когда-то и существовали поселения аборигенов, но ко времени прихода конкистадоров были покинуты. Здесь, на равнине, у устья реки Римак Писарро в 1535 г. основал новый город, наметив строительство 117 кварталов. Каждый из них имел площадь 15 667 кв. м и разделялся на четыре участка, в каждом из которых должен был размещаться «солар» — дом с внутренним двором. Разумеется, было предусмотрено и сооружение Пласа Майор с кафедральным собором, дворцом самого Писарро, арсеналом и другими обычными для центральной площади испанских городов в Америке зданиями. В 1544 г. Лима стала столицей вице-королевства Перу. Скорость, с которой сооружалась новая столица, мало чем уступала лихорадочной строительной деятельности в Мехико. Уже через несколько лет после объявления Лимы столичным городом, современник писал: «Этот город после Куско... самый большой во всем королевстве Перу и самый главный, в нем хорошие дома, многие из них щеголяют своими галереями, башнями, его площади велики, улицы широки»¹⁴.

Особенностью Лимы в колониальные времена было многочисленное черное духовенство: в середине XVII в. в городе из 26 441 жителя десятую часть составляли монахи. Здесь же насчитывалось 40 монастырей, владевших чуть ли не половиной города, — из 3941 дома Лимы 1135 домов принадлежали монашеским орденам и другим религиозным организациям. Причина такого пристрастия католического духовенства к перуанской столице объяснялась, впрочем, весьма просто: Лима была самым богатым городом в Испанской Америке. Сюда в XVII в. стекались мощные потоки серебра из богатейших во владениях

испанских королей серебряных рудников в Потоси. Несмотря на все подкрепленные строжайшими мерами усилия Мадрида направить этот поток через океан, львиная доля этих богатств так или иначе оседала в Лиме. Легенды о несметных богатствах Перу привлекали сюда толпы алчущих и из самой Испании и из ее американских владений. В Лиме возникали огромные состояния. Быстро разбогатевшая местная знать и купечество не жалели драгоценного металла на сооружение роскошных жилищ, поэтому до сих пор памятники гражданской архитектуры в Лиме поражают своей пышностью — таков, например, дворец маркизов Торре-Тагле. «Зодчество Лимы, — пишет Е. И. Кириченко, — типичное детище искусства креолов. Испанское население Перу, сконцентрированное в столице вице-королевства, на протяжении веков оставалось основным заказчиком художественных произведений и законодателем художественных вкусов. Через Лиму велись все сношения с Испанией, приезжавшие в Европу мастера преимущественно оседали в столице. Естественно, что в архитектуре Лимы трудно найти реминисценции туземных влияний». Для архитектурного облика Лимы XVII—XVIII вв. характерны «праздничность, цветистость, красочность, полное неприятие мистики и экстатического аспекта духовного наследия Испании, напряженности и трагизма многих ее произведений»¹⁵.

Путешественников, посещавших Лиму в XVII — начале XVIII в., поражала царившая в высших и средних слоях местного общества обстановка вечного праздника, стремление выставить напоказ свое скороспелое богатство, склонность к непомерной роскоши в одежде, отделке экипажей, упряжи лошадей. Сохранилось свидетельство французского военного инженера Амаде Франсуа Фрезье, объехавшего в начале XVIII в. несколько стран Испанской Америки и попавшего в Лиму в 1713 г. Фрезье писал: «Известно, что численность карет и в Европе является мерилom значительности городов; так и в Лиме насчитывается около 4 тыс. „калесас“, как называют здешние кареты, запряженные каждая парой мулов. Но, чтобы дать более наглядное представление о богатстве этого города... достаточно сказать, что примерно в 1682 г. купцы Лимы по поводу прибытия герцога Перальта, который должен был тогда принять бразды правления в этом городе, вымостили серебряными плитами две улицы, по которым он должен был следовать во дворец на Королевской площади, — улицы Мерсед и Мерседорес. Каждая из этих

плит литого серебра длиной от 12 до 15 дюймов, шириной от 4 до 5 и толщиной от 2 до 3 дюймов весила около 200 марок *. Все это могло стоить около 800 млн. эскудо или же около 320 млн. фунтов в нашей монете... Поистине, Лима в некотором роде есть вместилище сокровищ Перу... Здесь и мужчины и женщины в равной степени склонны к роскоши в одежде; женщины же особенно: не удовлетворяясь богатством своих прекрасных туалетов, они украшают их невероятным количеством кружев. Они в огромном количестве носят жемчуга и драгоценные камни, браслеты, серьги и другие украшения, приобретение которых разоряет любящих мужей. Мы видели сеньор, носящих на себе драгоценностей на 60 тыс. пиастров, т. е. более чем на 240 тыс. фунтов» ¹⁶.

В «городе королей», как называли тогда Лиму, процветали многочисленные ремесла. Но поистине бурного расцвета достигло ремесло обработки металлов. Многочисленные золотых и серебряных дел мастера, объединенные в цехи, изготавливали великолепно гравированную серебряную посуду и самую различную церковную утварь, а также кольца, броши, колые и множество других ювелирных изделий. В Лиме были в широком ходу седла, уздечки и сбруя, богато отделанные серебром. Много работы было у мастеров каретного и мебельного дела. Иметь роскошную карету было в столице Перу вопросом престижа богатых «лименьо» — жителей Лимы, и для их украшения они не скупились на золото и серебро, на вышитые ткани, вывезенные из Китая шелка, а порой даже и на драгоценные камни. Для внутреннего убранства домов богатых креолов местные мебельщики изготавливали столы, стулья, комоды, кровати, которые вполне могли почитаться шедеврами их мастерства.

В блестящей столице Перу, где многочисленная придворная челядь, богатые дворяне-креолы и преуспевающие купцы жадно искали развлечений, рано начало развиваться театральное искусство. Испанцы принесли сюда привычные для них драматургические жанры, и в Лиме начинают ставиться религиозные и светские драмы, мистерии и так называемые «ауто» — разновидность драматических представлений на библейские и евангельские темы, которые обычно приурочивались к католическим праздникам. Светские представления организовывались в дни больших торжеств, связанных с победами испанского оружия, вступлением в должность вице-короля и т. д. Пер-

* 1 марка = 230 г.

вое светское представление в честь вице-короля состоялось в Лиме еще в 1548 г. Первоначально местом представления служили либо главная площадь города, либо площадки у порталов крупных церквей; исполнителями были приезжие или переселившиеся в страну испанские профессиональные актеры, а иногда семинаристы или студенты университета Сан Маркос. В 1569 г. представлением в честь вступления в должность вице-короля Франсиско де Толедо начал свою деятельность в Лиме театр ордена иезуитов, не пренебрегавших и этим средством усиления своего влияния. В 1680 г. было завершено строительство здания театра «Принсипаль»¹⁷. Особый подъем театральная жизнь Лимы переживает уже во второй половине XVIII в., в годы правления Мануэля де Амата, весьма покровительствовавшего театру и актерам. Возможно, именно он послужил прототипом вице-короля Перу — героя известной пьесы Проспера Мериме «Карета святых даров» из цикла «Театр Клары Газуль»¹⁸. Здесь же, в Лиме, местными авторами создавались и оригинальные произведения для театра. Из таких авторов широкую известность приобрели каноник Хуан Эспиноса Медрано, написавший очень популярное в свое время ауто «Блудный сын», а также Перальта Барнуэва, создавший ряд удачных драм вполне на уровне современной ему европейской драматургии.

«Вторая столица» Перу — город Куско, бывший до прихода испанцев столицей обширного и могущественного государства инков Тауантинсуйу в первый период после завоевания подвергся сравнительно небольшим изменениям. Конкистадоры не стали полностью разрушать город, они использовали его постройки для своих нужд. Даже культовые сооружения инков, переходя во владения католических орденов, приспособливались ими для различных монастырских помещений, а иногда входили составной частью в сооружавшиеся католические храмы. Индейские мастера, строившие дома конкистадоров заново или перестраивавшие их на основе прежде существовавших жилищ, широко использовали методы постройки и художественные мотивы архитектуры инков. В результате архитектурный облик Куско становился в равной степени близок привычным эстетическим канонам и испанцев и инков. Это влияние двух сильных эстетических потоков в архитектуре в известной степени отражало и социально-этнический процесс, происходивший в бывшей столице инков, где завоеватели не пошли по пути истреб-

ления многочисленной инкской знати, а сохранили за ней привилегированное положение и использовали ее для подчинения индейского населения. Очень частыми в Куско были браки между предводителями конкистадоров и девушками из знатных семей инков.

С Куско связано имя одного из наиболее выдающихся деятелей испано-американской культуры конца XVI—начала XVII в., первого перуанского писателя, историка и философа — Инки Гарсиласо де ла Веги (ок. 1539—ок. 1616), который был сыном капитана испанских конкистадоров и внушки верховного правителя инков Инки Тупака Yupанки. Главные произведения Гарсиласо — «Королевские комментарии инков», «Флорида», «Всеобщая история Перу» — были переведены на многие европейские языки и неоднократно издавались в различных странах¹⁹. Советский исследователь жизни и творчества Гарсиласо де ла Веги В. А. Кузьмищев подчеркивает, что «именно Гарсиласо стал выразителем той первой вспышки от „плавки“ двух культур в единую перуанскую культуру... Думая и творя „по-латиноамерикански“ или „по-перуански“, создавая первые латиноамериканские произведения... своими руками он рисовал первые штрихи, делал первый набросок фундамента и даже закладывал основы нового мироощущения, новой культуры»²⁰.

Уже в первые годы испанского владычества присваивавшиеся испанцами сокровища Нового Света стали предметом вожделения как других европейских держав, так и отдельных авантюристов всех мастей. XVI, XVII и начало XVIII в. — время невиданного разгула пиратства в водах морей, омывающих Америку. Морским разбоем занимались англичане, французы, голландцы, датчане. Иногда это были корсары, т. е. пираты, получившие от своего правительства специальный патент на морской разбой, причем часть добычи отходила короне, выдавшей такой патент. Чаще это были авантюристы, действовавшие на свой страх и риск на кораблях под черным пиратским флагом с командой, состоявшей из людей без роду и племени. Уже в 1523 г. два корабля Кортеса, на которых были отправлены сокровища ацтеков в Испанию, были захвачены французским пиратом из Дьеппа Жуаном Данго. Это было только началом: в последующие два столетия такие нападения стали обычным делом. О пиратах, которые особенно активно разбойничали в Карибском море, где проходили основные пути испанских кораблей и где на многочисленных островах морские разбойники

всегда могли найти пристанище для дележа добычи и ремонта своих потрепанных в сражениях кораблей, написаны, пожалуй, тысячи книг самых разных жанров.

Разбой пиратов не ограничивался грабежом испанских кораблей в море. Все чаще отряды пиратов совершали дерзкие нападения на прибрежные города. В 1555 г. французские пираты под предводительством Жака Сора захватили Гавану, разграбили ее и сожгли до основания. В 1688 г. известный английский пират Генри Морган разграбил Порто-Бельо, захватил в гавани несколько кораблей и вынудил испанцев уплатить выкуп в 100 тыс. песо. В 1671 г. он же высадился с отрядом пиратов на берег в районе Панамского перешейка, взял штурмом, разграбил и сжег богатый город Панаму. Выдающуюся наглость обнаружил в XVII в. маленький тогда еще хищник — курфюрст Бранденбургский. Нуждаясь в деньгах, он снарядил небольшую флотилию, которая захватила один из испанских галеонов с драгоценным грузом якобы в оплату за наемных прусских солдат, бывших на службе испанской короны. Стоимость награбленного во много раз превышала сумму, на которую мог претендовать курфюрст, однако, несмотря на протесты Испании, ни галеон, ни его груз возвращены не были²¹.

Постоянная и все возрастающая угроза нападений на многочисленные порты в Америке побудила испанскую корону предпринять серьезные меры для их защиты. Было решено создать обширную систему оборонительных сооружений, воздвигнуть в наиболее важных портах, откуда американские сокровища отправлялись в Испанию, мощные крепости. Такие крепости предполагалось построить на подступах к Веракрусу (Новая Испания), в Гаване, в Картахене-де-лас-Индиас, в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, в океанском порту Лимы — Кальяо. Менее мощные крепости, дозорные башни и другие оборонительные сооружения намечалось построить и в десятках других портовых городов, либо на подступах к ним.

Во время царствования Филиппа II, когда было принято это решение о строительстве крепостей в Америке, в Европе особенно славились своим искусством итальянские инженеры-фортификаторы. Испанская корона объявила среди них конкурс на лучшие проекты портовых крепостей для своих американских владений. Победителем конкурса оказался выдающийся военный инженер того времени Баутиста Антонелли. Уже в 1589 г. Баутиста Антонелли вместе со своим племянником Джован-

ни Баутиста-младшим прибыл в американские владения Испании и при помощи группы испанских военных инженеров начал проектирование и строительство фортификационных сооружений сразу в нескольких важнейших портах Карибского моря.

Самые грандиозные крепостные сооружения, спроектированные и начатые Антонелли и его помощниками, находились в Гаване и Картахене-де-лас Индиас.

В Гаване к моменту начала работ Антонелли уже существовали большая крепость Ла-Реаль-Фуэрса и дозорная башня Сан-Ласаро, построенные за 30 лет до появления здесь Антонелли. Однако итальянский фортификатор посчитал эти укрепления недостаточными для надежной защиты порта Гаваны, являвшегося ключевым пунктом морских сообщений в бассейне Карибского моря. В 1589 г. Антонелли начал здесь строительство еще двух крепостей — Ла-Пунта и Эль-Морро, которые должны были преграждать неприятельским кораблям вход в бухту перекрестным огнем своей артиллерии. Расположенные друг против друга по обе стороны входа в бухту новые крепости Гаваны были спланированы таким образом, чтобы их бастионы могли отражать неприятеля не только с моря, но и со стороны суши в случае высадки десанта. В конце XVII в. система крепостей Гаваны была дополнена сооружением оборонительной стены, а в 1646 г. — сооружением второй дозорной башни — Ла-Чоррера²².

Наиболее широкий размах реализация фортификационных планов Антонелли приняла в Картахене-де-лас-Индиас, считавшейся морскими воротами в Южную Америку. Основные работы были проведены уже в XVII в.: в 1632 г. были построены мощные крепостные стены, а в 1657 г. начато сооружение крепости Сан-Фелипе-де-Барахас, которая достраивалась и совершенствовалась в течение полутора столетий. Поскольку бухта здесь имеет два входа с моря, то для обороны каждого из них были построены две отдельных крепости. Тем не менее уже после возведения этих укреплений Картахена, где хранилось множество приготовленных к отправке в метрополию товаров, подвергалась нападениям, осадам, не раз ее склады были разграблены. Только в 1741 г., после введения еще ряда усовершенствований в оборонительную систему, Картахена с успехом смогла выдержать длительную и тяжкую осаду, которой ее подверг английский адмирал Вернон с самым большим военным флотом, который когда-либо появлялся в карибских водах²³.

Общий упадок испанской монархии, явственно проявившийся уже в середине XVII в., в полной мере отразился на состоянии военного дела, на вооруженности и численности армии. Даже в метрополии испанское войско уменьшилось до 4781 солдата кавалерии и 1475 пехотинцев под командой 600 офицеров. В таком важнейшем для Испании европейском владении угасавшей Габсбургской династии, как Фландрия, находилось только 700 испанских солдат²⁴. Пираты, хозяйничавшие в Карибском море и опустошавшие американские владения испанской короны, без особой опаски нападали даже и на саму Испанию: жители прибрежных селений Валенсии и Андалусии жили в постоянном страхе новых и новых пиратских набегов.

Такое положение военного дела в самом королевстве прямо отражалось и на способности испанских властей в американских колониях не только отражать нападения экспедиционных отрядов европейских держав, уже начинавших захватывать значительные острова в Карибском море, но и держать в повиновении массы угнетенного населения. К концу XVII в. во всех американских владениях Испании, население которых определялось цифрой в 10—12 млн. человек, насчитывалось едва ли более 5 тыс. солдат регулярных испанских войск. Проспер Мериме в упомянутой пьесе из «Театра Клары Газуль» с полным основанием представляет читателю (или зрителю) растерянность вице-короля Перу, который в ответ на доклад секретаря о начавшемся возмущении индейцев, в испуге бормочет: «А!.. Войск-то у нас нет...»²⁵. В самом деле, в то время королевская администрация в Перу располагала лишь сотней изнеженных дворян из «благороднейших семей» Лимы, составлявших личную гвардию вице-короля, да постоянным гарнизоном из 500 солдат в важнейшей на океанском побережье крепости Кальяо²⁶. Впрочем, и на этот гарнизон власти не могли возлагать больших надежд. Как пишет Фрезье, обративший особое внимание на состояние крепостей Тихоокеанского побережья, их гарнизоны состояли из людей, «осужденных за какие-либо преступления, для которых служба в фортах заменяет галеры»²⁷. А на другом конце материка — в Каракасе, где во всех крепостях и фортах, защищавших город с моря, числилось три роты испанских солдат, когда генерал-капитан назначил смотр на Пласа Майор, в наличии оказалось всего 90 человек²⁸.

Плачевным было и состояние многочисленных крепо-

стей, на сооружение которых были затрачены груды драгоценного металла и каторжный труд многих десятков тысяч людей. Комендант гаванской крепости Ла-Реаль Фуэрса доносил, что в ней насчитывается всего 50 солдат и 8 артиллерийских орудий, тогда как необходимо было иметь по крайней мере 20 орудий²⁹. Да и те пушки, которые имелись в испанских крепостях такой авторитетный военный специалист, как Фрезье, считал мало пригодными к действию, потому что они совершенно изношены, будучи выплавлены в местных арсеналах 100 лет назад, да и вообще не готовы к стрельбе, поскольку отсутствуют орудийные платформы.

Состояние военной силы Испании в Америке как нельзя лучше отражало всесторонний упадок в самой метрополии, повлекший за собой кризис всей огромной испанской колониальной империи.

Глава 5

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ

Хищническое ограбление американских колоний, прежде всего вывоз огромного количества драгоценных металлов, не сделало Испанию богатой и процветающей державой. Наоборот, владычица полумира, во владениях которой никогда не заходило солнце, к концу XVII в., спустя два столетия после открытия Америки, превратилась в самую нищую страну Европы. Херонимо де Устарис, ученый-экономист и высокопоставленный чиновник начала XVIII в. (он был, в частности, королевским секретарем Совета по делам Индий) сообщает в своем труде «Теория и практика торговли и мореплавания», что за два века из Америки в Испанию было ввезено золота и серебра на сумму около 3 млрд. 860 млн. пиастров, а в королевстве в начале XVIII в. в обращении находилось не более 100 млн. пиастров¹. Так что, скорбел Устарис, «хотя испанцы являются хозяевами земель, откуда в таком изобилии вывозят золото и серебро, металлов этих у них меньше, чем у других народов»².

Действительно, упадок буквально всех отраслей хозяйства Испании был поразительным. О его масштабах можно судить по примеру таких крупнейших центров

ремесла, имевших еще в первой половине XVI в. европейское значение, как Сеговия и Толедо. В середине XVI в. суконные мануфактуры Сеговии производили более 25 тыс. штук сукна ежегодно, на этих мануфактурах работало до 34 тыс. человек, причем в некоторых мастерских — до 200—300 человек. Тонкие сукна сеговийского производства славились на всех европейских рынках. Известно, что английский король Генрих VIII очень ценил свое платье из сеговийского сукна³. Спустя столетие мануфактуры Сеговии пришли в совершенный упадок; в 1657 г. здесь изготовили всего 400 штук сукна очень низкого качества⁴. На шелкоткацких мануфактурах древнего испанского города Толедо еще в середине XVI в. обрабатывалось ежегодно 600 тыс. фунтов шелка-сырца, работало над этим 38 250 ремесленников⁵. Великолепные толедские шелка славились далеко за пределами Испании. Один из самых изысканных франтов Парижа своего времени — герцог Гиз просил присылать ему шелковые чулки только из Толедо. Да и сам испанский король Филипп II предпочитал платье толедского шелка. А в 1665 г. в Толедо работало всего 13 ткацких станков⁶.

К концу XVII в. в Испании бездействовали некоторые важные отрасли обрабатывающей промышленности: прекратили работы кастильские мануфактуры по производству мыла и стекла, сахароваренные в Андалусии, прекратилось производство знаменитого холодного оружия в Толедо.

Не в лучшем положении находилась и добывающая промышленность. Богатые и многочисленные соляные копи Испании теперь едва могли удовлетворять потребности метрополии. Поток американского серебра заставил забросить разработку серебряных рудников в Альмадене. Ввоз дешевого железа из Франции подорвал добычу железа в Бискайе, где к тому же методы разработки руды устарели⁷. Одряхлевшая габсбургская монархия безвольно взирала на этот распад испанской экономики, не в силах как-то помочь ей, что-то изменить в устаревшем налоговом законодательстве. А ужасающие размеры контрабанды и ее непрекращавшееся на протяжении XVI—XVII вв. расширение были прямым следствием налоговой политики испанской короны. Возникал порочный круг: стремление увеличить доходы вело к повышению пошлин и торговых налогов, а это в свою очередь вело к сокращению массы испанских товаров, сокращению

торговых сделок; с другой стороны, в метрополию и колонии в больших количествах поступали дешевые иностранные товары, большей частью в обход таможен. «Золото и серебро Америки таинственно уходили из подвалов замка Пунталь в трюмы многочисленных иноземных кораблей, заходивших в бухту Кадиса», — писал испанский историк⁸.

В таких условиях крупнейшие испанские порты Севилья и Кадис, имевшие монополию на торговлю с испанскими колониями в Новом Свете, в XVII в. превратились «в простые перевалочные пункты, через которые золото и серебро Америки переходили к другим странам Европы»⁹. Один французский путешественник писал в конце XVII в.: «Когда я вижу в базарные дни в Кадисе эту странную смесь людей, я не могу не вспомнить одну гравюру, виденную мной в Голландии. Она изображает короля Испании, облокотившегося на стол, заваленный золотыми монетами; с обеих сторон король Англии и Генеральные Штаты (Голландия. — *В. С.*) протягивают свои руки под руками испанского монарха, хватая сверкающий металл. Позади его кресла генуэзцы корчат рожи; а перед лицом испанского короля, ничуть не скрываясь, король Франции загребает золото к себе»¹⁰.

Нищета самых широких слоев населения Испании во второй половине XVII в. дошла до крайности. Один из высокопоставленных чиновников Севильи, столицы некогда процветавшего края, писал в то время: «Следует обратить внимание на то нищенское состояние, в каком находится... Андалусия... Средние слои населения очень бедны, что же касается ремесленников различных отраслей производства, то некоторые занимаются бродяжничеством, другие просят милостыню; бедняки-нищие часто умирают от голода, так как им не хватает того, что они выпрашивают в монастырях. Женщины просят милостыню, переходя от одной церковной паперти к другой, так как работой они не могут добыть средства к пропитанию... Иногда родители оставляют своих маленьких детей у ворот Севильи или у дверей частных домов... Эти дети вынуждены просить милостыню и укрываться на ночь в огородах или, если это им разрешают, в сенях домов». Английский посол лорд Стэнкон писал в 1699 г., что подобную картину он наблюдает и в самой столице королевства: «Число нищих в Мадриде увеличилось почти на 20 тыс. человек, пришедших из ближних районов, чтобы получить то немного, что здесь имеется. Они умирают

от голода в своих домах и похожи на привидения... Недостаток хлеба быстро приводит к голоду, а это бедствие становится все более тяжелым в связи с притоком значительного количества бедняков из соседних местностей»¹¹.

«Нет семьи в Испании, которая открыто или тайно не хотела бы жить вдали от королевства», — писал в 1682 г. венецианский посол¹². Разумеется, самым естественным представлялся бы переезд тысяч и тысяч искавших избавления от бедствий в метрополии, в американские колонии, но уже к концу XVII в. эмиграция в Новый Свет была сопряжена с многочисленными трудностями, преодолеть которые было не под силу простому человеку. Доведенные до отчаяния народные массы часто поднимали восстания. Дороговизна жизни, нехватка пшеницы, голод привели в 1652 г. к массовому выступлению городской бедноты в Севилье. 21 день продолжалось народное восстание в селении Ферия¹³. Все эти выступления жестоко подавлялись королевскими властями.

Но и самому королевскому двору приходилось туго. Дело дошло до того, что после смерти в 1700 г. последнего испанского короля из династии Габсбургов, Карла II, в королевском казначействе не нашлось достаточно денег, чтобы покрыть расходы по устройству похорон почившего монарха¹⁴. А в начале правления следующего короля — внука французского «короля-солнца» Людовика XIV — Филиппа V, первого Бурбона на испанском престоле, один из его французских придворных писал из Мадрида: «Король не имеет и куарто. Меня здесь считают очень ловким человеком, потому что я нахожу средства купить вина... Лакеи-испанцы ходят в лохмотьях и просят милостыню. Участь лошадей еще хуже — они не могут просить подаяния»¹⁵.

А ведь, повторим, в эпоху открытия Америки Испания вовсе не была в числе отстающих стран Европы, тогда — на рубеже XV—XVI вв. — во многих районах Испании, и прежде всего в городах восточного побережья, процветало очень развитое по тому времени ремесленное производство в форме рассеянной и даже централизованной мануфактуры. В этом отношении города Каталонии вряд ли уступали городам итальянских провинций Ломбардии и Тосканы, превосходившим по уровню экономического развития все страны тогдашней Западной Европы. Развитие мануфактур в Испании конца XV в., носителей нового способа производства, означало развитие в недрах феодального строя прогрессивных капиталистиче-

ских элементов; только укрепляя и развивая мануфактуры, Испания могла бы идти в ногу с передовыми странами Европы.

Открытие Америки и хлынувшие в Испанию потоки сказочных богатств оказали разрушительное воздействие на экономику складывавшегося на Пиренейском полуострове единого государства, это оказалось не под силу и зарождавшемуся здесь классу буржуазии. Используя свое положение в обществе, феодалы захватывали львиную долю добычи при распределении награбленных в американских землях богатств. Обогащение верхушки испанского феодального класса значительно усилило его позиции в обществе. Но испанская знать использовала американское золото для консервации феодальных отношений, для сохранения и укрепления своих средневековых привилегий. По словам К. Маркса, «в Испании аристократия приходила в упадок, сохраняя свои худшие привилегии»¹⁶, и, сама приходя в упадок, погубила зачатки испанской капиталистической промышленности. Так что уже «после правления Карла I (т. е. во второй половине XVI в.—В. С.) политический и социальный упадок Испании обнаруживал все симптомы позорного и продолжительного разложения, напоминающие худшие времена Турецкой империи...»¹⁷

Вступление на испанский трон в начале XVIII в. династии Бурбонов сблизило Испанию с самой могущественной тогда державой Западной Европы — Францией, где уже был проведен ряд реформ в духе «кольбертизма», способствовавших развитию капиталистического уклада в торговле и промышленности, проведению более рациональной колониальной политики. В XVIII в. под этим влиянием в Испании начинается медленный, но неуклонный экономический подъем. В стране при поддержке правительства восстанавливаются старые и возникают новые мануфактуры, часть которых («королевские мануфактуры») принадлежала короне. Постепенно увеличивается производство в сельском хозяйстве, оживляется торговля. Страна вступает в мануфактурную стадию капиталистического развития.

В этих изменившихся условиях американские колониальные владения перестают быть для испанской короны только источником золота, серебра, да еще небольшого количества дорогостоящих «колониальных товаров» — теперь в колониях видят прежде всего рынок сбыта для товаров развивавшейся испанской промышленности.

Происходившие в Испании важные перемены были предметом пристального внимания мыслящей части колониального общества — в Новой Испании, в Перу, в Новой Гранаде, на Кубе. Особенный интерес возбуждали развивавшиеся в Европе, в частности в самой Испании, новые идеи, направленные против гегемонии церкви и засилья схоластических догм, а также теории экономистов, искавших новые пути развития промышленности и торговли. Это стремление к новому в интеллектуальной жизни испанских колоний в Америке имело под собой вполне материальную основу. Колониальный режим, с его многочисленными запретами и ограничениями, тормозил развитие испанских колоний в Новом Свете, где уже появлялись ростки новых социально-экономических отношений, начинала развиваться промышленность, оживлялась торговля. Укрепление и распространение форм феодальной эксплуатации препятствовало деятельности рудников, мануфактур, мастерских, нуждавшихся в рабочей силе. Постоянная дискриминация и политическое бесправие возбуждали растущее недовольство уже определявшего, по существу, экономическую и социальную жизнь в колониях креольского населения: мелких и средних землевладельцев, предпринимателей — хозяев мануфактур, людей свободных профессий, интеллигенции, купцов, а также метисированного населения — городской бедноты и крестьян. Недовольна была и креольская помещичья элита, стремившаяся занять более высокое положение в обществе. Медленно нараставший кризис социально-экономической структуры в американских колониях неизбежно находил выражение в сфере духовной жизни, различные формы которой, складываясь в обстановке усиления протеста против королевской Испании, уже не были подражанием испанским образцам, а носили самостоятельный характер.

Новые явления в политике метрополии прежде всего стали ощущаться в вице-королевстве Новая Испания. Новая Испания была той частью колониальной империи, с которой метрополия поддерживала самые оживленные сношения — как в силу того, что это была, пожалуй, наиболее интенсивно эксплуатируемая среди крупных американских колоний, так и в силу ее относительной географической близости. Кроме того, Новая Испания была перевалочным пунктом для ценных товаров, поступающих в Испанию с Филиппин.

Поэтому неудивительно, что великие исторические перемены, происходившие в Европе XVIII столетия — промышленная революция, «Век Просвещения» в развитии общественной, научной, экономической мысли и т. д., — очень скоро в той или иной мере и форме отразились в культурной жизни новоиспанского общества.

Самым важным явлением стало возникновение в передовой части этого общества серьезного идеологического движения, связанного с европейским Просвещением. В кругах интеллигенции и в учебных заведениях это выразилось прежде всего в активном наступлении на схоластическую систему преподавания и в пропаганде научных идей Декарта, Ньютона, Лейбница, французских энциклопедистов и других великих мыслителей XVIII в. Внимательно изучались в Новой Испании Вольтер с его теорией постоянного прогресса человеческого общества, Дидро, разоблачивший вымысел о божественном происхождении королевской власти, Руссо, провозгласивший право народов на восстание против угнетателей. Несомненное влияние идей великих просветителей испытал Хуан Бенито Диас де Гамарра (1745—1783), опубликовавший в 1774 г. труд «Элементы современной философии», а в 1781 г. — «Заблуждения человеческого разума», в которых он открыто бичевал схоластику и развивал прогрессивные идеи. С преподавательской кафедры Гамарра пропагандировал Лейбница и Декарта, за что предстал перед трибуналом инквизиции¹⁸. Однако преследования не могли остановить распространение передовой идеологии XVIII в., которая, в сущности, постепенно подрывала устой испанского колониального гнета. Знаменателен тот факт, что в начале 1790-х годов учащиеся одной из духовных семинарий в Мехико организовали кружок, участники которого изучали современную французскую философию. Стремление познать новые идеи проникло в различные слои общества. Так, купец и землевладелец Эстебан де Эндерика был знаком с французской «Энциклопедией», читал «Общественный договор» и «Элоизу» Руссо, сочинения Вольтера¹⁹.

Характерной чертой идеологической борьбы в Новой Испании в XVIII в., по замечанию советского исследователя В. Н. Кутейщиковой, было ее развитие в лоне католической церкви, поскольку в силу изложенных выше особенностей культурной жизни в колонии именно священники и монахи и представляли по преимуществу интеллектуальную элиту. Именно представители духовенст-

ва — и «черного» и «белого» — зачастую имели больше возможностей знакомиться с новыми книгами, теми или иными путями поступавшими из Европы. И протест против католической схоластики зарождается прежде всего в этой среде. Поэтому «новые, по сути материалистические, принципы выступают в религиозном облачении; мыслители, не порывая с церковью, пытаются примирить стремление к трезвому познанию действительности с верой в божественное откровение. Под знаменем католицизма развертывается борьба за освобождение от обветшалых религиозных догм, оказывающая влияние на все области духовной жизни,— борьба за самоутверждение Мексики и в конечном счете за независимость страны»²⁰.

Ярким представителем такого «по сути материалистического» крыла в среде новоиспанского духовенства был Хосеф Антонио де Альсате-и-Рамирес (1737—1799), один из виднейших ученых Новой Испании, избранный членом-корреспондентом парижской Академии наук и Королевского ботанического сада в Мадриде. Он работал не только в области астрономии, метеорологии, географии и минералогии; его занимали прежде всего проблемы, прямо связанные с экономическим развитием страны,— вопросы продуктивности шелковичного червя и кошенили, выращивания льна, научно-технические аспекты горного дела. Альсате был одним из первых в своей стране популяризаторов научных знаний — издателем специально предназначенных для этой цели периодических изданий: «Диарио литерарио де Мехико» (1768 г.) и «Гасета де литература» (1790—1791 гг.). Этот выдающийся просветитель, мыслитель-гуманист исповедовал и пропагандировал идеи национального самосознания, отражавшие стремления широких слоев новоиспанского общества к освобождению от колониального гнета.

Для европейских монархий XVIII в. характерно такое явление, как просвещенный абсолютизм, представлявший собой совокупность политических, экономических и идеологических мер, которые были, в сущности, попыткой правящего феодального класса приспособиться к ускорявшемуся ритму новых процессов в обществе, быть в русле этих процессов, чтобы сколько возможно продлить свое пребывание у власти. Испанским Бурбонам просвещенный абсолютизм был присущ в полной мере, и сфера его действия распространялась на американские колонии. Немалое значение имели реформы, проведенные при короле Карле III (1759—1788) испанскими министрами-просве-

тителями. Так, в этот период колонии получили разрешение на свободную торговлю с Испанией, были упорядочены административное управление и сбор налогов. Однако по-прежнему строжайше запрещалось торговать с другими странами, был принят ряд мер против контрабанды. Но Испания не могла обеспечить спрос колоний на потребительские товары, и теперь сами испанские купцы, располагавшие монополией торговли в колониях, стали ввозить туда английские и голландские товары, которые были и лучше и дешевле испанских.

Вице-короли Новой Испании этого периода, особенно Хуан Висенте де Гуэмес Пачеко, второй граф Ревильяхихедо, в соответствии с предписаниями Мадрида проводили политику преобразований и реформ. Это, однако, диктовалось отнюдь не интересами мексиканцев, а меняющимися интересами метрополии, поскольку теперь, как говорилось выше, ценность колониальных владений стала измеряться не только и не столько количеством доставленных в королевскую казну драгоценных металлов, сколько значением колоний как потенциального рынка для развивавшейся испанской промышленности и поставщика сырья для этой промышленности. С этими новыми задачами и было связано возникновение в Новой Испании ряда учебных и научных центров, ориентированных на практическую деятельность. В 1783 г. король Карл III подписал указ об основании в Мехико Королевской семинарии горного дела (Горного колледжа), занятия в которой начались в 1792 г. Такое высшее учебное заведение специального типа было одним из первых на Американском континенте, и уже с самого начала оно стало не только важным учебным, но и научным центром: в лабораториях колледжа работал А. Гумбольдт во время своего пребывания здесь в первые годы XIX в., инструменты астрономической обсерватории колледжа он использовал при измерениях в 74 географических пунктах Новой Испании. Профессорами Горного колледжа были в ту пору такие известные ученые, как выходец из Испании минералог Фаусто Элуйар (1757—1833), натуралист и химик Андрес дель Рио (1765—1849), некогда учившийся вместе с Гумбольдтом в классе знаменитого профессора Вернера, мексиканец Антонио Леон-и-Гама (1735—1802) — астроном, участник знаменитой экспедиции Александра Маласпины, заведовавший в колледже кафедрой механики, и другие.

Среди первых выпускников колледжа были выдаю-

щиеся горные инженеры Касими́ро Човель и Висенте Валенсия; им суждено было пасть в сражениях за независимость Мексики.

Большую роль в развитии культурной жизни Мексики сыграли также Королевская школа хирургии (1768 г.) и Ботанический сад (1788 г.), созданный, «дабы коллекционировать в нем произрастающие в этой стране растения и производить опыты по их использованию в медицине и в науках». При Ботаническом саде были организованы курсы, занятия которых вели натуралисты Мартин Сесе и Висенте Сервантес ²¹.

В 1773 г. в Мехико была основана Королевская академия изящных искусств; к ее открытию король Карл III послал обширную коллекцию копий античных скульптур. К тому же периоду мексиканские исследователи относят начало истории Национального музея, основываясь на указании вице-короля Букарели о создании в университете «архива или музея»; вскоре следующий вице-король, граф Ревильясихедо, приказал передать университету для работы над историей Новой Испании коллекцию собранных и описанных «древностей» (древние изваяния, стелы, фрагменты сооружений и т. п.), принадлежавших приезжавшему в страну итальянскому кавалеру Лоренцо Ботурини ²².

«Никакой из городов континента,— писал А. Гумбольдт в 1803 г.,— не исключая и Соединенные Штаты, не располагает столь большими и солидными научными учреждениями, как Мехико. Назову Горную школу, руководимую ученым Элуйаром, Ботанический сад и Академию живописи и скульптуры, известную под названием Академии изящных искусств» ²³. Это свидетельство великого ученого, которому мексиканская наука обязана включением ее в систему мирового естествознания, представляется нам очень важным; вряд ли нужно искать более убедительное доказательство тому, что культурная жизнь Новой Испании в конце XVIII в. находилась вполне на европейском уровне.

Собственно, этого и добивались чиновники испанской просвещенно-абсолютистской монархии. Но, как это часто бывает, их усилия привели в конечном счете к результату, обратному желаемому. Происшедший в Новой Испании подъем общественной и научной мысли, духовных сил зреющей новой нации приводил ко все более ясному осознанию безграничных возможностей огромной и богатой страны, к развитию национального самосознания.

В XVIII в. «человек Новой Испании созревает для того великого открытия, что, хотя официальный язык его страны — испанский, хотя основы его культурной жизни даны Западом, его страна имеет свои, особые контуры, придающие ей новый, неповторимый облик»²⁴.

Стремление к освобождению от испанского владычества проявляется в тот период и в общественной мысли Кубы. В XVIII в. западная часть Атлантики, особенно район Карибского моря, неоднократно становилась ареной военных действий, которые вел английский капитализм, стремившийся вырвать американские сокровища из рук испанской короны. Находившаяся на перекрестке важнейших водных путей, Куба — военно-морской форпост Испании на подступах к ее заморским владениям — постоянно подвергалась нападению британского флота. В середине 1762 г. мощная английская эскадра с многочисленным экспедиционным корпусом на борту под командованием лорда Албемарля и адмирала Покока после ожесточенного штурма овладела Гаваной. Англичанам досталась богатая добыча, они почти на год захватили западную часть острова.

В обстановке постоянной угрозы нападения и частых пиратских набегов, роста недовольства экономической и социальной политикой испанских колониальных властей на Кубе крепло осознание местными уроженцами своих собственных интересов, постепенно складывалась культурная общность кубинского народа. Появление в конце XVIII в. плеяды кубинских общественных деятелей, ученых, литераторов было закономерным результатом этого процесса. «Процесс,— писал кубинский историк С. Агирре,— достиг своей высшей точки с одновременным появлением видного государственного деятеля Франсиско де Аранго-и-Парреньо, первого видного представителя философии на Кубе — Хосе Агустина Кабальеро, первого выдающегося врача, родившегося в этой стране,— Томаса Ромая и родоначальника кубинской лирической поэзии Мануэля де Секейра»²⁵.

В основе деятельности первого поколения национальной кубинской интеллигенции были «интересы Кубы, будущее Кубы, думы Кубы... Для блага Кубы, а не Испании выступали они за экономические, социальные и политические реформы и научные новшества, за распространение на Кубе наиболее современных течений философской мысли, за включение в университетские планы таких новых наук, как экспериментальная физика, химия, бота-

ника, агрономия, которые мало интересовали испанского купца на Кубе, но были необходимы кубинским землевладельцам, желавшим больше получить от земли»²⁶.

Свидетельством оживления социальной и культурной жизни на Кубе было возникновение ряда просветительно-культурных обществ, содействовавших развитию научных исследований и культурного прогресса. В начале 1790-х годов были основаны Королевское патриотическое и экономическое общество, Королевский совет по вопросам сельского хозяйства, промышленности и торговли, Экономическое общество друзей страны. С деятельностью этих обществ связано и появление на Кубе первой газеты — «Папель периодико», начавшей издаваться еженедельно в 1790 г. под этим названием она просуществовала до 1804 г., а затем стала называться «Ависо». В 1800—1802 гг. в Гаване издавалась и другая газета «Реганьон де ла Абана»²⁷.

Немаловажным итогом общественной и культурной деятельности молодой кубинской интеллигенции уже в конце XVIII — начале XIX в. было оформление политического течения, получившего название «реформизм» и выдвигавшего требования свободы торговли и даже превращения Кубы из колонии в автономную провинцию Испании²⁸.

Приближение грядущих перемен чувствовалось и в огромном вице-королевстве Перу. Это богатейшее из владений испанской короны в Америке занимало обширные территории Южной Америки, исключая Бразилию и земли на северо-восточном побережье материка. Лишь в XVIII в. в связи с развитием хозяйства и усложнением управления, а прежде всего для усовершенствования механизма ограбления колоний на территории Перу были образованы новые административные единицы: в 1718 г. — вице-королевство Новая Гранада (приблизительно в границах современных республик Эквадор, Колумбия и Панама), а в 1776 г. — вице-королевство Ла-Плата (в границах современных Аргентины, Боливии, Парагвая и Уругвая). Но и в урезанном виде вице-королевство Перу со столицей Лима — «городом королей» — оставалось основным центром испанского владычества в Южной Америке, одним из главных источников богатств испанской короны.

Сообщение Перу с метрополией было более сложным, чем других американских владений короны. В Испанской Америке существовало два главных порта для отправки в Испанию огромных караванов судов, груженных драго-

ценными товарами,— Веракрус в Новой Испании и Картахена-де-лас-Индиас в Новой Гранаде. И все сообщение испанских владений в Америке с метрополией шло через них. По получении известия о прибытии кораблей в крупнейшем перуанском порту-крепости Кальяо немедленно начинали готовить в путь особую Тихоокеанскую (или Перуанскую) флотилию с грузами для метрополии, прежде всего с серебром, драгоценными камнями, шерстью, винами. Затем Тихоокеанская флотилия совершала путь на север до Панама, там перуанские товары следовали коротким сухопутным путем через Панамский перешеек до порта Порто-Бельо на Атлантическом побережье, куда тем временем прибывала флотилия из Картахены. Отсюда груженные богатствами колоний испанские суда направлялись в Гавану, которая выполняла роль крупнейшей военно-морской базы американских владений короны. Здесь флотилия из Картахены соединялась с флотилией, прибывающей из Веракруса с товарами Новой Испании. Затем, совершив необходимый ремонт и приготовления для перехода через океан, огромный караван, иногда из нескольких сот торговых судов, в сопровождении сильной эскадры боевых кораблей следовал в Испанию, завершая свой путь либо в Кадисе, либо в Санлукар-де-Баррамеде.

Тихоокеанская же флотилия возвращалась из Панама в Кальяо с тем, что посылала в Перу метрополия,— с новыми чиновниками, колонистами, офицерами и солдатами, которые периодически сменялись в колониях, с товарами, произведенными на испанских мануфактурах, и ограниченным количеством литературы, которая дозволялась к ввозу в американские вице-королевства. Этот груз подвергался особенно тщательному досмотру на всех таможах, существовавших на этом сложном пути, особенно в Картахене-де-лас-Индиас, где находился трибунал инквизиции.

Однако и в Перу проникали идеи европейского Просвещения. Когда в 1781 г. в Лиме чествовали вице-короля Хауреги, празднество это сопровождалось, как и полагалось, пышными церемониями. В ходе церемонии вице-королю был поднесен обязательный для такого случая приветственный адрес от верноподданных испанской короне перуанцев, составление которого именитые граждане Лимы поручили видному чиновнику местной администрации Хосе Бакихано-и-Карильо. Чтобы увековечить знаменательное событие, тут же, в Лиме, отпечатали не-

которое количество экземпляров приветственного адреса. Новый вице-король, прочтя адрес, был неприятно удивлен его содержанием, поскольку Бакихано совершенно очевидно обнаружил хорошее знание сочинений, строжайше запрещенных инквизицией и специальными королевскими указами, в том числе Мармонтеля, Монтескьё, Рейналя, Макиавелли, энциклопедистов. Автор получил от вице-короля суровый выговор, его принудили публично покаяться, а экземпляры приветственного адреса послали в метрополию, где они были сожжены по специальному решению суда²⁹.

Сравнительную мягкость такого наказания можно объяснить лишь тем, что прискорбный для испанских властей случай с Бакихано выглядел слишком незначительным по сравнению с событиями, в эти годы потрясшими самые устои испанского владычества в Перу, — с мощным индейским восстанием под руководством Тупака Амару (1780—1783 гг.)³⁰.

Среди обширных колониальных владений испанской короны в Америке Перу — даже спустя почти три столетия после завоевания — оставалось одним из самых «индейских». К концу XVIII — началу XIX в. индейцы составляли 57, а метисы 29% общей численности населения вице-королевства³¹. При этом социально-экономическая единица перуанского общества — айлью (индейская община) — не была разрушена испанцами в процессе завоевания страны. И дело вовсе не в том, что конкистадоры проявляли в ходе завоевания Перу меньше жестокости, чем в других американских землях, или индейцы подвергались здесь меньшей эксплуатации. Завоеватели смогли достаточно быстро оценить те немалые выгоды, которые сулила им эксплуатация индейской общины в том виде, как она сложилась еще до конкисты в государстве Тауантинсуйу. Как отмечает советский исследователь И. К. Самаркина, «высокий уровень развития общинной организации позволил испанцам без коренной экономической перестройки создать (в вице-королевстве Перу. — В. С.) колониальную систему. На первом этапе освоения покоренного мира конкистадоры стремились сохранить и социальную стратификацию Тауантинсуйу. Осуществляя колониальную политику руками традиционных правителей... испанцы могли рассчитывать на быстрое утверждение своей власти. Наконец, общинная система позволяла наладить фискальную службу в колонии. Все это нашло отражение в своде „Законов Индии“ и составило теорети-

ческую основу политики короны»³². Сохранив индейскую общину, испанские завоеватели сохранили и привилегированное положение в колониальном обществе индейской племенной знати. Корона возложила на касиков весьма важную функцию в системе колониального ограбления индейцев — сбор подушной подати, так называемого «трибуто». В вознаграждение касики получили целый ряд словесных привилегий, выделявших их из индейской массы: право ношения холодного оружия, право ездить верхом, право носить испанскую дворянскую приставку к имени — «дон», право одеваться по-европейски, за ними закреплялись земельные владения и скот с правом их наследования, они освобождались от подушной подати. Так, сохранив и упрочив положение индейской знати, испанская корона создала себе социальную опору в среде коренного населения Перу, что облегчало жесточайшую эксплуатацию широких масс индейцев в сельском хозяйстве, в примитивных мастерских-обрахе, в рудниках по добыче серебра и ртути, где труд был особенно тяжким.

Однако хитроумная система эксплуатации местного населения не могла примирить индейцев с колониальным гнетом. Индейские восстания происходили здесь на всем протяжении колониального периода; особенно широкий размах они приняли в XVIII в. Самыми крупными из этих выступлений были восстания индейцев в Кочабамбе в 1730—1731 гг., в Оруро в 1739 г., восстание Х. Сантоса (Атауальпы) в 1742—1756 гг., восстание в Уануко в 1738 г., восстание в Анкаш в 1780 г. и, наконец, великое восстание под руководством Тупака Амару. Это мощное выступление народных масс, представлявшее собой, по сути дела, крестьянскую войну, развернувшуюся на значительной части территории вице-королевства, колониальным властям удалось подавить с огромным трудом. Местная креольская верхушка была очень напугана размахом восстания, и этот страх за свои богатства, за свое привилегированное положение сохранился надолго. В небольшой степени этим обстоятельством и обусловлен тот факт, что в войне за независимость 1810—1826 гг. перуанские креолы сыграли значительно более скромную роль, чем креольское население других областей Латинской Америки, а Перу до последнего момента оставалось оплотом испанского владычества на континенте.

Непосредственной реакцией колониальных властей в Перу на восстание Тупака Амару в идеологическом плане стало полное запрещение ввоза всякого рода «опасной»

литературы, а также конфискация и сожжение книг, лишь заподозренных в том, что они могут возбуждать опасные мысли. В соответствии с королевским указом от 1785 г. вице-король Теодоро де Круа собрал и сжег труды французских, английских и итальянских философов, прежде всего Монтеня, Макиавелли, Локка, Вольтера и т. д. В поисках подозрительных книг тщательно проверялись общественные и частные библиотеки, а инквизиции было указаго еще более усилить контроль над ввозом всякого рода литературы.

Несмотря на усилившееся внимание испанских властей ко всяким опасным для режима проявлениям общественной жизни, в кругах перуанской интеллигенции росло чувство осознания своей родины — «перуанизм», живой интерес к истории и природе своей страны, к широким возможностям ее будущего развития, которые сулили богатейшие природные богатства. Идеи европейского Просвещения жили в среде прогрессивно мыслящей части перуанского общества. Наиболее явственно эти настроения проявились в деятельности литературного и научного общества «Сосьедад амантес дель паис», существовавшего в Лиме в первой половине 1790-х годов. Общество имело свое периодическое издание — «Меркурио перуано де история, литература и нотисиас публикас» (1791—1795 гг.). По материалам, публиковавшимся в «Меркурио перуано...», можно заключить, что «Сосьедад амантес дель паис» занималось как историей страны, так и насущными проблемами хозяйственного и политического развития.

Несомненно, деятельность «Сосьедад амантес дель паис» и его печатного органа оставила заметный след в развитии национальной перуанской культуры, оказала влияние на формирование национальной самобытности перуанцев, хотя и само общество и его газета находились под неослабным наблюдением колониальных властей. Сам вице-король Перу Хиль-и-Табоада лично просматривал и разрешал к выходу в свет каждый номер «Меркурио перуано...»³³.

Более оживленно, чем в Перу, развивалась общественная и научная мысль в вице-королевстве Новая Гранада. Напомним, что главный атлантический порт Новой Гранады — Картахена — один из двух главных портов испанских владений в Америке. Сюда из Испании прибывало до сотни галеонов, здесь было место их первой длительной стоянки (около месяца). С кораблей высаживали при-

бывших колонистов, должностных лиц, разгружали товары из метрополии, брали на борт золото (в XVIII в. Новая Гранада отправила в Испанию более 16 млн. унций этого драгоценного металла³⁴), алмазы, изумруды и другие драгоценные камни, а также кофе, сахар, индиго, кожи. Естественно, что в суете оживленного порта из рук в руки передавалось немало «крамольной» литературы, быстрее узнавались новости европейской культурной жизни.

Складывавшаяся с середины XVIII в. национальная культура Колумбии в процессе своего формирования впитала в себя наиболее передовые идеи европейской мысли. В Новой Гранаде становятся известны имена Локка, Бэкона, Декарта, Ньютона и других выдающихся мыслителей. Ознакомление прогрессивных кругов колониальной Колумбии с их идеями происходило, правда, чрезвычайно медленно и трудно. Когда в июле 1774 г. выдающийся ученый Хосе Селестино Мутис произнес в «старшем» колледже св. Росарио речь о значении систем Коперника и Галилея, он был немедленно обвинен в ереси трибуналом инквизиции в Картахене, хотя запрещенная в 1616 г. книга Коперника в 1758 г. была вычеркнута из папского «Индекса» запрещенных книг. Тем не менее один из членов картхенского трибунала — францисканец Хосе де Эскаланте не решился высказаться по существу вопроса, а другой — августинец Доминго де Саласар — высказал мнение, что «теория Коперника может трактоваться только как гипотеза, коль скоро в качестве тезиса она противоречит католической доктрине»³⁵. Лишь вмешательство благосклонного к Мутису вице-короля спасло ученого от угрожавшего ему тюремного заключения и суровой кары.

В Новой Гранаде, где засилье духовенства во всех областях культурной жизни было чрезвычайно сильным, схоластика служила основным теоретическим обоснованием колониального угнетения, для представителей же прогрессивных кругов она олицетворяла испанское владычество. В силу этого борьба против рутинных схоластических воззрений, за материалистическую философию и передовую науку стала важным моментом в идеологической подготовке революционного движения за независимость.

Наиболее ярко это проявилось в системе просвещения Новой Гранады, в становлении и развитии здесь научной мысли. Конкретным поводом для проведения назревших преобразований в системе просвещения Новой Гранады послужило изгнание иезуитов королевским ука-

зом 1767 г. Под руководством и контролем этого могущественного ордена находился один из крупнейших учебных центров страны — «старший» колледж св. Бартоломе в столице вице-королевства, а также ряд других учебных заведений («младшие» колледжи, семинарии, монастыри). Франсиско Антонио Морено-и-Эскандон (1736—1792), один из наиболее образованных людей страны того времени, был назначен ответственным за выполнение приказа короля. Когда колледж св. Бартоломе был передан под опеку администрации вице-королевства, Морено составил новую программу обучения, которая, по сути дела, положила начало коренной реформе просвещения. В аудиториях, где иезуиты преподавали схоластическую теологию, воцарились алгебра и другие современные эпохе дисциплины. То было время, когда, по словам колумбийского историка Эрнандеса де Альбы, «так называемая новая философия проникает в обители с закостенелой вековой традицией, чтобы объявить ей борьбу не на жизнь, а на смерть»³⁶. Сфера действия этой «новой философии», т. е. передового мировоззрения эпохи Просвещения, из Санта-Фе-де-Богота медленно, но неуклонно распространяется по другим культурным центрам страны. Выпускник колледжа св. Бартоломе Феликс Рестрепо (1760—1832) становится одним из выдающихся педагогов своего времени, «достойным учителем поколения Независимости». В 1782 г. Феликс Рестрепо основывает в семинарии города Попаян кафедру новой философии, где получили идейную подготовку такие впоследствии блестящие деятели науки, литературы и политики, как братья Камило и Херонимо Торресы, Антонио Ульоа и Франсиско Хосе де Кальдас.

Огромную роль в становлении национальной колумбийской культуры сыграл Хосе Селестино Мутис, который, как уже говорилось, «открыл» для Новой Гранады имя Николая Коперника. Он родился в Кадисе в 1732 г., изучал медицину и другие науки в Мадриде и Севилье. В возрасте 30 лет в расцвете творческих сил Хосе Селестино Мутис приезжает в Новую Гранаду, которая становится его второй родиной. Здесь он с жаром принимается за изучение девственных лесов страны, исследует ее неисчислимые минералы, идет по течению рек, взбирается на горы. Одновременно он ведет большую преподавательскую работу. Смысл этой кипучей деятельности он сам с большим мужеством и не меньшей любовью к своей второй родине выразил с кафедры математики (первой на континенте) в «старшем» колледже св. Росарио: «Не бу-

дем оглядываться на нашу отсталую Испанию, взглянем на мудрую Европу» ³⁷.

Усилиями Мутиса в Боготе была сооружена первая в Латинской Америке астрономическая обсерватория, он ввел в Новой Гранаде противооспенные прививки. Мутис вел оживленную переписку с таким знаменитым естествоиспытателем эпохи, как Карл Линней; известия об открытиях ученого из Новой Гранады печатались в Швеции, Саксонии, Франции.

Но наиболее ценным вкладом в культурное развитие Колумбии было основание Мутисом так называемой Ботанической экспедиции и его деятельность в качестве руководителя этого научного учреждения. Уже вскоре после приезда в Новую Гранаду Мутис, пораженный открывшимися ему богатствами южноамериканской флоры, задумал организовать группу ученых-ботаников, которые вели бы ее методическое научное изучение. Америка, говорил Мутис, «богата не только золотом, серебром и драгоценными камнями; ее растения дают ценнейшие краски для промышленности; каучук и многие другие материалы найдут применение в искусствах и ремеслах» ³⁸

Программа деятельности Ботанической экспедиции была затем значительно расширена: она должна была проводить также изучение и фауны страны, обычаев ее жителей, коллекционировать минералы, заниматься топографическими съемками местности, исправлением старых и составлением новых географических карт. Научное учреждение такого широкого профиля могло привлечь к работе самых различных исследователей.

За 20 лет, в течение которых составленный Мутисом проект создания Ботанической экспедиции тащился по узким бюрократическим каналам королевской администрации в Мадриде, сам автор проекта вел в колледже св. Росарио бурную просветительную и педагогическую деятельность, воспитав поколение по-новому мыслящих ученых. Так что когда последовало королевское разрешение и в 1782 г. Ботаническая экспедиция была наконец создана, в распоряжении Мутиса было уже достаточно подготовленных к исследовательской работе людей.

Колумбийские историки (Посада Мехиа, Эрнандес де Альба, Риваденейра Варгас и др.) чрезвычайно высоко оценивают значение Ботанической экспедиции для становления и развития колумбийской национальной культуры. «Ботаническая экспедиция,— пишет А. Х. Риваденейра Варгас,— как явление культуры, имевшее глубокие со-

циально-политические последствия, представляет собой исключительный случай в мировой истории... Экспедиция пробудила жажду к исследованиям, раскрепостила разум от схоластической косности, придала экономическую ценность труду личности, заставила сердца креолов Новой Гранады ощутить чувство родины, дала возможность проявиться этому чувству»³⁹.

Конечно, нельзя полностью согласиться с утверждением колумбийского историка насчет «исключительного случая в мировой истории», потому что достаточно вспомнить, например, чем была «Энциклопедия» не только для Франции середины XVIII в. и даже не только для Европы, но и для всего мира. Однако Ботаническая экспедиция Мутиса, пожалуй, действительно стала в конкретно-исторической ситуации Новой Гранады второй половины XVIII в. неким колумбийским вариантом «Энциклопедии». Отметим, что эффект ее деятельности был чрезвычайно силен еще и потому, что непосредственно перед основанием Ботанической экспедиции в Новой Гранаде происходило мощное народное движение, известное под названием «восстания комунерос» (1781 г.). Начавшись в городе Сокорро как реакция на обложение дополнительными налогами, восстание вскоре распространилось на другие области вице-королевства, создав серьезную угрозу самому существованию системы колониальной эксплуатации. Армия восставших насчитывала до 20 тыс. человек из 66 городов Новой Гранады⁴⁰. С огромным трудом испанские власти смогли подавить это стихийное народное движение. Отметим, что в отличие от других крупных народных движений в Колумбии, проходивших на протяжении XVI—XVIII вв., в «восстании комунерос» видную роль сыграло креольское население колонии.

Итак, деятельность Ботанической экспедиции началась в тот момент, когда еще повсюду слышалось эхо грозного народного возмущения. Именно поэтому ученики Мутиса с живейшим интересом приступили ко «второму открытию» своей страны, по-новому, с точки зрения достижений современных им естественных наук, взглянув на неисчерпаемые богатства ее природы. Естественно пробуждение в них, уроженцах этой земли, высокого патриотического чувства, стремления быть хозяевами ее сокровищ, прекратить бесцеремонное хозяйничанье колонизаторов, радикально, по-революционному изменить отношения с метрополией. Не случайно из среды сотрудников Ботанической экспедиции вышли такие выдающиеся деятели

колумбийской национальной культуры, как Франсиско Хосе де Кальдас, и такие крупные политические деятели, как Педро Фермин де Варгас, друг и единомышленник знаменитого Франсиско Миранды.

Ботаническая экспедиция, работавшая в 1782—1790 гг. в городке Марикита, а с 1791 по 1812 г. — в столице Новой Гранады, стала подлинным центром национальной культуры, с ней в той или иной степени были связаны все образованные люди страны. До сих пор сохраняет большое научное значение объемистый труд, созданный коллективом ученых экспедиции, под названием «Флора Новой Гранады» (иногда ее называют «Флора Боготы»). Для иллюстрирования этой работы Мутис создал настоящую школу живописи и рисования — художественную мастерскую Ботанической экспедиции, подлинно национальную по своему характеру. Здесь работало 40 художников — уроженцев Кито, Боготы, Картахены, Попаяна и т. д. Только двое прибыли из Мадрида, но один из них работал лишь один день, а другой — год, правда без особого успеха. Александр Гумбольдт, посетивший в 1801 г. Новую Гранаду и высоко оценивший отмеченный им здесь «прогресс науки», с особым уважением отзывался о «знаменитом ботанике Мутисе» ⁴¹. В одном из писем он сообщал: «Вот уже 15 лет у Мутиса работает 30 художников; его коллекция насчитывает две-три тысячи рисунков *in folio*, которые кажутся небольшими картинами. За исключением библиотеки Бенкса в Лондоне, мне еще не доводилось встречать подобное собрание ботанических материалов» ⁴².

Работа над «Флорой Новой Гранады» продолжалась до 1812 г. В стенах художественной мастерской, находившейся под непосредственным руководством Сальвадора Рисо и где наиболее значительными мастерами были Фр. Х. Матис и Фр. Х. Вильяроэль, были сделаны 5433 таблицы с изображением всевозможных видов и родов растений, из которых 2945 — цветных, а 2488 — рисованных пером. Собранный Ботанической экспедицией гербарий насчитывал от 20 тыс. до 24 тыс. экземпляров, представлявших около 5 тыс. различных родов и видов растений Новой Гранады ⁴³.

Упомянем о необычайной судьбе коллективного труда «Флора Новой Гранады». Работа над ним, как и само существование Ботанической экспедиции, была прервана в 1812 г. бурными событиями войны за независимость. В 1812 г. по распоряжению испанского вице-короля бо-

танические коллекции Мутиса и собрание рисунков были отправлены в Мадрид, где они надолго остались в хранилищах Мадридского ботанического сада. Лишь в годы Гражданской войны в Испании их разыскал и спас ученый-республиканец Хосе Куатрокасас, тогда же сумевший опубликовать несколько листов коллекции. Эта публикация, уже на более солидной основе, была продолжена с 1954 г. колумбийскими учеными под руководством ботаника Энрике Переса Арбелаэса ⁴⁴.

Говоря о подъеме научной жизни в Новой Гранаде в конце колониального периода колумбийской истории, нельзя не отметить упомянутого выше ученика и сотрудника Мутиса Франсиско Хосе де Кальдаса (1770—1816). Уроженец Попаяна, с ранних лет проявивший исключительные способности и удивительную настойчивость в овладении различными науками, он упорно доставал и приобретал на свои средства научные книги, телескоп, измерительные инструменты, а если достать их было невозможно, то сам конструировал. В чрезвычайно трудных условиях он в 1802—1805 гг. пересек Новую Гранаду и собрал значительный гербарий, одновременно проводя многочисленные картографические работы, которые помогли исправить старые карты страны и нанести на нее ранее не исследованные районы. Именно Кальдасу принадлежит заслуга обнаружения остатков древней цивилизации в Сан-Агустине.

Начало войны за независимость застало Кальдаса на посту руководителя астрономической обсерватории в Боготе. Как и многие образованные колумбийцы своего поколения — ученики Мутиса и Морено-и-Эскандона, Кальдас поставил свои разнообразные знания на службу делу освобождения своей страны. Он стал артиллерийским инженером, занялся литьем пушек для армии инсургентов. Захваченный в плен испанцами, Кальдас был расстрелян в Боготе в 1816 г. С именем Франсиско Хосе де Кальдаса непосредственно связано и начало развития научной периодической печати в Колумбии.

В отношении печатного дела Новая Гранада значительно отставала от американских колоний Испании. В Новой Гранаде первые брошюры даже религиозного характера начали выпускаться в типографии иезуитов только лишь в конце 30-х годов XVIII в. ⁴⁵ Что же касается изданий периодического характера, то появление их в Новой Гранаде связано с первой попыткой создания периодического печатного органа и относится лишь к 1777 г.

Эту попытку предприняли обосновавшиеся в Картахене братья Антонио и Бруно Эспиноса де лос Монтерос на купленной ими типографии иезуитов,— видимо, той самой, где была отпечатана первая в Новой Гранаде книга.

Следующая, уже более удачная, попытка издавать газету для Новой Гранады была сделана Мануэлем де Сокорро Родригесом, выходцем с Кубы, который в течение долгих лет заведовал публичной библиотекой в Боготе и внес большой вклад в развитие и распространение культуры в стране.

Качественно новое направление дал периодической печати Новой Гранады Франсиско Хосе де Кальдас. Он стал основателем и редактором «Еженедельника вице-королевства Новая Гранада», который в отличие от предшествовавших листков, сообщавших лишь кое-какие новости, приближался к уровню современных ему европейских периодических изданий. «Еженедельник» Кальдаса помещал на своих страницах новейшие работы по проблемам торговли, ботаники, медицины, астрономии, географии и других наук и конкретным вопросам, представлявшим актуальное значение для развития страны. Здесь, в частности, была напечатана работа самого Кальдаса «Влияние климата на развитие организованных существ», где, по мнению колумбийских ученых, Кальдас предвосхитил некоторые положения дарвиновской теории о происхождении видов. «Еженедельник» печатал также и материалы зарубежных авторов, как, например, очерк Гумбольдта «География растений».

«Еженедельник» существовал с 1808 по 1810 год — год начала вооруженной освободительной борьбы латиноамериканских народов, когда проблемы этой борьбы стали самыми значительными для каждого прогрессивно мыслящего человека на континенте. Франсиско Хосе де Кальдас в течение пяти месяцев этого исторического года был редактором первого в Колумбии политического периодического издания — «Диарио политико», информировавшего читателей о ходе освободительного движения в Америке⁴⁶.

В развитии культуры Колумбии второй половины XVIII — начала XIX в. заметную роль сыграли библиотеки. Это были или частные коллекции, как, например, богатые книжные собрания Мутиса, Кабальеро, Нариньо, куда по различным каналам попадали новейшие европейские издания, или официальные книжные собрания. В 1777 г. на базе конфискованных библиотек монасты-

рей иезуитов и других учреждений этого ордена была учреждена публичная библиотека в Боготе. Ее организатором был Франсиско А. Морено, а первым директором — Мануэль де Сокорро Родригес, усилиями которого библиотека в Боготе стала одним из центров интенсивной культурной жизни страны. Столичная интеллигенция пользовалась, кроме того, богатой библиотекой вице-короля; именно здесь был найден распространенный затем тайно текст французской «Декларации прав человека».

Специфической формой культурной жизни колониальной Колумбии второй половины XVIII — начала XIX в. были так называемые «тертулии». Ранее так назывались семейные праздники, а в описываемый период — периодические собрания креольской интеллигенции — эквивалент западноевропейских литературных салонов той же эпохи. Некоторые из тертулий, прежде всего в Боготе, превратились в подлинные политические клубы. Известность приобрели, например, «Тертулия эутропелика»*, собиравшаяся в читальном зале публичной библиотеки Боготы, «Тертулия дель буэн густо» («Тертулия хорошего вкуса»), которую возглавляла одна из самых просвещенных женщин столицы — Мануэла де Манрике. Проблемы французской революции обсуждались в тертулии, собиравшейся с 1789 г. в доме Антонио Нариньо. Здесь бывали такие выдающиеся представители политической мысли Боготы и Кито, как Франсиско Сеа, Эухенио Эспехо⁴⁷.

Описанные выше изменения в культурной жизни колониальной Колумбии можно, по-видимому, вслед за некоторыми колумбийскими авторами рассматривать как «эпоху Просвещения в Колумбии». При несомненном и значительном влиянии идей французских просветителей в стране складывалась идеологическая база организованного освободительного движения, формировалась независимая политическая мысль нового поколения колумбийцев. Несмотря на строжайшие запреты колониальных властей и церкви, сочинения Монтескьё, Вольтера, знаменитая «Энциклопедия» попадали в руки читающей молодежи. Эти же прогрессивные идеи разделяли лучшие педагоги Новой Гранады, такие, как Хосе Селестино Мутис или Феликс Рестрепо.

В такой обстановке складывался новый тип энциклопедически образованного мыслителя-патриота, чьи помы-

---

* От греческого слова «эутропелиа» — пристойный отдых, сопровождаемый беседой.

слы были направлены на достижение независимости угнетенной страны. Именно такими стали представители «нового поколения» колумбийцев — Антонио Нариньо, его двоюродный брат Франсиско Хосе де Кальдас, Камило Торрес, Франсиско Сеа. Мы уже говорили о патриотической журналистской деятельности Хосе де Кальдаса, упоминали о вольнодумной тертулии Антонио Нариньо. Последнему, по-видимому, помимо его широкой просветительской и научной деятельности, принадлежит и заслуга распространения в Новой Гранаде одного из самых «взрывчатых» документов революционной мысли эпохи — «Декларации прав человека», строгойше запрещенной трибуналом инквизиции в Картахене еще 13 декабря 1789 г., т. е. уже в год ее появления во Франции. Нариньо нашел ее текст в «Истории учредительного собрания» Галара де Монжуа, находившейся в библиотеке вице-короля, а в декабре 1793 г. перевел и размножил этот документ. Шестнадцать лет пыток и застенков в Картахене, Испании и Африке, последовавшие как кара за распространение революционных идей, не изменили образ мыслей Антонио Нариньо, который в самые тяжелые годы начала освободительной войны находился во главе первой независимой республики в Новой Гранаде.

Его единомышленник и соратник Камило Торрес (1766—1816) — один из самых «светлых и эрудированных умов эпохи»⁴⁸, блестящий юрист, педагог и оратор, вошел в историю Колумбии не только как один из вождей активного периода борьбы за независимость после 1810 г. Он был автором «Мемориала об обидах» («Memorial de Agravios»), в котором убедительно доказывалась неспособность метрополии управлять общественной жизнью своих американских колоний, говорилось о необходимости создания принципиально новых отношений между Испанией и Латинской Америкой. «Мемориал об обидах» представляет собой, без сомнения, один из важнейших документов эпохи, имевших большое значение в деле идеологической подготовки войны за независимость в Латинской Америке. И вместе с тем в нем как бы подводится итог интеллектуальному развитию Новой Гранады в период «эпохи Просвещения в Колумбии». Этот неповторимый период завершили люди нового поколения, «люди 1800 г.», которые, как пишет колумбийский историк Х. Посада Мехиа, «духовно сформировались из традиции Эрсильи, Инки Гарсиласо, сестры Хуаны, Пьедраиты и других умов колониальной эпохи, а также под влиянием идей

Монтескьё, Вольтера, Руссо, Франклина и подобных современных им мыслителей Франции и других стран. Вобрав в себя все живое из традиции, все самое действенное из новейшей мысли, эти люди 1800 г. смогли начать дело национального строительства; родина — это главное в их деятельности. Они стали кузнецами — в интеллектуальном и политическом отношении — новой Колумбии» ⁴⁹.

Глава 6

ДВА ПЛАЦДАРМА НЕЗАВИСИМОСТИ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

История распорядилась так, что к концу XVIII в. наиболее интенсивно стали развиваться два южноамериканских владения испанской короны, которые тогда уже привыкли считать «глухими углами» колониальной империи, — генерал-капитанство Венесуэла и вице-королевство Ла-Плата. В первые века после конкисты в метрополии на эти земли обращали мало внимания: здесь не было ни обильных россыпей золота и драгоценных камней, ни серебряных гор, ни месторождений ртути, ни многочисленного и миролюбивого индейского населения, которое можно было бы эксплуатировать. В XVIII же веке с развитием оживленных морских торговых отношений с Европой в городах Атлантического побережья незаметно, но очень быстро начинают набирать вес, влияние и силу самые передовые социальные слои той эпохи — торговцы, владельцы мануфактур, ремесленники. В этих владениях Испании процветают новые отрасли хозяйства, развиваются новые формы социально-экономических отношений, гораздо более отвечающие велениям нового времени, чем те, которые порождались рабским трудом на приходивших в запустение рудниках Перу, Новой Испании и Новой Гранады.

Когда в 1499—1500 гг. испанский мореплаватель Алонсо де Охеда совершал плавание вдоль северо-восточного побережья Южной Америки, то у полуострова Парагуана испанцы увидели над водой большой поселок свайных хижин. Обширный залив к западу от полуострова был назван ими Венесуэла, что по-испански значит «Маленькая Венеция»; это название позднее распространилось на весь южный берег Карибского моря между полу-

островами Пария и Гуахира, а потом и на всю страну.

В 1520 г. конкистадор С. де Окампо основал первое на Южноамериканском материке поселение, названное им Нуэва-Толедо и которое с 1569 г. и до наших дней называется Кумана. Затем был основан Коро и другие поселения, откуда испанцы начали продвижение в глубь страны.

Но испанцы не встретили здесь ничего, подобного тому, что обнаружили Кортес в Мексике и Писарро в Перу, — ни государств с развитой организацией и культурой вроде государств ацтеков и инков, ни изобиловавших сокровищами городов. Здесь издавна обитали многочисленные индейские племена — араваки, карибы, гуахирос, тимоте, куйска и другие, занимавшиеся охотой, рыболовством, порой примитивным земледелием.

Что касается драгоценных металлов, то и в этом ожидания пришельцев не оправдались. Правда, конкистадоры, в лихорадочных поисках золота продвигавшиеся вверх по течению рек, спустя несколько лет обнаружили места, где в речном песке содержался этот драгоценный металл, и пытались разрабатывать их, но золота оказалось мало, и это занятие скоро забросили.

Процесс испанской колонизации Венесуэлы, развивавшийся в общем подобно тому, как это происходило и в других районах Америки, был прерван в 1528 г., когда император Карл V заложил большую часть территории страны немецкому банкирскому дому Вельзеров, получив взамен средства, необходимые для покрытия долгов. Посланные Вельзерами в Венесуэлу Генрих Альфингер, Георг Шнейер, Николас Федерманн и другие немецкие авантюристы оставили мрачный след в ранней истории страны беспощадной жестокостью в обращении с индейцами и безуспешными поисками легендарных богатых городов Мета и Омагуа, будто бы существовавших во внутренних областях.

В 1556 г. права Вельзеров «открывать, завоевывать и населять» новые земли были аннулированы, и колонизация страны продолжалась снова испанцами. Одной из главных причин, обусловивших сравнительную вялость испанской колонизации Венесуэлы, было, несомненно, отсутствие золота. Однако земли этой страны оказались удивительно подходящими для возделывания таких ценнейших культур, как сахарный тростник, табак и особенно какао, а местная саванна с ее сочными травами давала огромные возможности для разведения скота.

Крупнейший венесуэльский просветитель Андрес Бельо (1781—1865) писал: «Вначале Венесуэла не имела тех качеств, которые делали привлекательными для испанцев другие страны Американского континента. Рудники не влекли испанские флоты и галеоны к ее портам, плоды ее земли стали известны в метрополии много позже. Но едва лишь ее сельское хозяйство стало развиваться, плоды примитивного земледелия завоевали рынки. Правда и то, что Испания мало обращала внимания на те свои владения, которые не обладали драгоценными металлами, и Венесуэла с одним своим какао должна была мало значить в системе торговли Нового Света; все внимание испанского правительства занимали Мексика и Перу, они же поглощали все товары испанского производства... В течение многих лет Испания получала каракасское какао из других стран... не дававших метрополии самой прямо получать драгоценные плоды долин Венесуэлы»¹.

Итак, на протяжении двух первых веков (XVI—XVII) колониального периода своей истории Венесуэла была одним из самых «медвежьих углов» обширной колониальной империи Испании. Это прямо отражалось и на состоянии культурной жизни Венесуэлы. В то время как в Мехико, Лиме, Санто-Доминго уже существовали университеты, возникали оригинальные литературные произведения, формировались яркие школы в изобразительном искусстве, вся образованность в Венесуэле замыкалась в стенах немногочисленных монастырей францисканцев и доминиканцев, в иезуитских миссиях. Первые попытки учреждения в стране начального образования, о которых сохранились упоминания в исторических источниках, также были сделаны католическим духовенством. Так, известно, что в 1600 г. в Трухильо имелась начальная школа, где учителем был маэстро Хуан Ортис Гобантес; школа была учреждена усилиями епископа города Коро Педро де Агреги².

Большой редкостью в Венесуэле XVI—XVII вв. были книги, особенно светского содержания. Дозволялся ввоз катехизисов, библий, молитвенников, литургических наставлений. Что же касается светской литературы, то, как и в других владениях короны, еще установлением 1534 г. строжайше запрещался ввоз в колонии «романов, в которых речь идет о вещах непотребных и историях вымышленных». Королевский указ 1585 г. специально требовал присутствия при досмотре кораблей доверенных лиц

епископов и архиепископов, дабы установить, не проводятся ли запрещенные книги.

С развитием абсолютизма правительство метрополии по-новому стало оценивать возможности сельского хозяйства в колониях, видя в его успехах прямую выгоду для испанской короны.

Все эти новые веяния в колониальной политике Испании оказали значительное влияние на развитие Венесуэлы в XVIII в., когда из разряда заштатной колонии она с учетом богатых возможностей ее хозяйства постепенно выдвигается на первый план.

Многие венесуэльские историки справедливо считают рубежом этого перехода Венесуэлы в новое качество начало деятельности так называемой Гипускоанской компании.

Эта компания была создана в 1728 г. испанским правительством для монопольной торговли с Венесуэлой и просуществовала до 1785 г. Она была финансирована в основном купцами-басками из испанской провинции Гипускоа (откуда и пошло ее название), акционерами компании были король Испании и некоторые из богатейших землевладельцев Каракаса. Гипускоанской компании были даны исключительные привилегии, взамен чего значительная доля прибылей отчислялась короне; кроме того, корабли компании обязаны были вести борьбу с голландскими контрабандистами, хозяйничавшими в то время у венесуэльских берегов.

Помимо общего оживления торговли, Гипускоанская компания способствовала дальнейшему развитию Венесуэлы. В стране начали широко возделываться хлопок, индиго и некоторые другие прибыльные в то время культуры. А. Бельо подчеркивал, что деятельность компании оживила и укрепила связи Венесуэлы с американскими колониями Испании — Мексикой, Кубой, Пуэрто-Рико и другими. Развивалась торговля и с европейскими странами. «Европа впервые узнала,— писал А. Бельо,— что Венесуэла — это не только какао, когда стали прибывать корабли компании, груженные табаком, индиго, кожами, бальзамами и другими удивительными товарами, которые эта страна предлагала промышленности, медицине и удовольствиям Старого Света»³.

Когда в сентябре 1730 г. в венесуэльский порт Ла-Гуайра прибыли первые корабли Гипускоанской компании, то один из фрегатов был гружен железом, свинцом, ветчиной, корицей, перцем, серой, бумагой, оливковым

маслом, маслинами, мукой, водкой и... 26 сундуками с книгами⁴. Эти сундуки с книгами были чрезвычайно важным грузом. Испанский историк Р. де Бастерра, исследовавший этот парадокс — распространение освободительных идей в колонии с помощью кораблей учрежденной короной Гипускоанской компании, так и назвал свою книгу — «Корабли Просвещения»⁵.

Эффект проникновения самой новейшей просветительской литературы в ранее отсталую колонию и в самом деле был значителен, если учесть, что до начала деятельности Гипускоанской компании венесуэльские порты были совершенно забыты: за 15 лет (1706—1721 гг.) из Испании не пришло ни одного торгового судна в Ла-Гуайру, Пуэрто-Кабельо или Маракайбо⁶. С сентября же 1730 г. рейсы сюда кораблей из Европы стали регулярными.

Возникновение в передовой части венесуэльского колониального общества широкого идеологического движения, сыгравшего впоследствии столь важную роль в завоевании независимости, как и в других частях испанской колониальной империи, непосредственно связано с распространением идей европейского «века Просвещения».

Во второй половине XVIII в. в домах креольской знати, судей и чиновников, немногих еще представителей местной интеллигенции возникают библиотеки, где, помимо произведений испанских просветителей Фейхоо, Кампоманеса и Ховельяноса, можно было встретить «Древнюю историю» Роллена и «Историю Карла XII» Вольтера. В библиотеке полковника Хуана Висенте Боливара — отца будущего Освободителя — находились, в частности, такие книги, как «Ученые письма» и «Всеобщий критический театр» Фейхоо, «Экономический проект» ирландского мыслителя Бернарда Уорда, «О богатстве наций» Адама Смита, «Теория и практика торговли и мореплавания» Херонимо де Устариса, «Ньютонова философия» Сент-Гравсанда, «Естественная история» Бюффона и другие⁷.

Знакомство с передовой литературой обуславливало критическое восприятие колониальной действительности Венесуэлы XVIII в., осознание пагубности для развития страны существовавших многочисленных экономических и политических запретов и ограничений. Формировалось новое поколение критически мыслящих, озабоченных дальнейшими судьбами своей страны людей, подобных воспитателю Симона Боливара Симону Родригесу, Андресу Бельо, Хосе Мигелю Сансу. Это были люди, говоря сло-

вами советского историка А. З. Манфреда, «принадлежавшие к беспокойному племени неудовлетворенных... Мир, который окружал их, его общественные институты, социальные отношения, законы, право, мораль — все представлялось им несовершенным; они все брали под сомнение, осуждали и критиковали»⁸.

А между тем испанский просвещенный абсолютизм, поновому расценивая место Венесуэлы в экономике колониальной империи, проводил некоторые преобразования, отражавшие возросшее значение этой страны. Венесуэла была выделена в отдельную политико-административную единицу — генерал-капитанство; здесь были учреждены интендантство и консуладо (торговая палата). И, наконец, в Каракасе в 1721 г. был основан университет «по образцу и с полномочиями университета Санто-Доминго»⁹, что должно было отвечать не только интересам церкви, но и потребностям колониальной администрации в грамотных чиновниках, судьях и т. д. В созданном почти на два века позднее университетов в Мехико и Лиме Каракасском университете отпрыски местной креольской аристократии изучали по преимуществу теологию, церковные каноны, философию, каноническое и гражданское право, латинскую грамматику и музыку. Лишь в 1763 г. на пожертвования граждан Каракаса в университете была учреждена кафедра медицины, где изучались начала гигиены, физиологии, патологии, терапии и паразитологии, доктрины Галена, Гиппократ и Авиценны. Помимо теоретических занятий, студенты-медики проводили четыре года практики в больницах. Обучение здесь велось «без анатомических моделей и таблиц, без учебников, что не обеспечивало глубины знаний»¹⁰.

Наиболее передовые профессора университета не раз предпринимали попытки приблизить систему преподавания к острым практическим вопросам, которые в тот период каждодневно ставила оживлявшаяся экономическая и общественная жизнь колонии. Так, ректор Хуан Агустин де ла Торре в 1790 г. просил у королевской администрации разрешения преподавать в университете математику. Восемью годами позже падре Андухар представил в консуладо проект введения академического изучения физики, ботаники, естественной истории, рисунка и агрономии, в чем ему было отказано.

В целом же университет в Каракасе не смог стать центром культурной жизни, распространения образованности. «Из-за своего догматического характера в рели-

гиозном смысле, ограниченного — в социальном и дискриминационном — в расовом революционные философские идеи в университете не могли распространяться. Университет представлял собой учреждение... служившее бастионом самого консервативного колониального мышления», — пишет венесуэльский историк ¹¹.

Мигель Хосе Санс, близко знакомый с положением дел в университете накануне провозглашения независимости, писал: «Представляется, что вся наука ограничивается латинской грамматикой, аристотелевой философией, установлениями Юстиниана... да теологией» ¹².

Стремление передовой части венесуэльского колониального общества к подлинно современному по тем временам образованию находило другие пути. Во второй половине XVIII в. в Венесуэлу, как и в другие колонии в Америке, проникает характерный для «века Просвещения» в Испании тезис о «полезных науках». Так, испанский просветитель Кабаррус призывал к изучению «предметов только точных, полезных и практических». Вслед за ним Ховельянос писал о первоочередной важности «тех наук, которые называют полезными, поскольку именно они способствуют процветанию государств... математики, минералогии и металлургии, экономики». «Без этого, — отмечал испанский просветитель, — никогда не будут совершенствоваться должным образом ни сельское хозяйство, ни ремесла, ни торговые дела» ¹³.

В Венесуэле первые шаги к организации изучения «полезных наук» связаны с именами наиболее образованных военных из испанских или из местных, так называемых «милиционных», войск. Начало изучения математики относится к 1760 г., когда полковник корпуса инженеров Николас де Кастро просил и получил разрешение у губернатора Каракаса на учреждение в своем доме «Академии геометрии и фортификации», где, правда, пополняли свое образование исключительно офицеры. Годом позже Мануэль Сентурион, капитан артиллерии из Ла-Гуайры, организовал «Военную академию математики». В 1808 г. в Каракасе появляется Инженерная школа, где ее основатель полковник Томас Мирес преподавал основы арифметики, алгебры, геометрии, топографии, гражданского строительства, черчения и картографии ¹⁴.

И, наконец, в самый канун провозглашения независимости возникает Школа мореплавания в Ла-Гуайре. 14 июня 1811 г. «Газета де Каракас» (первое периодическое издание Венесуэлы) напечатала программу заня-

тий школы, а через три дня — уведомление о том, что занятия в ней начнутся 1 июля под руководством лейтенанта флота дона Висенте Паррадо и дона Педро Мариа Иглесиас, которые будут обучать 26 молодых людей три часа утром и три часа днем¹⁵.

К XVIII в. относятся первые шаги венесуэльской литературы. Отсутствие печатного дела обусловило тот факт, что первые литературные произведения, появившиеся в Венесуэле, оставались в рукописях и местное общество знакомилось с ними на устраивавшихся в домах местной знати тертулиях, где, помимо музицирования, любительских спектаклей и других развлечений, происходили и литературные чтения. Среди первых литературных произведений венесуэльских авторов следует отметить историко-хроникальную «Историю завоевания и заселения провинции Венесуэла» Х. Овьедо-и-Баньоса (1659—1738), анонимную поэму «Эпическая черта» (1743), повествующую об отражении атаки английского флота; описание страны в книге «Зрелище Каракаса и Венесуэлы» францисканского монаха Б. Х. Терреро (1735—1802). Идеи Просвещения нашли отражение в сатире В. Салиаса «Война врачей» (начало XIX в.), в драме Х. Д. Диаса «Инес», в стихах Х. А. Монтенегро, в публицистике М. Х. Санса.

Уже в начале XVIII в. в Венесуэле появляются мастера живописи, творчество которых формируется под влиянием испанских традиций и так называемой школы Боготы. В историю венесуэльского искусства вошли такие мастера, как Франсиско Хосе де Ларма-и-Вильегас, именуемый в документах эпохи «маэстро профессор искусства живописи», а также Хуан Педро Лопес, дед Андреса Бельо, зрелые работы которого относятся уже ко второй половине XVIII в. Искусствоведы ценят в многочисленных живописных полотнах Лопеса «грацию, тонкость, выразительность, изящество рисунка, изысканность композиции». Его влияние чувствовалось в работах современных ему мастеров не только Каракаса, но и других городов страны. Хуан Педро Лопес был известен также как скульптор и ювелир.

Возникновение значительных состояний у местных креолов-землевладельцев, которые в Венесуэле назывались «мантуанос», обусловило расцвет не только церковной, но и гражданской архитектуры. В Каракасе и Ла-Гуайре по их заказам строятся обширные особняки с богато украшенными в стиле барокко порталами, колоннами, арка-

ми, балконами. Посетивший Венесуэлу на рубеже XVIII—XIX вв. А. Гумбольдт писал: «Улицы в Каракасе широкие и прямые и пересекающиеся под прямым углом, как во всех городах, основанных испанцами в Америке. Дома большие и выше, чем им следовало бы быть в стране, подверженной землетрясениям. В 1800 г. площади Альта-Грасия и Сан-Франсиско имели весьма привлекательный вид»¹⁶.

А. Гумбольдт писал также: «В Каракасе восемь церквей, пять монастырей и театральный зал, вмещающий от 1500 до 1800 человек. В мое время (в 1800 г.—*В. С.*) он был устроен таким образом, что партер, где мужчины сидели отдельно от женщин, не имел крыши. Можно было одновременно смотреть на актеров и на звезды»¹⁷. Этот театр был построен в 1784 г. и назван «Колисео». По описанию другого современника, он имел партер, двойной ряд лож, среди которых особо нарядная — для губернатора и членов городского совета. Театр освещался сотнями больших и малых масляных светильников. Среди богатого убранства особо выделялся расписной занавес с изображением Аполлона на Парнасе. В «Колисео», располагавшем хорошей бутафорией, декорациями и костюмерной, выступала постоянная труппа¹⁸. Здесь давали произведения А. Бельо, написавшего пьесу «Утешенный Каракас», Ф. Сальеса, Х. Доминго Диаса, а также европейских авторов, большей частью переводившиеся А. Бельо.

Ко второй половине XVIII в. относится и расцвет музыкальной культуры в Венесуэле, который музыкальные критики (в частности, Эдуардо Лира Эспехо) называют «венесуэльским музыкальным чудом». Средоточием этого «музыкального чуда» стала так называемая школа Чакао, организованная одним из членов семьи Боливар, священником Педро Паласио-и-Сохо, в окрестностях Каракаса и представляющая собой музыкальное учебное заведение, давшее много хороших музыкантов. Там же, в Чакао, в 1750 г. была создана «Филармоника» — первый в Южной Америке концертный оркестр. Школа Чакао на многие годы стала местом музыкальных и вообще культурных досугов креольского общества Каракаса.

В 1786 г. к Паласио-и-Сохо из рук посетивших страну двух австрийских натуралистов — Бредмейера и Шульты — попали партитуры произведений Плейеля, Моцарта и Гайдна, а через три года австрийцы послали в школу Чакао некоторые инструменты, которых недоставало для

исполнения этих произведений. Это была, пишет венесуэльский историк, «первая классическая музыка, услышанная в Каракасе, она послужила образцом для любителей, которые скоро стали обожателями чудного гения этих авторов».

К школе Чакао принадлежат не только музыканты, но и первые венесуэльские композиторы — Хосе Анхель Ламас, Каро де Боэси, Педро Ноласко Колон, Каэтано Карренью, создавшие не только религиозные произведения — литургии, мессы, но и светские, включая симфонии¹⁹.

Заметным событием в культурной жизни Каракаса стало прибытие в 1808 г. французской оперной труппы под руководством Эспеню. Это послужило поводом для создания первого в Венесуэле симфонического оркестра под управлением Хуана Хосе Ландаэты — одного из представителей большой семьи Ландаэта, давшей в ту эпоху немало мастеров искусства²⁰.

Как видим, у посещавших Каракас и другие города Венесуэлы в конце XVIII — начале XIX в. европейских путешественников (графа Сегюра, Франсуа Депона и других) были основания, чтобы достаточно высоко оценить культурную жизнь этой страны. Мы приведем слова А. Гумбольдта, обладавшего, как известно, удивительной остротой наблюдений. Он отмечал, что по сравнению с другими испанскими владениями в Америке в Каракасе нашел «больше осведомленности в вопросах политических связей между народами, более широкие взгляды на состояние колоний и метрополии».

«Частые торговые сношения с Европой и положение на берегах Антильского моря... с несколькими выходами в океан,— продолжает Гумбольдт,— оказали могущественное влияние на общественный прогресс... в прекрасных провинциях Венесуэлы. Нигде больше в Испанской Америке цивилизация не приобрела больше сходства с европейской... Во многих каракасских семьях я обнаружил знакомство с шедеврами французской и итальянской литературы, ярко выраженную любовь к музыке, которой с успехом занимаются»²¹.

Эта политическая зрелость венесуэльского общества, равно как и ее причины, столь верно подмеченные Гумбольдтом, посетившим страну в тот самый момент, когда все здесь ожидали скорых и глубоких перемен, были связаны с резким обострением классовой борьбы, усилением патриотического движения за освобождение от колониаль-

ной зависимости. В 1795 г. в Коро вспыхнуло восстание, в котором приняли участие негры, метисы и креолы. Восставшие требовали освобождения рабов, отмены налогов, установления республиканского образа правления. Восстание было жестоко подавлено. Но уже два года спустя в Ла-Гуайре и Каракасе был раскрыт заговор во главе с М. Гуалем и Х. М. Эспаньей, которые под влиянием идей Великой французской революции ставили своей целью свержение колониальной зависимости и провозглашение Венесуэлы независимой демократической республикой. В 1806 г. группа венесуэльских патриотов во главе со знаменитым Франсиско Мирандой предприняла попытку, правда неудачную, поднять восстание против колонизаторов.

Однако распространение передовых идей в значительной мере сдерживалось полным отсутствием печатного дела в Венесуэле, какого-либо периодического издания. Гумбольдт особо отметил, что во время его пребывания в Каракасе «не было типографии, ибо такого названия не заслуживают печатные станки, при помощи которых пытались из года в год издавать несколько страниц календаря или пастырские послания епископа» ²².

Попытки наладить печатное дело в Венесуэле предпринимались передовыми представителями колониального общества еще в XVIII в. В 1790 г. адвокатская коллегия Каракаса объявила о своем желании иметь типографию. Вдохновителями этой идеи были уже известные нам лицензиат Санс, доктор Эспехо и другие. Были составлены сметы, собраны средства, имелись даже образцы литер. Однако после многолетней волокиты в консуладо и в мадридских канцеляриях разрешение на организацию типографии в Каракасе так и не было получено ²³.

Первый печатный станок был ввезен в Венесуэлу с Тринидада в сентябре 1808 г. двумя английскими мастерами-печатниками Мэтью Галлахером и Джеймсом Лэмбом вместе с нужным оборудованием и материалами. Их сопровождало несколько рабов, знающих печатное дело. Уже месяц спустя, 24 октября 1808 г., вышло в свет первое в Венесуэле периодическое издание — «Гасета де Каракас». Редактором и постоянным автором «Гасеты де Каракас» в первые годы ее существования (выходила до 1821 г.) был Андрес Бельо ²⁴. Ему же приписывается авторство первой печатной книги в Венесуэле — «Карманный календарь и всеобщий путеводитель для иностранцев по Каракасу на 1810 год» (1810).

Уже с самого начала издания «Гасеты де Каракас» на ее страницах настойчиво пропагандировались идеи национального самосознания, необходимости осознания огромных возможностей независимого развития страны; говорилось о неисчислимых богатствах ее земли, ее природы.

В первом же номере «Гасеты...», помимо официальных известий из Каракаса и других столиц американских колоний — Санта-Фе-де-Боготы и Гаваны, появилась рубрика «Чрезвычайные известия», где регулярно сообщалось о народном восстании в Мадриде, свергнувшем временщика Годоя²⁵. В следующих номерах значительное место заняли материалы о развитии сельского хозяйства, торговли, о политических проблемах, печатались литературные произведения венесуэльских авторов и переводы зарубежных.

27 октября 1809 г. «Гасета де Каракас» напечатала написанный Андресом Бельо проспект его «Карманного календаря...», издание которого тогда готовилось. В обстановке назревавших революционных перемен слова Бельо звучали как оптимистическое утверждение надежд венесуэльского народа на скорые и счастливые перемены. «Провинция Венесуэла должна занять то высокое положение, которое природа предназначила ей в Америке... — писал Андрес Бельо, — она должна занять и свое почетное место среди просвещенных народов Нового Света»²⁶.

У берегов современной Аргентины первые европейцы появились в феврале 1516 г. Это были испанские моряки экспедиции Хуана Диаса де Солиса, искавшей морской проход в «Южное море» — Тихий океан. Колонизация новых земель началась в 1527 г., когда Себастьян Кабот заложил на берегу реки Параны поселение Санкти-Спиритус; оно должно было стать опорным пунктом при продвижении конкистадоров в глубь материка. К этому времени испанцы, хотя и весьма приблизительно, уже представляли себе контуры открытого ими континента. Они слышали миф о сказочно богатой империи «белого царя» и богатых драгоценными металлами «серебряных горах», которые находились где-то в центре этого континента, — миф, отголоски которого дошли и до наших дней. Вот туда-то, к «серебряным горам», и устремились люди Кабота. «Близость сказочной страны, притягательная сила неведомого, жажда обладания драгоценным металлом гнали вперед путешественников»²⁷. Надежды конкистадоров отразились в названии, которое с тех пор носит общий эстуарий Параны и Уругвая — Рио-де-ла-Плата («Се-

ребряная река»), а также в названии республики, возникшей позднее на его берегах,— Аргентина (по-испански Архентина — «серебряная»).

Однако надежды испанских конкистадоров и в этом районе Америки не сбылись. Вместо городов «белого царя» экспедиции, исследовавшие водные пути от Рио-де-ла-Платы в глубь страны (реки Уругвай, Парагвай, Парана и их притоки), нашли многочисленные индейские племена. Эти племена оказали конкистадорам упорное сопротивление, которое надолго задержало процесс испанской колонизации. Она проходила здесь вяло в отличие от Новой Испании, Новой Гранады и Перу, где существовали развитые индейские государства. Пампа и «светлые леса» территории нынешней Аргентины были населены разрозненными и отсталыми кочевыми и оседлыми индейскими племенами, численность которых достигала 800 тыс. человек. Испанцы частью истребили, частью постепенно поработили их. Здесь не было высокоразвитых обществ, подобных майя, ацтекам, инкам или чибча-муискам, поэтому индейцы Аргентины сыграли весьма незначительную роль в последующем формировании национальной культуры: они были ассимилированы потоками европейской иммиграции.

Сопротивление индейцев испанскому завоеванию было особенно энергичным в районах, примыкавших к Атлантическому побережью, где кочевали воинственные племена группы хэт, пуэльче и другие. Основанный конкистадорами в 1536 г. на западном берегу Рио-де-ла-Платы город Буэнос-Айрес (Пуэрто-Санта-Мария-де-Буэнос-Айрес — «Порт богоматери Добрых Ветров») был вскоре разрушен и вновь восстановлен лишь в 1580 г. Поэтому центр испанской колонизации в 1540-х годах переместился к северу, в предгорья Анд, где обитали оседлые племена диагитов, занимавшиеся земледелием. Сюда испанские конкистадоры пришли в 1543 г. из Перу, завоеванного ими десятилетием раньше.

Колонизация земель на территории современной Аргентины характеризовалась решительным преобладанием испанского или, точнее, креольского элемента в формировании культурного облика страны вплоть до XIX в. Испанская культура проникала сюда двумя главными путями: с севера — из Перу — через Жужуй, Сальту, Тукуман; с востока — через Рио-де-ла-Плату и по течению рек Парана и Уругвай. Здесь испанцы основывали города, становившиеся центрами экономической колонизации.

ции, распространения языка, европейского образа жизни, католической религии. В 1573 г. в пункте слияния этих двух потоков был основан город Кордова, самый значительный культурный центр Аргентины колониального периода.

Кроме этих двух главных потоков колонизации существовал третий, менее значительный: из Чили через перевалы южных Анд в Куйо, где в середине XVI в. конкистадоры основали города Мендосу и Сан-Хуан.

Многочисленные, но мелкие города, возникшие на путях испанской колонизации, в течение долгого времени — вплоть до середины XVIII в. — владели жалкое существование. «Провинции Ла-Платы, — пишет М. Мёрнер, — представляли собой район второстепенный, находившийся в полном небрежении, особенно в отношении экономическом. Центры белого населения, маленькие и разбросанные, были почти полностью изолированы друг от друга; вся территория к югу от линии, соединяющей Буэнос-Айрес и Мендосу, все то, что теперь является Уругваем, а также Гран-Чако, в то время представлявший серьезное препятствие для сообщений, оставались вне процесса белой колонизации, и такое положение сохранялось еще в течение долгого времени»²⁸.

Жесткая регламентация отношений Испанской Америки с метрополией запрещала какую-либо торговлю в портах Атлантического побережья. Европейские товары должны были доставляться на Ла-Плату из Панамского порта Портобельо через перуанские порты Пайту, Лиму и далее через Потоси. Когда товары достигали поселений на Ла-Плате, их цена увеличивалась на 800—1000% по сравнению с первоначальной. Об этом сообщалось в донесении губернатора Ла-Платы, датированном 1599 г.²⁹ Города ла-платских провинций «были обречены на долгое время быть крайними тыловыми бастионами огромного вице-королевства Перу, а также служить для охраны торговли империи и границ с владениями Португалии. Лишенные возможности развлекать хозяйственную деятельность, обитатели Санта-Фе и Буэнос-Айреса должны были жить в глубокой изоляции, жертвуя своими интересами во имя законов и интересов метрополии. Это обстоятельство наложило особый отпечаток на процесс исторического развития»³⁰.

Хозяйственная структура ла-платских провинций в XVI—XVII вв. была весьма несложной: примитивное скотоводство на побережье, феодальное земледелие во

внутренних районах, которое велось на основе эксплуатации покоренного индейского населения, чрезвычайно слабые внутренние торговые связи между удаленными друг от друга городками. Внешнеторговые связи поддерживались посредством контрабанды, которой активно занималось население Буэнос-Айреса, несмотря на жестокое преследование со стороны властей.

В первые века конкисты и колонизации культурная жизнь на Ла-Плате была весьма отсталой. Низкий уровень образования прибывших в колонию людей, трудности жизни в Новом Свете, отсутствие крупных населенных пунктов замедляли процесс культурного развития. Первые шаги на творческом поприще были сделаны людьми, принадлежавшими к духовенству. Так, первой исторической хроникой в Ла-Плате считают рифмованные повествования монаха-солдата Луиса де Миранды де Вильяфаньи, рассказывающие об основании Буэнос-Айреса и походах конкистадора Мартинеса де Ирала в Парагвай. Вторым произведением, относящимся также к чисто испанской литературной традиции, являются «Комментарии об Альваре Нуньесе Кабеса де Вака», написанные секретарем губернаторства Перо Эрнандесом и опубликованные в Вальядолиде (Испания) в 1555 г.

С началом колонизации ла-платских земель здесь появляются образованные люди, как правило духовного звания. Они записывают свои наблюдения относительно географии, животного и растительного мира. Благодаря их трудам европейские современники познакомились с названиями новых стран, их климатом, реками, землями, получили некоторые сведения о растительном и животном мире.

Внимательным наблюдателем был иезуит Педро Лосано (1697—1752), описавший свои странствия от Тарихи и Жужуя до Буэнос-Айреса, от Риохи и Катамарки до Корриентеса и Асунсьона. Его труд имел типичное для той эпохи название: «Хорографическое описание земель, рек, деревьев и животных обширнейшей провинции Чако-Гуаламба, а также рек и обычаев несметных народов неверующих варваров, там обитающих, а также достоверные исторические сообщения о тех народах, которые трудятся на землях, завоеванных некоторыми королевскими губернаторами, и министрами, и иезуитскими миссионерами, приведшими эти народы к вере господина истинного». Эта книга, изданная в Кордове (Испания) в 1733 г., повествовала об орографии и гидрографии района Ла-Пла-

ты, а также — с некоторыми фантастическими подробностями, взятыми у предположительных очевидцев, — приводила обширные сведения о флоре и фауне, лекарственных растениях, о племенах аборигенов, их обрядах и обычаях, резюмируя все это на уровне тогдашних знаний иезуитов в области естественных наук.

На Ла-Плате в тот период работал врач и ботаник галисиец Педро Монтенегро (1663—1728), тщательно занимавшийся сбором и описанием местных лекарственных растений. Его гербарий с оригинальными рисунками был издан в Европе и считался одной из лучших ботанических работ об Америке.

Однако наиболее значительный вклад в изучение лаплатских провинций колониального периода сделал иезуит Хосе Санчес Лабрадор (1717—1798), профессор Кордовского университета, а затем миссионер среди индейских племен к северу от Рио-де-ла-Платы, человек энциклопедических для своего времени знаний. Его работы по гражданской истории и истории церкви, зоологии и ботанике, астрономии и физике, этнографии и лингвистике сохранили определенное значение до наших дней.

К середине XVIII в. большая часть населения лаплатских провинций, численность которого, по-видимому, не превышала 200 тыс. человек, проживала в сельской местности. Оно было сгруппировано в маленьких (около 1 тыс. человек), удаленных друг от друга городках с отсталой экономикой натурального типа.

Искусственная изоляция от мировых торговых путей, редкие — раз в один-два года — сношения с метрополией, постоянная необходимость в самых элементарных предметах обихода и т. п. обусловили зарождение собственного, порой значительного, ремесленного производства. Экстенсивное сельское хозяйство и ремесло основывались на полурабском труде. На севере и западе страны применение массового труда индейцев позволило аккумулировать некоторые излишки примитивного производства, возникшие в ходе простейшей переработки сырья. Эти излишки, нуждавшиеся в сбыте на внутреннем либо внешнем рынках, шли на побережье, в Буэнос-Айрес, в Верхнее Перу. Природные условия побережья позволили значительно развиваться скотоводству, продукты которого также нуждались в сбыте.

В этой ситуации быстро возрастает роль Буэнос-Айреса. «Из скромного второстепенного центра он становится все более и более торговым городом, все более

активным портом»³¹. Еще до ослабления таможенного режима через Буэнос-Айрес шла оживленная контрабандная торговля. Губернатор Андонаэги докладывал в середине XVIII в.: «Большая часть населения (Буэнос-Айреса.— В. С.) открыто занимается торговлей, не разбирая происхождения товаров»³². А монах Педро де Паррас в 1749 г. писал, что Буэнос-Айрес «с каждым днем все более расширяется и растет и, по-видимому, в скором времени сможет соперничать с двором Лимы»³³. В самом деле, если в 1744 г. Буэнос-Айрес без окрестностей насчитывал 10 056 жителей (белых, индейцев и негров), то в 1779 г. — 24 205 жителей, а в 1797 г. — 40 000³⁴.

В целом же на остальной территории колонии, по словам аргентинского историка Н. Р. Бустаманте, «существовало заметное различие между районами, сталкивались два типа экономики и социального развития и — более того — два типа культуры: одна традиционная, унаследовавшая жизненные идеалы, нормы, ценности испанского происхождения, ревниво охранявшиеся; и другая, уже довольно рано подвергавшаяся обновительному влиянию космополитического характера как в плане торгово-экономическом, так и в идеологическом, исходившему из передовых стран Европы, в особенности из Англии и Франции»³⁵. Основными носителями этих двух направлений в ла-платских провинциях были феодалы-землевладельцы внутренних районов и зарождавшаяся торговая буржуазия Буэнос-Айреса.

Рост экономического значения Буэнос-Айреса и примыкавших к нему районов, а также необходимость их военной защиты перед лицом растущей агрессивности английского капитализма побудили в 1776 г. испанскую корону к созданию вице-королевства Рио-де-ла-Плата. Из второстепенного торгового центра Буэнос-Айрес становится столицей. Спустя два года этот город получает право свободной торговли с метрополией, а в 1784 г. — ввоза иностранных товаров.

Вместе со все расширявшимся потоком товаров на Ла-Плату доставлялись и европейские книги. Прямое знакомство с трудами идеологов французской революции оказывало сильнейшее влияние на формирование революционного сознания, уже подготовленного изменившимися материальными условиями в колонии. Прогрессивная интеллигенция Ла-Платы зачитывалась произведениями Вольтера, Монтескьё, Руссо. Особенное впечатление производила идея «естественного права». Один из выдающих-

ся руководителей борьбы за независимость Аргентины — Мариано Морено (1778—1811) видел в «Общественном договоре» Руссо «философию для Америки». В составленном им знаменитом документе «Меморандум скотоводов» идея «естественного права» интерпретируется применительно к аргентинской действительности. Переведенный Морено «Общественный договор» стал одной из первых книг, напечатанных в Аргентине в 1810 г. сразу же после Майской революции; тогда же он был распространен в качестве школьного учебника³⁶.

Надо отметить, что оживлению и прогрессу культурной жизни на Ла-Плате способствовали также научные экспедиции, прибывавшие из Испании, где во второй половине XVIII в. наблюдался некоторый подъем науки и искусства. Во главе этих экспедиций стояли такие видные ученые, как физик, математик и географ Диего де Альвеар, морской инженер Феликс де Асара, их сопровождали многочисленные и образованные специалисты, снабженные новейшими по тем временам инструментами. Многие из участников экспедиций оставили научные труды о природе и географии Ла-Платы. Большое значение на развитие культурной жизни колонии оказало пребывание у берегов вице-королевства научной кругосветной экспедиции капитана Александра Маласпины (1789 г.), в составе которой были ученые, художники. Некоторые из участников этих экспедиций впоследствии вернулись на Ла-Плату, стали участниками борьбы за независимость.

Все эти новые веяния встретили благожелательное отношение со стороны вице-короля Хуана Хосе де Вертис-и-Сальседо, возглавлявшего колониальную администрацию с 1778 по 1784 г. С его именем связано основание в 1783 г. Колледжа Сан Карлос в Буэнос-Айресе, первого учебного заведения такого типа в колонии. По свидетельству современника-англичанина, этот колледж «по своим учебным планам и методикам обучения походил на Оксфордский университет»³⁷. Сюда принимались 10-летние мальчики, умевшие читать и писать, являвшиеся законнорожденными и обладавшие свидетельством о христианском вероисповедании и «чистоте» испанской крови. Колледж готовил юношей к поступлению в университеты. Хотя преподавание в целом носило догматически-религиозный характер, «постоянное общение между учащимися, чтение переходивших из рук в руки запрещенных книг французских философов объединяли их и способствовали формированию в среде молодежи, наиболее остро пережи-

вавшей стесненные условия колоний, революционного политического сознания»³⁸. Впрочем, наиболее прогрессивные преподаватели колледжа знакомили своих учеников с передовыми течениями в науке: физическими воззрениями Декарта, теорией Ньютона и т. д. В Колледже Сан Карлос учились М. Бельграно, М. Морено, Б. Ривадавия и другие выдающиеся представители общественной мысли Аргентины.

Экономическое и социальное развитие Ла-Платы в конце XVIII в. обусловило необходимость подготовки собственных кадров квалифицированных специалистов, в первую очередь морского дела, коль скоро Буэнос-Айрес быстро превращался в крупнейший торговый порт Атлантического побережья Южной Америки. После многолетних усилий в 1792 г. в Буэнос-Айресе состоялось торжественное открытие Мореходной школы (академии, как ее иногда называют), хотя фактически занятия в ней начались лишь в 1800 г. Первым директором школы был Педро Антонио Сервиньо, один из сотрудников Феликса де Асары, который оказал поддержку в организации этого учебного заведения. Число учащихся Мореходной школы было ограничено (в 1802 г. сдавали экзамены всего 16 человек).

В Мореходную школу допускались только чистокровные испанцы и креолы, умеющие читать и писать. Курс обучения включал геометрию, тригонометрию, алгебру, основы механики, гидрографию, космографию, обращение с инструментами, арифметику, а также длительную практику на кораблях. Хотя существование Мореходной школы было недолгим, сам факт ее деятельности свидетельствовал о твердом намерении жителей Ла-Платы впредь самим заботиться об обеспечении нужд своей страны. В уставе школы, который редактировался Мануэлем Бельграно, задачи ее были определены как «изучение науки о мореплавании, подготовка молодых людей к благородной и полезной деятельности; те же, кто не будет заниматься мореплаванием, получают здесь самые нужные знания для будущей жизни, будь то торговля, военное дело или какое-либо другое занятие»³⁹.

В Буэнос-Айресе возникают и другие учебные заведения, имеющие практический уклон, — математические школы, медицинская школа, высшие медицинские курсы, школа рисования. Однако все они существовали недолго и число их учащихся было невелико.

Подъем культурной жизни, расширение просветительской деятельности способствовали появлению в Ла-Плате первого светского печатного издания — газеты «Телеграфо меркантиль» (1802 г.). Она печаталась в типографии «У сиротского приюта» на станках, доставленных в Буэнос-Айрес из Кордовского университета после изгнания иезуитов.

Выше мы уже упоминали имя Мануэля Бельграно. Этот замечательный представитель аргентинской общественной мысли заслуживает того, чтобы остановиться на нем особо, поскольку в его деятельности отразились многие стороны напряженной интеллектуальной жизни Ла-Платы накануне революции и в первые годы борьбы за независимость. Судьба Бельграно очень типична для передовых ла-платских интеллигентов той эпохи.

Крупнейший государственный деятель и мыслитель Аргентины Доминго Фаустино Сармьенто назвал Бельграно зеркалом великой эпохи в истории страны, зеркалом Майской революции, ознаменовавшей свержение колониального господства Испании в этой части Южной Америки. «Вся жизнь Бельграно,— писал Сармьенто,— является олицетворением, если так можно сказать, революции за независимость... Бельграно воплощал в себе просвещенную Америку в той степени, в какой это было тогда возможно, Америку, еще неопытную в военном искусстве, но стремящуюся к победе. Еще до того, как Боливар, Альвеар и Сан Мартин принесли сюда искусство побеждать, Бельграно... принес хорошие социальные идеи, стремление к прогрессу и культуре»⁴⁰.

На формирование политико-экономических взглядов Бельграно большое влияние оказали труды Адама Смита и современных ему испанских экономистов — Кампоманеса, Кампильо, Кабарруса, а также знакомство с трудами французских энциклопедистов — Де Бейля, Монтескье, Руссо и Вольтера. Сам Бельграно вспоминал впоследствии: «Когда в 1789 г. я находился в Испании, и французская революция вызвала изменение образа мыслей, в первую очередь среди людей образованных, с которыми я общался, мною овладели идеи свободы, равенства, неприкосновенной собственности. Я увидел тиранов в тех, кто препятствует тому, чтобы все люди пользовались равными правами, которыми бог и природа их наделила»⁴¹.

В 1794 г. молодой Бельграно был назначен секретарем созданной в Буэнос-Айресе Торговой палаты. Бельграно выступал за свободу торговли со всеми странами,

которые захотели бы торговать на взаимовыгодных условиях и смогли бы продавать товары, нужные для экономики Ла-Платы.

Взгляды Бельграно на социальное и экономическое развитие страны были высказаны в написанных им в этот период «Мемориалах», и прежде всего в первом из этих интереснейших документов, которые не только представляют огромную историческую ценность, но и содержат идеи, не потерявшие определенной актуальности и для сегодняшней Аргентины. Первый из «Мемориалов», написанный в 1796 г., называется «Общие меры по улучшению сельского хозяйства, оживлению промышленности и покровительству торговли в сельскохозяйственной стране». В этом труде, впитавшем в себя передовые экономические идеи эпохи, молодой автор изложил смелый план независимого развития мануфактурного производства и сельского хозяйства, внутренней и внешней торговли, свободной от ограничений, план разветвленной системы всеобщего и бесплатного образования народа.

Бельграно предложил создать бесплатные школы для детей в сельской местности, для того чтобы, по его словам, «воспитывать в них любовь к труду, так как в стране, где царит праздность, приходит в упадок торговля и водворяется нищета»⁴². Революционной для той эпохи была идея создать в городских предместьях школы для детей бедняков, предоставляя им образование, которое было необходимо для развития промышленности и сельского хозяйства.

Бельграно придавал огромное значение изменению положения женщин в колониальном обществе. Он намеревался приобщить их к работе в мастерских по выделыванию льняных тканей и т. п., «поскольку от благосостояния, которое будет следствием привлечения женщины к труду, произойдет изменение нравов, распространяющееся на остальную часть общества»⁴³.

Заботы Бельграно о создании мореходной, торговой, сельскохозяйственной, учительской школ, а также пропаганда передовых философско-педагогических идей представляли собой попытки глубоких культурных преобразований.

С самого начала возникновения активного революционного движения на Ла-Плате Бельграно выступает в первых рядах патриотов. Основанная им газета «Коррео де комерсио де Буэнос-Айрес», провозгласившая своей задачей способствовать изучению наук, философии, истории

и искусств, стала трибуной объединенных в тайное общество революционеров, средством пропаганды их освободительных идей. Самая идея создания этой газеты состояла в том, чтобы воспитать убежденных борцов за независимость, подготовить ла-платское общество к свободному от колониального ига самостоятельному развитию.

Не будучи профессиональным военным, Бельграно смело берется за оружие, когда понадобилось защищать молодое независимое государства от карательных экспедиций испанских колонизаторов. В тяжелый для молодого государства момент, когда испанские войска находились на пути к цитадели освобожденных провинций Ла-Платы Буэнос-Айресу, армия патриотов под командованием Бельграно ликвидировала смертельную угрозу подавления освободительного движения, одержав 24 сентября 1812 г. блестящую победу над превосходящими силами колонизаторов. Эта битва под стенами Тукумана имела огромное значение для дальнейшего развития и успеха движения за независимость на Ла-Плате.

Мануэль Бельграно, как мы уже говорили, был наиболее типичным представителем того поколения прогрессивной интеллигенции Ла-Платы, поколения сложного, подчас противоречивого и непоследовательного, которому по праву принадлежат столь значительные заслуги в идеологической подготовке Майской революции 1810 г., в завоевании независимости и становлении нового латиноамериканского государства — Аргентины.

Но было бы несправедливо умолчать и о других наиболее выдающихся представителях этого замечательного поколения аргентинцев. Разработанная ими революционная идеология, по словам аргентинского историка-марксиста К. Ломбарди, «находится в русле идейных течений, порожденных буржуазией в XVIII в. и выразившихся в „Энциклопедии“ и в трудах английских и французских мыслителей... Эти идеи находились в авангарде мышления эпохи, и именно этими идеями вдохновлялись люди, начавшие в 1810 г. революционную борьбу»⁴⁴. Наиболее прогрессивная часть молодежи из кругов креольской интеллигенции и торговой буржуазии Буэнос-Айреса, «якобинцы» (Хуан Хосе Кастельи, Хуан Хосе Пасо, Бернардо де Монтеагудо и др.), объединялась вокруг пламенного революционера Мариано Морено. Для самого Морено характерны были революционная страстность, твердые демократические убеждения, последовательные, без всяких колебаний. Социально-философские взгляды Руссо он

использовал для разрушения феодальной иерархии и построения демократического общества на основе равенства всех граждан. Вслед за французским мыслителем Мариано Морено утверждал, что суверенны не правительства, а народы, коль скоро «подлинный суверенитет народа заключается всегда и только в его всеобщей воле».

По наблюдению К. Ломбарди, «первые шаги Майской революции напоминали славные времена Великой французской революции. Кастильи вместе с молодыми офицерами войск патриотов выступал против тирании королей, против террора инквизиции, против засилья реакционного духовенства. По мере того как эти войска шли вперед, они распространяли идеологию якобинской группы из Буэнос-Айреса» ⁴⁵.

Молодые руководители Майской революции остались в памяти народа Аргентины как поколение, открывшее новую эпоху исторического развития своей страны, прогресса ее национальной культуры. Этим благородным идеям суждено было жить и развиваться.

Глава 7

КОЛОНИАЛЬНАЯ БРАЗИЛИЯ

22 апреля 1500 г. с кораблей португальской экспедиции Педру Алвариша Кабрала, отклонившихся к западу от своего пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды, увидели неизвестную землю. Кабрал решил, что эта земля — остров, и назвал ее островом Святого Креста, водрузил на берегу деревянный крест в знак присоединения к владениям Португалии и отправился далее. Вскоре обнаружилось, однако, что открытая Кабралом земля лишь часть огромной страны, которую сегодня мы называем Бразилией.

До сих пор ломаются копья по вопросу о том, случайным ли было открытие Кабрала, или он имел особые инструкции искать землю на западе Атлантики. Так или иначе, но ничего похожего на то воодушевление, которое восемью годами ранее возбудили в Испании открытия Колумба, в Португалии в связи с сообщением Кабрала не отмечено. Флорентиец Америго Веспуччи, вместе с португальским мореплавателем Гашпаром Лемушем обследовавший береговую линию открытой земли и оставивший в

своих письмах одно из первых ее описаний, говорит: «Можно сказать, что там нет ничего полезного»¹. В самом деле, когда Веспуччи писал эти слова, Португалия основала свои первые колонии в Индии, откуда в королевство лился сказочный поток богатств, основывались и расширялись колонии в Африке. Разве могла идти с ними в сравнение Земля Святого Креста (Санта-Крус) с ее либо пустынными, либо населенными первобытными племенами берегами, где не обнаружили тогда ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней? Кроме того, у Португалии просто не было сил для колонизации новых земель — наиболее активная часть населения небольшого королевства была вовлечена в прибыльное дело эксплуатации колоний на Востоке и в Африке; дело дошло до того, что большая часть земель в самой метрополии была заброшена, не обрабатывалась. Отсюда относительная пассивность колонизации Бразилии в первые десятилетия после ее открытия португальцами. И в этом — разительный контраст с колонизаторской деятельностью в Америке испанцев, извлекавших из своих американских владений колоссальные богатства уже на самых первых этапах колонизации.

Тем не менее предприимчивые португальские купцы обнаружили на побережье новых земель нечто заслуживающее внимания — распространенный здесь вид дерева, так называемый «пау-бразил», из которого извлекался очень ценный краситель. Первые поселения португальцев на побережье возникли именно для переработки пау-бразила. От этого же произошло и название страны, закрепившееся за ней уже в XVI в.: первая хроника, повествующая о происходивших здесь событиях и написанная в 1570 г. Педру ди Магальяшом Гандаву, озаглавлена «История Провинции Святого Креста, которую мы обычно называем Бразилия»².

Последующие шаги колонизации Бразилии были связаны с тем, что ее земли оказались чрезвычайно благоприятными для возделывания сахарного тростника, а сахар в тогдашней Европе ценился очень высоко; порой он фигурировал в списках приданого принцесс. На протяжении более чем полутора веков (середина XVI — начало XVIII в.) основным районом производства сахара стало побережье северо-восточного выступа Бразилии, у южной границы которого располагалась тогдашняя столица колонии и крупнейший город Сан-Салвадор-ди-Баия.

Производство сахара в Бразилии достигло значительных масштабов, и она долгое время оставалась главным

поставщиком этого товара на складывавшийся мировой рынок. Из сахарного тростника вырабатывались и спиртные напитки — ром и тростниковая водка (кашаса), также находившие большой спрос в Европе. Повышение спроса на продукты из сахарного тростника стимулировало расширение его посадок. Если вначале плантации сахарного тростника существовали лишь в двух северо-восточных из всех 13 капитаний (основная административная единица в колониальной Бразилии) — в Баии и Пернамбуку, то к концу XVII в. разведение этой прибыльной культуры продвинулось далеко на юг. С началом возделывания и переработки сахарного тростника в Бразилии связано возникновение первых латифундий, которые здесь назывались фазендами, по сути дела рабовладельческих хозяйств с обширными плантациями сахарного тростника, а несколько позднее и табака. Владельцы латифундий — фазендейру устраивали в своих хозяйствах примитивные, но иногда весьма крупные предприятия по переработке сахарного тростника (энженью).

Возделывание обширных плантаций сахарного тростника и табака и их переработка на основе примитивной технологии требовали большого количества рабочих рук, потребность в которых по мере расширения колонизации Бразилии и умножения фазенд постоянно росла. А между тем численность индейского населения на колонизованных португальцами землях была невелика; индейцы во множестве гибли от изнурительной работы, бежали от колонизаторов. В связи с этим в Бразилии возник специфический промысел — охота за индейцами, которых потом за высокую цену продавали хозяевам латифундий-фазенд. Вооруженный отряд таких охотников за рабами назывался бандейра, а члены его — бандейрантами. Бандейранты вписали немало мрачных страниц в историю страны, стали символом неумолимой жестокости и алчности. С другой стороны, их захватнические походы способствовали узнаванию неведомых земель, освоению внутренних территорий Бразилии. Но бандейранты были людьми своей жестокой эпохи, само имя их внушало ужас; во время таких походов иногда уничтожались целые племена. А те индейцы, которые попадали в руки бандейрантов, а потом фазендейру, были обречены на непосильный труд и преждевременную смерть. То, что происходило в рабовладельческих латифундиях Бразилии, как нельзя лучше иллюстрируют слова К. Маркса о том, что «обращение с туземцами было, конечно, всего ужаснее

на плантациях, предназначенных, так, например, в Вест-Индии, исключительно для экспортной торговли»³.

Проблема рабочих рук была решена в Бразилии путем ввоза черных рабов из португальских колоний Африки. Впервые африканские негры были привезены еще в 1530 г. на кораблях первой официально организованной для колонизации Земли Святого Креста экспедиции Мартина Афонсы ди Сузы. Черные рабы принадлежали в основном к большим этнографическим группам африканского населения. Прежде всего это выходцы из Западной Африки, среди которых португальские работорговцы предпочитали людей из племен мандинге, сонгаи, мосси, хауса — сильных, высокого роста. Впоследствии, впрочем, оказалось, что их свободолюбивый характер неоднократно побуждал происходивших из этих племен рабов к выступлениям против жестокого обращения с ними на бразильских фазендах. Другой большой этнографической группой африканских негров, из числа которой в Бразилию были вывезены сотни тысяч людей, была банту. Уже к концу XVI в. труд черных рабов в значительной мере заменил труд индейцев. В 1585 г. в Бразилии насчитывалось 14 тыс. черных рабов, что составляло около четверти населения освоенных районов страны. Общая же численность рабов, ввезенных из Африки в Бразилию, по подсчетам французского историка Ф. Моро, составила в XVI в. 30 тыс. человек, в XVII в. — 500 тыс., а в XVIII в. — 1,7 млн. человек⁴.

Уже в XVII в. в Бразилии влияние африканского этнического элемента становится особенно сильно; за период с 1601 по 1700 г. сюда попало 41,8% из всего числа африканских рабов, ввезенных в Америку. За этот же период в Испанскую Америку было ввезено 21,8%, в английские колонии — 19,7, во французские колонии — 11,6%⁵. Негры становились основной рабочей силой во всех отраслях колониального хозяйства Бразилии, а привезенные ими из Африки быт, язык, кухня, музыкальные ритмы, особенности излюбленной цветовой гаммы в одежде, тканях, рукодельных изделиях и т. д. в значительной степени повлияли на складывание национального бразильского быта, на формирование народных говоров Бразилии, характер ремесел, музыки, танца, фольклора. Религиозные же верования африканских племен, бережно сохранявшиеся среди привезенных в Бразилию их представителей, смешиваясь с упорно насаждавшимся среди них христианством, породили множество смешанных, синкре-

тических культов, бытующих подчас и в сегодняшней Бразилии.

И порабощение местного индейского населения португальскими колонизаторами, и жестокая эксплуатация африканских рабов порождали активный протест. Упорно защищали свою свободу и свои земли индейцы. Крупное восстание индейцев на северо-востоке Бразилии вспыхнуло в 1686 г. Племена жандуины и карири объединились в борьбе против колонизаторов, во главе их встал индейский вождь Канинде, нанесший несколько поражений вооруженным отрядам португальцев. В 1750—1756 гг. вели упорную борьбу против колониальных властей индейские племена гуарани.

Жестокий гнет на плантациях и в энженью заставлял бежать в дикие леса не только индейцев, но и африканских рабов. К середине XVII в. побеги негров стали массовыми — в лесах скрывались тысячи беглых рабов, по своему устраивая там свою жизнь. Уже в конце XVI в. в лесах Пернамбуку, где негров в тот период было особенно много, возникают их поселения, укрепленные на случай нападения отрядов фазендейру или бандейрантов (такие поселки назывались киломбо, или мокамбо). А в 1630 г. беглыми неграми на территории Пернамбуку, близ современного города Порту-Калву, было основано независимое государство, известное в истории под названием Республика Палмарис (в переводе значит «Пальмовая», поскольку была расположена в пальмовых лесах). Общее число жителей этого своеобразного государства достигало 20 тыс. человек, среди них были не только негры, но и мулаты и индейцы. Они жили в поселках, насчитывавших иногда до 2 тыс. зданий, у них была своя столица — Макаку. Современник писал: «Это главный центр всех поселений. Он укреплен прочными палисадами и брустверами для защиты воинов. Город занимает большую территорию. Страна имеет своего министра юстиции и все атрибуты цивилизованного государства. Негры подчиняются одному из них, которого они называют Ганга Замба, или Великий Господин, который выглядит как король. Он имеет дворцы, помещения для своей семьи и охраняется гвардией и офицерами, которые имеют свои специальные помещения. Все оказывают ему почтение и внимание как монарху и рассматривают как господина. Те, кто подходит к нему, становятся на колени и складывают руки, что является символом признания его власти. Они обращаются к нему как к королю и подчиняются ему с благоговением»⁶.

Разумеется, в этом свидетельстве есть некоторые преувеличения: автор, по-видимому, переносил привычные ему представления позднефеодального общества европейского типа на строй и организацию государства Палмарис. На самом же деле, по мнению большинства советских исследователей, африканские негры, и прежде всего негры племен банту, попытались воссоздать в пальмовых лесах Пернамбуку привычную для них социальную организацию, т. е. складывавшееся феодальное государство с элементами родо-племенной организации и патриархального рабства (здесь, в частности, применялся труд пленных, обращенных в рабство)⁷. Основная часть населения Палмариса занималась земледелием, выращивая бананы, кукурузу, сахарный тростник, маниоку, фасоль; земля находилась в общей собственности, причем существовали и общинные поля и семейные участки. Меньшая часть жителей Палмариса была занята ремеслами — гончарным, текстильным, обработкой металлов, продукты которых использовались для меновой торговли с соседними индейскими племенами. Вообще обитатели негритянского государства жили в мире и согласии с аборигенами, негры из Палмариса нередко брали себе в жены индеанок, при сопротивлении карательным набегам вооруженных отрядов колонизаторов Палмарис и местные племена вступали в военный союз.

Само существование такого явления, как «республика негров» под боком у колониальных властей препятствовало укреплению португальского владычества в Бразилии, подрывало хозяйственные основы португальской колонизации. Теперь негры с фазенд бежали не куда-то, в полную неведомых опасностей сельву, теперь у них появилась реальная цель. В 1654—1687 гг. португальцы совершили несколько карательных экспедиций против негритянской «республики», но все они были отражены с большими потерями для колонизаторов. И лишь в 1694 г., когда португальские колониальные власти в Пернамбуку с особой тщательностью подготовили поход 6-тысячного корпуса, оснащенного артиллерией, они после долгой осады и жестокого штурма смогли овладеть столицей Макаку. Но и после этого сопротивление жителей государства Палмарис продолжалось долгое время — лишь в 1697 г. были сравнены с землей последние киломбо свободных негров.

К середине XVII в. в Бразилии возникают первые города, как правило на побережье — Сан-Салвадор-ди-Баия,

Ресифи, Сан-Висенти и другие. Города эти были небольшими и в колониальный период истории страны не развивались так бурно, как в Испанской Америке. Испанцы в своей заморской империи с самого начала видели в городах опорные пункты своего господства, и им, как говорилось выше, придавалось большое значение. Впрочем, и в метрополиях — Испании и Португалии — значение городов было далеко не однозначным. В португальских заморских владениях города в известной степени отразили, за немногим исключением, ту скромную роль, которую они играли в метрополии. Города в Бразилии были прежде всего тесно связаны с аграрным характером колониальной экономики, их назначение состояло в том, чтобы служить портами для вывоза в Европу сахара и минимального количества иных товаров местного производства. Кроме того, они были — весьма, впрочем, номинально — административными центрами. Население их состояло из немногочисленных чиновников колониальной администрации, ремесленников, мелких торговцев и довольно многочисленного «черного» духовенства — монастырей в первых бразильских городах было много. В городах Бразилии не возникло, как это было в городах Испанской Америки, сколько-нибудь значительной прослойки состоятельных купцов-креолов. Даже в XVIII в. португальские купцы, в руках которых находилась торговля с колонией, как правило, не покидали метрополию, а ограничивались тем, что посылали в бразильские порты своих доверенных лиц для совершения сделок на покупку и отправку в Европу сахара, табака или иных товаров. Эти доверенные лиссабонских купцов довольствовались тем, что на те несколько месяцев или лет, которые им предстояло провести в колонии, устраивались — плохо ли, хорошо ли — у родственников или знакомых, а то и прямо у владельцев энженью. Так что ни в Салвадоре, ни в Ресифи, ни в Реконкаву никому и в голову не приходило так сорить золотом, вести такую роскошную жизнь, какую вела креольская феодальная знать или купцы-креолы в Мехико, Лиме или Потоси.

Первые города в Бразилии и возникли, и строились не так, как города Испанской Америки, т. е. не по определенному, четкому и притом обязательному плану, — первые бразильские города возникали там, где природные условия позволяли устройство порта и обеспечивали безопасность жителей от возможного нападения неприятеля. Города росли беспорядочно, улицы и переулки изгибались вокруг церкви, занимавшей самую высокую точку,

приспосабливаясь к рельефу местности. Только в XVII в. в капитании Баия появились некоторые муниципальные установления по постройке домов и прокладке улиц.

Сама планировка городов в Испанской и Португальской Америке резко различалась. В основывавшихся испанцами городах их центром — и, как правило, не только топографическим, но и административным, религиозным, культурным, а нередко и торговым — была «пласа майор». В бразильских городах эквивалентом такого места общения горожан был так называемый «россиу» — большая площадь, иногда луг, расположенный на выходе из города; там жители прогуливались по вечерам, обмениваясь новостями, а по воскресеньям развлекались на свой местный лад. Правда, по мере расширения городов россиу нередко оказывался не на краю, а где-нибудь в середине города, но общественная функция его оставалась прежней.

Чуждым для бразильских городов остался и традиционный тип испанского городского дома, замкнутого, с патио и галереями. Бразильский городской дом раскрыт на улицу, в его узком лицевом фасаде располагались два-три близко расположенных друг к другу окна и две-три двери. Такие дома назывались «собраду» и имели часто два этажа. Эти дома на старинных улицах городов северо-востока, с крытыми красной черепицей крышами, окрашивались в яркие тона — зеленый, розовый, голубой⁸.

Церковная архитектура в Бразилии была гораздо более пышной, чем гражданская, но уступала, как правило, монументальным и ошеломляюще богатым католическим храмам Испанской Америки. Как и в испанских городах, над сооружением и украшением церковных зданий в Бразилии работали местные мастера — индейцы, мулаты, метисы. Они также по-своему воспринимали европейские образцы архитектуры, оформления интерьера и создавали произведения национальные, бразильские, порой весьма далекие по стилю от чуждых им заморских канонов. Так, характерными чертами декоративной живописи были подделка под резьбу или имитация деревянных кессонов перекрытий росписями потолков, что можно видеть, например, в церкви Носса Сеньора ду Росариу в Эмбу (штат Сан-Паулу). В старейших городах Бразилии, прежде всего на северо-востоке, большое распространение получила португальская традиция украшения парадных фасадов зданий и их интерьеров расписными изразцами, так называемыми «азулежус». Иногда из изразцов — как, напри-

мер, в церкви монастыря Сан Франсиску в Олинде — составлялись целые композиции на религиозные темы⁹.

Подлинной основой колониального хозяйства и колониального господства португальцев Бразилии в первые два века ее освоения европейцами была сеть укрепленных поместий — так называемые «каза гранди», с обязательной церковью и комплексом хозяйственных построек и жилищ рабов, окружавшиеся крепкими стенами, способными противостоять нападению неприятеля, выдержать осаду. Хозяевами каза гранди были обычно креолы-землевладельцы, иногда ими становились капитаны отрядов бандейрантов, захватившие земли индейцев, а их самих обратившие в рабство. Юридически эти фазендейру были лишь держателями земель короны, в пользу которой они выполняли ряд повинностей вассального характера: уплата церковной и королевской десятины, обязанность состоять самим и выставлять вооруженные отряды для ополчения на случай войны и т. д. Такого рода земельные держания вначале были пожизненными (как бенефиции в феодальной Европе), но постепенно превратились в наследственные. По выражению Фр. Моро, фазендейру был в своем имении «первый господин после бога и, верша закон в своей семье, имел своих подданных и рабов. Как у паши, у него был гарем; он распоряжался жизнью и смертью своих подданных. У фазендейру был свой священник, своя церковь, свое кладбище, свои солдаты — вооруженные метисы, охранявшие его особу»¹⁰. Эти вооруженные отряды, полностью подчиненные фазендейру, в первые два века колонизации Бразилии и составляли, в сущности, основную вооруженную силу колонизаторов. Порой весьма многочисленные и хорошо вооруженные, они существовали совершенно официально как местное ополчение («милисиас»), командирами в них были фазендейру. Ополчение это рассматривалось прежде всего как полицейская сила для удержания в повиновении массы черных рабов и индейцев, оно использовалось для подавления восстаний индейцев, а также для защиты от внешнего нападения. Именно такие милисиас и были направлены против государства Палмарис.

Фазендейру, обладая экономическим могуществом в колонии, имели уже в первые века колонизации и немалый политический вес. Это нашло отражение в выборных органах местного управления («камерас»), осуществлявших функции местной законодательной и исполнительной власти примерно до середины XVIII в. Камерас от-

стаивали интересы фазендейру и в значительной мере ограничивали власть королевской администрации вплоть до самого генерал-губернатора.

Так, по мнению Л. Ю. Слезкина, уже к концу XVI в. в колониальной Бразилии складываются социально-экономические отношения, в которых феодальные институты, принесенные португальскими колонизаторами, тесно переплетались с возникшим здесь на основе плантационного хозяйства институтом рабства. Что касается мелких землевладельцев, то их растущая зависимость от фазендейру «зачастую приближала их отношения, особенно в условиях существования в стране рабства, к отношениям раба и рабовладельца»¹¹.

Однако португальские колонизаторы осваивали прежде всего побережье, официальные представители короны и предприниматели, по выражению летописца эпохи, «обгладывали берега»¹². В середине XVII в. в Бразилии появилась другая энергичная сила колонизации — иезуиты. Первые шесть монахов этого ордена прибыли в страну в 1549 г. с эскадрой назначенного на вновь учрежденную должность генерал-губернатора колонии Томе ди Суза. Группу иезуитов возглавлял Мануэл да Нобрега (кстати, это было их первое появление в Новом Свете). Высадились они 29 марта, а уже 15 апреля Нобрега записал: «Брат Висенти Рижу объясняет детям (индейцев.— В. С.) христианское учение каждый день, он учит их также читать и писать»¹³. С этого момента иезуиты на 210 лет фактически монополизировали дело образования в Бразилии.

Надо сказать, что орден иезуитов пользовался особым покровительством прежде всего португальских королей. Именно в Португалии, в Коимбре, рядом со знаменитым университетом расположился иезуитский Королевский колледж искусств, выполнявший важную задачу подготовки миссионерских кадров ордена, которые рассылались в Азию, Африку и Америку. Корона оказывала этому колледжу щедрую поддержку¹⁴. Питомцы Королевского колледжа искусств в Коимбре в тогдашней Европе пользовались репутацией очень образованных людей. Программа, установленная самим основателем ордена Игнасио Лойолой, предусматривала изучение латинского, греческого и европейских языков, грамматики, риторики, поэтики и истории, а также так называемого «третьего курса», включавшего в себя собственно «искусства» — естественные науки, философию, метафизику, этику, математику.

Это не уступало курсу наук, изучавшихся тогда в лучших университетах Европы¹⁵. Кроме того, в условиях жесточайшей дисциплины иезуитские школяры в Коимбре обучались особо изощренным методам пропаганды католического христианского учения и обращения в «истинную веру». Владением этими методами, несомненно, объясняются быстрые успехи иезуитских миссионеров в деле обращения индейцев в христианство на огромных территориях Америки, о чем рассказывалось выше. Не были исключением и земли Бразилии. В начале же своей деятельности в этой стране Нобрега провел для вящего успеха «доктринации» эксперимент: выписал из Лиссабона группу детей-сирот, объединив их вместе с индейскими детьми в основанном им в Баии Колледже детей христовых¹⁶. Несмотря на немногочисленность прибывших в колонию иезуитов, в довольно короткое время они смогли создать здесь свою систему образования. По неполным официальным данным, относящимся к 1576 г., начальные школы (где, помимо закона божьего, обучали чтению, письму и счету) существовали в Порту-Сегуру, Ильеусе, Сан-Висенти, Сан-Паулу-ди-Пиратининга; в Рио-де-Жанейро, Пернамбуку и Баии были колледжи с начальными школами при них¹⁷. По-видимому, иезуиты испытывали нехватку педагогических кадров, поэтому генерал ордена советует готовить учителей-монахов на месте «в ожидании того, пока они будут подготовлены в Португалии, ибо они нужны повсюду»¹⁸. Уже в скором времени в Колледже ду Террейру в Баии были подготовлены «местри-эскола» (школьные учителя), посланные в Рио-де-Жанейро, Парайбу, Пару.

На первых этапах колонизации задачи иезуитского ордена и королевской администрации объективно совпадали. Однако иезуиты имели собственные, далеко идущие замыслы, и шесть монахов, высадившиеся с кораблей Томе ди Сузы в 1549 г. «должны были стать зародышем для выполнения миссии ордена в будущем»¹⁹. Планы иезуитов в Америке были грандиозны. Они, как мы уже рассказывали, намеревались основать здесь огромную церковно-католическую державу и стать во главе ее. Именно так многие исследователи понимают их систематические и упорные усилия по овладению всей внутренней частью Южноамериканского материка, установление стратегической линии их миссионерских пунктов, протянувшейся от Уругвая и Парагвая до верховьев Амазонки и Ориноко. Эти миссии «представляли собой в совокупности ог-

ромный блок, части которого были органически связаны между собой. Иезуиты не преследовали цели, обычной для всех религиозных миссий,— проложить для европейских колонистов дорогу к туземному населению. В отличие от этого иезуиты всеми доступными им средствами, включая применение силы, отчаянно боролись за сохранение собственной гегемонии, пытаясь оттеснить светских соперников»²⁰. Ядро такой «вселенской» иезуитской державы должно было располагаться где-то во внутренних районах Бразилии, а сами эти районы, будучи освоены миссиями ордена, составили бы ее значительную часть. Во всяком случае, центр иезуитской экспансии в глубь материка располагался в основанном миссионерами ордена городе Сан-Паулу-ди-Пиратининга²¹.

Свою роль в колонизации Бразилии сыграли и другие монашеские ордена — францисканцы, капуцины, доминиканцы, кармелиты. Однако прибыли они в колонию гораздо позже, чем иезуиты. В капитании Баия, например, представители этих орденов появились между 1665 и 1693 гг.²², да и роль их оказалась намного более скромной. Они также основывали свои учебные центры. Известно о существовании на севере Бразилии двух колледжей, принадлежавших кармелитам,— в Олинде и Мараньяне, где готовили учителей и священников. Помимо теологии, там изучались индейские языки²³. При монастырях францисканцев существовали начальные школы.

Иезуитские школы и особенно колледжи пользовались в колонии гораздо более высокой репутацией. «Больше всех повлияли на первую фазу истории Бразилии,— пишет бразильский исследователь Круз Коста,— колледжи Общества Иисуса. В конце XVI — начале XVII в. именно в колледжах учеников святого Игнатия некоторые счастливицы — дети первых владельцев сахарных заводов, тростниковых плантаций, а также дети королевских чиновников и администраторов колонии — получали гуманитарное образование. Кроме владения землей и вслед за тем рабом, т. е. орудием, с помощью которого обрабатывались эти земли, гуманитарное образование являлось истинным признаком принадлежности к высшему классу»²⁴.

Старейший из иезуитских колледжей — Колледж ду Террейру в Баии — в начале XVII в. (в 1615 г.) имел в своих стенах 96 студентов и 120 учеников находившейся при колледже начальной школе. Незадолго до этого, в самом конце XVI в., там было 12 преподавателей, которые,

по словам современника, были «способны учить теологии, искусствам и гуманитарным наукам в любой части света»²⁵.

Колледж иезуитов в Баии располагал сокровищем неопенимым, невиданным в условиях тогдашней Бразилии — солидной библиотекой, крупнейшей в огромной колонии. Она вела начало от книг, привезенных первыми прибывшими в Баию иезуитами, и в 1649 г. насчитывала 3 тыс. томов произведений «любых авторов, каких только можно пожелать»; к моменту изгнания иезуитов в 1759 г. библиотека состояла из 15 тыс. томов²⁶.

Коль скоро представители духовенства были, в сущности, единственными образованными людьми в Бразилии XVI—XVII вв., им принадлежат и первые заслуги в изучении страны, ими сделаны первые, хотя и робкие шаги в развитии национальной науки. Первой значительной фигурой на этом поприще многие бразильские авторы считают иезуита Жозе ди Аншиэту. Сохранилось довольно объемистое наследие его произведений, среди которых — ряд поэтических произведений на языке тупи-гуарани, драмы и песни религиозного содержания, написанные по-португальски и на латыни. Наибольшую ценность представляет его «Описание многообразных явлений природы в Сан-Висенти», где Аншиэта предстает как ученый-натуралист, скрупулезно описывая природные условия, животный и растительный мир Бразилии XVI в. Написанный в 1580 г., этот труд пять лет спустя вышел в Европе в переводе на итальянский язык. На португальском же он вышел в Лиссабоне лишь в 1799 г.²⁷

«Отцом бразильской историографии» считают Висенти ду Салвадора, родившегося и работавшего в Баии. Его пятитомный труд под названием «История порабощения Бразилии» (опубликован в 1627 г. в Европе) охватывает период в 127 лет, с момента открытия Бразилии. Ценным трудом по истории первых веков существования колонии до сих пор остается книга иезуита Симау ди Васконселуса «Летописи общества Иисуса и провинции Бразилия», вышедшая в Лиссабоне в 1663 г.

Необычным явлением в Бразилии той эпохи стал труд, написанный светским автором. Это «Описательный трактат о Бразилии 1587 года», принадлежащий перу Габриэла Соариса ди Сузы — фазендейру и хозяина энженьо в глубине Баии. Трактат представляет собой интересную хронику и описание тогда еще новой колонии, восхваляющее природные богатства этого края. Ди Суза сообщает

данные о населении, а также о хозяйстве и ресурсах Бразилии²⁸.

В ходе колонизации Бразилии португальцы столкнулись с неизвестными им тропическими болезнями, принимавшими порой масштабы опустошительных эпидемий. В XVII в. появляется ряд специальных медицинских работ, авторы которых пытались выяснить природу этих болезней и методы их врачевания. Таковы «Трактат об оспе» работавшего в Ресифи Симау Пиньейру Моурау, а также «Трактат о вредоносных происшествиях в Пернамбуку» Жоао Феррейры да Розы, написанный в связи со свирепствовавшей в Пернамбуку в 1685 г. желтой лихорадкой.

Нельзя пройти мимо имени Бартоломеу Лоуренсу ди Гусмана, одного из пионеров воздухоплавания. Окончивший в 1701 г. иезуитскую семинарию в Белене, которая, кстати, была не чисто духовным, но общеобразовательным учебным заведением, он занялся опытами по конструированию летательного аппарата; первые его испытания, по свидетельствам современников, происходили в Белене на площади против церкви. В 1707 г. Гусман получил от Совета заморских дел Португалии патент на этот аппарат, названный им «Пассарола», а в 1709 г. в присутствии португальского короля и многочисленных придворных в Лиссабоне были проведены успешные испытания этой управляемой (в отличие от позднейших воздушных шаров братьев Монгольфье) летательной машины²⁹.

Таковы немногие дошедшие до нас факты культурной жизни одной из самых заброшенных колоний в Новом Свете в первые два века ее существования, когда колониальные власти возводили множество препон всякому проявлению интеллектуальной деятельности, когда здесь не было ни книгопечатания, ни университетов — «темные века младенчества страны», по выражению советского литературоведа И. Тертерян³⁰.

Остановимся на судьбах португальского языка в Бразилии XVI — начала XIX в. Вскоре после начала колонизации из смешения этого языка с индейскими наречиями возник так называемый «лингва жерал» («общий язык»). В его основу лег наиболее распространенный на территории страны в то время язык индейцев тупи-гуарани. Фонетический облик португальских слов, вошедших в лингва жерал, приспособился к фонетике тупи-гуарани. Лингва жерал стал языком контактов португальцев с индейцами, а главное — основным языком в семьях поселенцев, женившихся на индеанках. Современник писал (в XVII в.):

«В этих семьях говорят на языке индейцев, а португальский дети ходят учить в школу»³¹. В распространении и закреплении лингва жерал большую роль сыграли иезуиты: такой язык как нельзя более соответствовал их планам, о которых говорилось выше. Он долгое время преподавался в иезуитских колледжах и семинариях, иногда называясь «грегу да терра» («местным греческим»). Уже в XVI в. упоминавшийся выше Аншиэта составил первую грамматику тупи-гуарани, изданную в метрополии. В дальнейшем такие грамматики издавались неоднократно. Одну из них, составленную иезуитом Луисом Фигейрой и изданную в Лиссабоне в 1678 г., переписал известный русский исследователь Бразилии Г. И. Лангсдорф³².

Однако лингва жерал не смог вытеснить португальский язык, он так и не стал национальным языком Бразилии. В течение почти трех столетий оба языка существовали бок о бок, но лингва жерал все более отступал на второй план и к началу XIX в. оказался полностью вытесненным португальским. Помимо постоянного увеличения численности португальского населения, на этот процесс повлияли и другие факторы. Португальский был государственным языком колонии, это был язык документов, писем, книг, деловой переписки. В 1727 г. королевским указом пользование языком тупи-гуарани было запрещено, с этого времени как в школах, так и в колледжах преподавался лишь португальский³³.

К XVI—XVII вв. относятся попытки Франции и Голландии отобрать у Португалии часть владений в Америке, основать в Бразилии свои колонии. Попытки эти оказались безуспешными и сколько-нибудь заметного влияния на облик Бразилии не оказали. То же относится к периоду с 1580 по 1640 г., когда из-за династических смут Португалия, а значит, и все ее колонии подпали под власть испанских королей. Их полное небрежение интересами Португалии привело эту страну к разорению, к потере значительной части ее колониальных владений в Азии и Африке. Поэтому в центре внимания португальской короны с конца XVII в. становится Бразилия, поскольку потеря доходов от восточной торговли заставляла искать какого-то их возмещения в американских владениях. В середине XVII в. португальская эмиграция в Бразилию становится столь значительной, что совершенное запустение грозит таким важным областям метрополии, как, например, Миньо. Все эти обстоятельства имели

для Бразилии очень важные последствия. «Упадок португальского королевства повлек за собой заселение и развитие этой страны», — писал видный бразильский исследователь К. Прадо Жуниор³⁴.

Развитию Бразилии в XVIII в. в немалой степени способствовало открытие на ее территории залежей золота, которое португальские колонисты прежде безуспешно искали в течение почти двух веков. Наконец в 1696 г. золото было найдено в районе, который теперь составляет центральную часть штата Минас-Жерайс, около города Ору-Прету (в переводе означает «черное золото»). За этой находкой последовали другие, в том же районе. На той же территории нынешнего штата Минас-Жерайс были обнаружены значительные месторождения алмазов, которые до этого в ограниченном количестве поступали в Европу из Индии. Быстро развившаяся добыча золота и алмазов, которая в течение XVIII в. стала основным занятием в Бразилии, распространила португальскую колонизацию на всю центральную часть Южноамериканского континента. Это привело и к перемещению главного экономического центра колонии, прежде, как мы видели, находившегося в крупных сахаропроизводящих зонах северо-востока — Пернамбуку и Баии. В 1763 г. столица колонии переносится из Баии в Рио-де-Жанейро, так как связь золото- и алмазоносных районов с метрополией было легче осуществлять через порт. На подступах к уже давно существовавшему порту Рио-де-Жанейро в обширной бухте Гуанабара были построены, перевооружены и укреплены новые оборонительные сооружения — крепости и форты. Однако, несмотря на преобразование в столицу колонии, сам облик старого города вплоть до начала XIX в. оставался весьма непритязательным, много уступая облику городов северо-востока страны. Путешественники, посещавшие в XVIII в. Рио-де-Жанейро, сообщают, что на вершинах характерных гранитных холмов — «морро», окаймлявших старую часть города, находились форты, на других же располагались несколько монастырей, самый большой из них — на «морро» Сан-Антониу — принадлежал бенедиктинцам и францисканцам. На дворцовой площади, расположенной неподалеку от порта, размещались, кроме дворца вице-короля, тюрьма и монастырь кармелиток, а за дворцом — ратуша и дворец правосудия. Сам же дворец, четырехугольный в плане и весьма непритязательной архитектуры, был единственным в городе зданием с застекленными окнами. От площади шла глав-

ная улица — Руа Дирейта, другие отходили от нее под прямым углом, и на каждом из этих углов возвышался непременный 3-метровый шест. На каждом из таких шестов помещались либо крест, либо застекленная икона, перед которыми каждый прохожий обязательно преклонял колени³⁵. Необходимость снабжать продовольствием население приисков, а также новую столицу стимулировала хозяйственную деятельность на больших пространствах не только капитании Минас-Жерайс, но и Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Здесь широко развиваются земледелие и скотоводство.

С началом добычи золота и алмазов колониальный гнет усиливается, создается специальный административно-фискальный аппарат. По подсчетам бразильских исследователей, в колонии было добыто более 1000 т чистого золота, за 300 лет — с XVI по XVIII в. в Европу было вывезено более 50% всего золота³⁶. Португальцы вывезли из Бразилии, кроме того, много серебра, алмазов и драгоценных камней.

Экономический гнет португальцев сопровождался грубым подавлением всяких попыток оживления культурной жизни в Бразилии. Когда в 1706 г. в Ресифи из метрополии было завезено печатное оборудование и организована маленькая типография для печатания официальных объявлений и церковных проповедей, уже 8 июня того же года последовало особое королевское распоряжение, положившее конец этому начинанию. В нем говорилось: «Конфисковать напечатанное и указать хозяевам печати и служащим в ней, дабы впредь они не печатали и не позволяли другим печатание книг либо отдельных бумаг».

То же случилось в Рио-де-Жанейро в 1746 г., когда сюда из Лиссабона прибыл старый печатник Антониу Исидору да Фонсека с типографским оборудованием. Он едва успел отпечатать книжку епископа Антониу ду Дестерру «Повествование о восшествии» на 17 страницах, как тут же приказом из португальской столицы было повелено упразднить типографию, сжечь ее оборудование, «дабы не распространять идеи, которые могут быть противны интересам государства»³⁷.

И все-таки стремление к развитию интеллектуальной жизни существовало. Проявлялось оно в организации разного рода литературных ассоциаций, первой из которых была так называемая «Бразильская академия непризнанных», возникшая в 1724 г. В 1736 г. в Рио-де-Жанейро

была учреждена «Академия счастливых», а в 1752 г. — «Академия избранных». В Баии в 1759 г. возникла «Бразильская академия возродившихся»³⁸. Судьба этих «академий» была плачевна. Мало того, что они не имели каких-либо перспектив выхода к обществу, будучи лишены возможности публикаций своих трудов, — эти эфемерные ассоциации в любой момент могли подвергнуться преследованиям со стороны колониальной администрации. Так случилось с последней из них — «Бразильской академией возродившихся». Инициатором ее создания был некто Жозе Маскареньяс, просвещенный чиновник. В состав «академии» вошли 40 монахов — бенедиктинцев, кармелитов, францисканцев, каноники, чиновники из числа наиболее образованных, офицеры. Занятия их, проходившие в колледже кармелитов, были весьма невинны: декламировались сонеты на латыни, португальском, итальянском и французском языках. В сентиментальном духе, свойственном эпохе, в них использовались местные сюжеты: индейцы, молящиеся за здоровье короля, основание города Сан-Салвадор-ди-Баия, полулегендарный эпизод о дарении земли Баии индейским вождем Парангуансу португальскому королю. Один из членов «академии» представил список благочестивых индейцев. Эти «нативистские» сюжеты, в которых фигурировали «хорошие индейцы», как раз и были вменены в вину членам «академии», как «могущие быть воспринятыми враждебными для португальцев»³⁹. Жозе Маскареньяс был препровожден на остров Санта-Катарина и заключен в тюрьму, а «Академия возродившихся» распущена.

Неудивительно, что первые три четверти XVIII в. не отмечены сколько-нибудь значительными научными сочинениями. Среди немногих появившихся тогда выделяется лишь труд Себастьяна Роша Питы «История Португальской Америки», опубликованный в 1730 г. и принесший автору репутацию крупного историка. В Баии Жозе Антониу Калдас в 1759 г. написал адресованный королю труд, озаглавленный «Общий обзор всех частей данного капитании Баия со времени открытия до сего 1759 года». Он до сих пор является важнейшим источником для изучения экономической истории этого бразильского штата⁴⁰.

Открытие месторождений золота в районе Минас-Жерайс оказало сильнейшее влияние на многие стороны жизни в колонии. Прежде всего зона активного освоения территории Бразилии сместилась с побережья во внутрен-

ние районы. Бразильский историк Р. Помбу пишет: «Как только весть об открытии этих месторождений распространилась в Бразилии и Европе, туда ринулся бесчисленный поток иммигрантов, словно весь мир был охвачен каким-то безумием, заставлявшим бросать все и спешить в районы приисков. Правительство тщетно принимало различные меры, пытаясь преградить путь этой стремительной людской лавине, ринувшейся в золотоносные районы страны. Не было никакой возможности воздвигнуть такие преграды, которые задержали бы этот человеческий поток»⁴¹.

Естественно, что «золотая лихорадка» охватила прежде всего саму Бразилию, докатившись до капитаний северо-востока и вызвав длительное и значительное перераспределение населения страны, массовую миграцию, последствия которой ощущались и спустя многие десятилетия. Массовая миграция в Бразилии вызвала упадок прежде процветавшего сельского хозяйства, основанного на возделывании сахарного тростника и его переработке. Сокращались плантации, остававались энженью, пустыли скотоводческие фазенды в прибрежных районах. На поиски новых месторождений золота отправлялись из портовых городов терявшие свой привычный промысел ремесленники и торговцы; даже чиновники колониальной администрации, солдаты и офицеры колониальных войск бросали свои посты и уходили искать новое Эльдorado в глубь страны.

Тем временем в районах приисков португальская корона установила строжайший контроль за добычей золота, стремясь предотвратить его утечку и направить золотой поток в королевскую казну. На приисках были учреждены специальные интендантства, подчиненные непосредственно Лиссабону, границы золотоносных районов были закрыты и патрулировались специальными полицейскими отрядами. Особое наблюдение велось за тем, чтобы собрать в пользу казны так называемую «королевскую пятину», поскольку по старинному португальскому праву собственность на все недра земли принадлежала королю. Сбором королевской пятины и другим надзором за добычей золота ведали специальные чиновники — «проведоры», обладавшие большими полномочиями и учитывавшие все добытое золото, которое вначале должно было сдаваться в плавильни и уже затем в виде слитков распределялось согласно действовавшим королевским законам. Контрабандная торговля золотом или сокрытие его считались

тягчайшим преступлением и карались сурово — смертной казнью с конфискацией имущества, причем две трети золота отходили в королевскую казну, а одна треть — доносчику.

В тех же районах, где добывалось золото, т. е. в Минас-Жерайсе, как мы уже говорили, около 1724 г. были найдены и значительные месторождения алмазов, больше всего их промывалось в районе Диамантины.

Быстрое развитие золотых и алмазных приисков в капитании Минас-Жерайс обусловило перемещение сюда значительного числа черных рабов, поскольку именно негры с их выносливостью оказались незаменимой рабочей силой на трудоемких работах по добыче драгоценного металла и драгоценных камней. Золотопромышленники перекупали черных рабов за огромную цену. В Минас-Жерайсе в течение XVIII в. быстро увеличивается негритянское население. Уже в 1718 г. здесь насчитывалось 36 тыс. негров, а по проведенной в 1766 г. переписи, в Минас-Жерайсе проживало 166 996 негров, 32 110 метисов и 70 664 белых⁴².

В районе Минас-Жерайса происходит и заметное оживление культурной жизни, так как сами условия активной деловой атмосферы резко отличали этот край от остальной части Бразилии. Постоянно сообщаясь через Рио-де-Жанейро с Европой, этот район мало-помалу приобщался к напряженным ритмам идейной и культурной жизни бурного XVIII в. «Экономическое развитие горнорудного края... вызвало пышную цивилизацию, монументальные остатки которой возвышаются и поныне, одновременно поражая и очаровывая нас. Возвышенные и утонченные памятники этой цивилизации, затерянной в нескольких сотнях километров от морского побережья, говорят о своеобразии ее интеллектуальной жизни»⁴³.

Особые условия в Минас-Жерайсе способствовали возникновению и быстрому развитию городов, где бурлила подлинная «городская жизнь с ее социальными обычаями, нравами, семейными собраниями, общественными отношениями, со своими литературными проявлениями»⁴⁴. В этих городах оседала известная доля добываемых в крае несметных богатств, что позволяло возводить здесь внушительные и нарядные здания. Да и материальный быт разбогатевших в Минас-Жерайсе людей приближался к европейскому быту той эпохи. Высший слой общества, сложившегося в этом районе Бразилии, — владельцы приисков, высокопоставленные чиновники королевской адми-

пистрации, офицеры местных войск, землевладельцы и скотоводы с основанных в ближайшей округе новых фазенд, обеспечивавшие необходимыми продуктами растущее население,— вполне следовал европейской моде, разве что с некоторым опозданием. Через Рио-де-Жанейро в Ору-Прету, Диамантину и другие стремительно выраставшие города Минас-Жерайса прибывали модные товары с европейских мануфактур — шелковые чулки, тонкие льняные сорочки, камзолы из шелка и голландского сукна. Из Европы ввозились и некоторые особо изысканные продукты питания — сыры, масло, окорока. Просторные жилища украшались зеркалами, картинами итальянских мастеров, роскошными ложами, стульями в бронзе и с гнутыми ножками. Белье укладывалось в комоды резного дерева. Столовое серебро из Португалии и Англии, драгоценные сосуды из Индии располагались в застекленных буфетах. Нередко в салоне красовался клавесин.

В Ору-Прету, Конгоньяс-ду-Кампу, Сан-Жоан-дел-Рей сформировалась самобытная архитектура бразильского барокко, строились церкви, поражающие особой пластичностью, богатством цвета, пышностью лепнины и резного декора. Здесь, пишет советский искусствовед Т. Кочурова, «зарождается национальное бразильское искусство, основанное на традициях барочной архитектуры и скульптуры северной Португалии, но приобретшее самобытность в интерпретации местных мастеров»⁴⁵. В Минас-Жерайсе той поры работает Мануэл Франсиско Лисбоа и его сын Антонио Франсиско Лисбоа (ок. 1730—1814), один из самых выдающихся мастеров Латинской Америки колониального периода. В истории бразильского искусства он известен также под именем Алейжадинью (уродец). Жизнь этого удивительного мастера, которого французский писатель Андре Моруа назвал «Эль Греко-мулатом», глубоко трагична, но, несмотря на тяжкие увечья рук, он создал множество прекрасных скульптурных произведений, а также многочисленные прекрасные постройки, вполне проявив свой необычный гений и в зодчестве. Советский искусствовед Н. А. Шелешнева пишет: «Архитектурные работы Алейжадинью знаменуют собой высшую ступень бразильского барокко, в них сконцентрирован новый, отличный от португальского характер возникавшей бразильской нации. Небольшие по размерам, исполненные ясной гармонии, с плавно перетекающими архитектурными объемами, округлыми башнями, обрамленными орнамен-

тальной лепниной, порталами и светлыми интерьерами, украшенными изысканной резьбой, его постройки составляют органический ансамбль с природой (церковь Сан-Франсиску-ди-Ассиз, Ору-Прету). В барочных зданиях Алейжадинью было много от рокайльной декоративности, что вообще характерно для архитектуры штата Минас-Жерайс второй половины XVIII в.»⁴⁶

Этот период отмечен подъемом музыкальной культуры в Бразилии, и прежде всего в Минас-Жерайсе. Латиноамериканские музыковеды (например, Фр. К. Ланге) применяют к истории музыки и исполнительского искусства Бразилии второй половины XVIII в. термин «музыкальный мулатизм», поскольку все существовавшие тогда музыкальные коллективы состояли из мулатов, достигавших порой высокого профессионализма. Обычно число участников этих оркестров было 12—14, редко — 16. Играли на струнных (скрипка, альт, трехструнный контрабас) и духовых (труба, рожок, флейта) инструментах. Иногда использовались ударные. Исполнялась не только церковная, но и светская музыка. В бразильских музыкальных архивах, относящихся к этому периоду, находят фрагменты произведений Моцарта, Боккерини, Плейеля и других известных европейских авторов. Упомянутый Фр. К. Ланге разыскал здесь партию скрипки из квартета Гайдна оп. 1, № 3, переписанный в 1794 г. неким мулатом Масиэлом да Крузом.

Появляются и первые композиторы. В Минас-Жерайсе самым заметным из них был мулат Жозе Жоакин Эмерико Лобу ди Мескита; он известен как автор около 40 произведений, из которых музыковеды особо выделяют «Антифону св. Богородицы». Возникают музыкальные кружки; так, в Ору-Прету при церкви св. Иосифа действовало так называемое «Братство св. Цецилии» (покровительницы музыки), представлявшее собой «первое благотворительное общество профессиональных музыкантов».

Всеобщее увлечение музыкой в тот период было так велико, так высоко стоял престиж профессиональных мастеров, что один из губернаторов Минас-Жерайса обратился с ходатайством к короне, чтобы профессиональным музыкантам в знак их особого достоинства было даровано право носить шпагу⁴⁷.

В Минас-Жерайсе процветали театры. Известно, что в Вилья-Рике существовал «Дом оперы», построенный до

1770 г. неким архитектором за внушительную сумму в 16 тыс. крузадо. В этом театральном здании, находившемся в частном владении, ставились драмы, комедии, настоящие оперы. В документах мы находим упоминание о постановке здесь оперы Порпоры «Эций в Риме»⁴⁸. Театр был и в Рио-де-Жанейро, где ставились музыкальные спектакли. Конечно, расцвет музыкальной и театральной культуры в Бразилии, еще недавно нищей и заброшенной стране, был относительным и никак не мог сравниваться с тем чудесным взлетом искусств, которым блистала в те годы Европа. И можно понять Луи Антуана де Бугенвиля, совсем недавно бывавшего в изысканных салонах и сверкающих театрах Парижа, когда, описывая свое пребывание в Рио-де-Жанейро в 1767 г., он говорит об этом следующим образом. Вице-король граф д'Акунья «приказал отвести для нас ложу в опере. Там в большом и достаточно красивом зале мы имели возможность познакомиться с шедеврами Метастазियो в исполнении труппы мулатов и слушать божественные произведения великих итальянских мастеров в исполнении скверного оркестра, которым дирижировал горбатый священник в духовном облачении»⁴⁹.

К середине XVIII в. относится реформаторская деятельность первого министра Португалии Помбала. Себастьян Карвальо, известный больше по своему титулу маркиза ди Помбала, пожалованного ему королем в 1770 г., свои преобразования начал с изгнания иезуитов из пределов королевства и всех его владений. Как мы уже говорили, могущественный орден был серьезным препятствием на пути реформ в духе так называемого просвещенного абсолютизма. Королевский указ об изгнании иезуитов был обнародован в 1759 г., а уже в январе следующего года все иезуиты Бразилии были собраны в Рио-де-Жанейро, посажены на корабли и высланы из страны. Помбал сказал: «Наш двор считает высылку ордена иезуитов более полезным, чем открытие Индии»⁵⁰. Путь для его реформаторской деятельности был расчищен, и эта деятельность приняла действительно широкий размах, обновив устаревшие институты и оживив одряхлевшее хозяйство Португалии. Но только Португалии. Бразилия первого министра интересовала лишь как источник доходов для его дорогостоящей деятельности, и преобразования ощущались здесь в весьма малой степени. Насильственная культурная изоляция, на которую обречена

была Бразилия, поддерживалась по-прежнему. После изгнания иезуитов в сфере образования колонии образовался определенный вакуум, поскольку орден был, по существу, монополистом и в начальном и в среднем образовании.

Для исправления положения королевская канцелярия приняла известные меры. В Бразилию из метрополии были направлены преподаватели. В 1768 г. для всего королевства и его колоний был составлен список — где и сколько следует быть школ и преподавателей. По этому документу в Бразилии должно было быть 17 школ «чтения и письма», а именно: две — в Рио-де-Жанейро, по четыре — в Баие и Пернамбуку и по одной — в Мараньяне, Сан-Паулу, Вилья-Рике, Сабаре, Сан-Жоан-дел-Рей, Паре и Мариане⁵¹. Речь идет о светских школах, помимо тех немногочисленных, которые содержались францисканцами, кармелитами и другими оставшимися в колонии монашескими орденами. Но тем не менее для страны, население которой приближалось к 2 млн., этого было чрезвычайно мало. Кроме того, корона не позаботилась отпустить на содержание школ и учителей какие-либо определенные средства, а был введен новый налог, в дополнение к уже существовавшим в колонии тяжким поборам: с каждого налогоплательщика «по одному аррателу* говядины» впредь отдавать в пользу школ и учителей, «дабы обеспечить им достойное и независимое существование»⁵².

Одним из важных мероприятий Помбала считается прогрессивная реформа преподавания в университете Коимбры, поставившая его в один ряд с лучшими высшими учебными заведениями Европы. Многократные же прошения об основании университета в Бразилии оставались безрезультатными: монополия университетского образования в Коимбре была частью колониальной политики короны. Когда в 60-х годах XVIII в. состоятельные семейства Минас-Жерайса пожелали на свой счет основать здесь высшие курсы медицины, то Совет по заморским делам заявил (в 1768 г.), что «одной из крепчайших уз, поддерживающих принадлежность колонии, является необходимость получать образование в Португалии»⁵³. Королевское правительство предпочитало облегчить учебу уроженцев Бразилии в Коимбре пожалованием им стипен-

---

* 1 аррател = 459 г.

дий и денежной помощи. В колониальную эпоху университет в Коимбре окончил более 3 тыс. бразильцев с присвоением им степеней бакалавра и доктора⁵⁴. Некоторые уроженцы Бразилии попадали и в другие европейские университеты — Эдинбургский, Монпелье. Так в колонии образовался слой европейски образованных людей, мировоззрение которых было на уровне века Просвещения и которые исповедовали его передовые идеи.

Именно эти люди и стали основой крупнейшего освободительного движения XVIII в. в Бразилии — так называемого «заговора инконфиденсии»* в Минас-Жерайсе. Зародышем этого движения был литературный кружок, организованный в Вила-Рике поэтами Томасом Антониу Гонзагой, Клаудиу Мануэлом да Костой и Игнасиу Алваренгой Пейшоту.

Членов литературного кружка, пишет И. Тертерян, более всего объединяет то, «что в их творчестве с разной степенью весомости, зависящей от поэтического дара каждого, выступают черты особого *бразильского* мироощущения...»⁵⁵. Заговорщики выступали за освобождение от деспотического колониального режима, за независимое развитие своей угнетенной родины.

«Инконфиденты» требовали не только независимости страны и прогрессивных социально-экономических реформ, их глубоко волновали и проблемы культурного развития Бразилии, народного образования, необходимого для успешного развития страны, которую они мечтали видеть независимой. И не случайно в их революционной программе будущих преобразований говорится: «В Вила-Рике будет основан университет... Будут созданы школы для обучения народа»⁵⁶. В этом заговорщики из Минас-Жерайса выступали как передовые люди своей эпохи. Известно, что, несмотря на многочисленные препоны, которые колониальные власти чинили ввозу каждой «крамольной» книги в Бразилии, именно эти книги были обнаружены у «инконфиденстов». Так, один из них, каноник Луис Виейра да Силва, мирской священник и профессор философии, располагал солидной библиотекой, содержавшей свыше 800 томов. Среди них были тома знаменитой «Энциклопедии», книги Вольтера, Монтескье, Руссо, Рейналя, Мабли, Кондильяка. У главы заговора — Тирадентиса — было обнаружено «Собрание конституцион-

---

* Inconfidência — букв. «измена».

ных законов Соединенных Штатов Америки» во французском переводе⁵⁷.

Колониальные власти жестоко расправились с участниками «инконфиденсии», раскрытой из-за предательства одного из членов общества. Все заговорщики были приговорены к ссылке и изгнанию из страны. Глава «инконфиденсии» кавалерийский офицер Жоакин Жозе да Силва Шавьер (известный по прозвищу «Тирадентис») был казнен 21 апреля 1792 г., части его тела были выставлены на перекрестках ведущих в Минас-Жерайс дорог, а голова — на площади в Вила-Рике.

Конец XVIII в. в Бразилии вообще был ознаменован усилением колониального гнета португальской короны. Лишившись торговли с Индией, захваченной англичанами, Лиссабон стал рассматривать свои владения в Америке как основу системы своих колоний, «на которую поэтому было взвалено все бремя лузитанского (португальского.— В. С.) паразитизма»⁵⁸.

Усиление колониального гнета вызывало естественное сопротивление. Несмотря на расправу с участниками «инконфиденсии», множились тайные общества, в которых обсуждались запрещенные идеи европейского Просвещения, французской революции. Таким обществом был, в частности, «Ареопаг Итамбе», в котором ведущую роль играл Мануэл ди Арруда Камара, врач по профессии, в прошлом получивший широкое образование в университетах Коимбры и Монпелье. В городах северо-востока действовали тайные масонские ложи. Активным членом одной из них был купец Домингу Жозе Мартинс, разделявший идеи французских якобинцев, а впоследствии вошедший в историю Бразилии как один из руководителей республиканского восстания 1817 г. в Пернамбуку. Другим видным деятелем прогрессивных масонских лож был Антониу Госналвис да Круз, в доме которого висели портреты виднейших деятелей французской и североамериканской революций⁵⁹.

Естественно, власти были в известной степени осведомлены о росте недовольства в самых широких слоях населения Бразилии, об опасном распространении революционных идей. Пытаясь как-то предотвратить это, вице-королевская администрация шла по простейшему пути — налагался строжайший запрет на ввоз всякой сколько-нибудь современной для той эпохи литературы, а кроме того, резко ограничивались сфера образования

и круг дисциплин, изучавшихся в немногочисленных учебных заведениях Бразилии. Современник сообщает, что в столице колонии Рио-де-Жанейро в 1792 г. существовала только одна книжная лавка, в 1799 г., правда, их стало две. Торговали в них почти исключительно книгами религиозного содержания — церковными календарями, житиями святых и т. д., светская же литература была представлена по-преимуществу жизнеописаниями давно почивших монархов. Все книги, продававшиеся в этих лавках, были отпечатаны в Португалии⁶⁰.

Что же касается образования, то в достаточно крупном — около 50 тыс. человек населения — и развитом городе Сан-Салвадор-ди-Баия в 1802 г. насчитывалось всего 12 классов, где можно было получить какое-то образование, в том числе шесть — чтения и письма, четыре — латинской грамматики, один — геометрии и один — греческого языка. В другом документе перечисляются преподаватели, которыми располагал в 1801 г. тоже крупный по тем временам и довольно энергично развивавшийся город Сан-Паулу: философии — один, риторики — один, латинской грамматики — пять, чтения и письма — четыре⁶¹.

Тем не менее революционные идеи Европы конца XVIII в., и прежде всего идеи французской революции, проникали в колониальную Бразилию. В последнем десятилетии XVIII в. их распространение было особенно заметным в городах северо-востока, что отчасти объяснялось близостью Французской Гвианы. Колониальная администрация как огня боялась возможности проникновения в Бразилию подданных Французской республики, заходя в бразильские порты французских кораблей. Так, королевский указ в 1792 г. рекомендует тщательно наблюдать за французским кораблем «Ле Дилижан», направленным на поиски пропавшей экспедиции известного мореплавателя Лаперуза. «Это предлог, — говорилось в королевском указе, — чтобы распространять в иностранных владениях тот дух мятежа, который господствует в этой стране (во Франции. — В. С.)»⁶². Командир корабля «Ле Дилижан» был обвинен колониальными властями во ввозе «крамольной» литературы. Несколькими годами позднее командир одного французского фрегата и несколько французских купцов, высадившиеся на остров Сан-Томе (неподалеку от Рио-де-Жанейро), были задержаны местными властями и препровождены в Баию. Их пребывание

здесь некоторые исследователи связывают с распространением в этой части страны идей французского Просвещения и французской революции. Так, обнаружилось, что в стенах кармелитского монастыря переводились французские книги, в том числе «Новая Элоиза» Руссо. К тому же времени относится случай, когда в Салвадоре один священник был лишен сана и изгнан за то, что проповедовал освобождение рабов.

Все описанные выше проявления освободительных и революционных настроений носили отчетливо элитарный характер; как участники заговора «инконфиденсии» в Минас-Жерайсе (их было всего 34 человека), так и члены масонских лож северо-востока, исповедовавшие передовые идеи, относились, как правило, к избранным слоям бразильского колониального общества, к интеллектуальной элите.

Однако в 1790-х годах революционные идеи распространяются и в более широких, демократических кругах.

Об этом свидетельствуют события, происшедшие в 1792 г. в Сан-Салвадор-ди-Баие и известные под названием «заговора портных». Главные организаторы его, руководившие распространением «возмутительных бумаг» — расклеивавшихся по стенам листовок, призывавших к восстанию «во имя Республики, Свободы, Равенства», в которых содержались требования свободы торговли, увеличения жалованья военным и даже смертной казни священникам, «проповедующим против Революции», — остались неизвестными властям. Удалось арестовать лишь около 50 второстепенных участников, большинство которых относилось к средним слоям населения, в частности ремесленников и портных (отчего и пошло название — «заговор портных»). Шестеро арестованных были приговорены к смертной казни, для четверых приговоры были приведены в исполнение.

В том же Салвадоре в 1798 г. была сожжена виселица; виновные в этом символическом акте протеста против колониального гнета так и не были найдены⁶³.

Немалую роль в пропаганде бразильского патриотизма и распространении передовых идей сыграл издававшийся в Лондоне с 1808 г. журнал «Коррею бразильенси», основанный Иполиту Жозе да Коста Перейрой (1774—1823), которого считают родоначальником бразильской журналистики. Журнал был ежемесячным, вышло в свет всего 175 номеров, в каждом из которых были разделы

политики, науки и литературы, торговли и промышленности.

Особый же интерес представляли разделы «Смесь», «Размышления» и «Переписка», в которых поднимались самые острые и актуальные вопросы современной жизни в Бразилии. На страницах «Коррею бразильенси» велась оживленная кампания за обновление хозяйственной и социальной жизни в Бразилии, предлагались такие радикальные меры, как отмена рабства, повышение ответственности правительственных чиновников, создание представительных демократических органов, коренная реформа системы образования, включая необходимое основание национального университета. Бразильский историк Н. Вернек Содре называет «Коррею бразильенси» первым подлинно национальным изданием, «материалы которого были тесно связаны с внутренними проблемами, на решение которых ему удавалось оказывать влияние»⁶⁴.

Независимость, о которой мечтали «инконфиденты», была завоевана народом Бразилии путем, весьма отличным от тех, по которым шли в борьбе за независимость в начале XIX в. другие народы Латинской Америки. В 1808 г. в Рио-де-Жанейро перебирается королевский двор и все португальское правительство, спасаясь от подходивших к Лиссабону войск наполеоновского маршала Жюно.

Внезапно превратившись в центр монархии, Бразилия стала местом, куда притягивались все активные элементы португальской колониальной империи; неузнаваемо оживилась политическая, экономическая и культурная жизнь, что, в сущности, отвечало давно назревшим потребностям страны. В 1808 г. основывается морская академия, а в 1810 — военная. Начинает работать Королевская типография, открывается Ботанический сад, основывается Академия изящных искусств, прибывают группы ученых и художников из Франции и Австрии. В Баии возникает вторая типография. В 1811 г. в Бразилии выходят уже две газеты — официозная «Газета» в Рио-де-Жанейро и «Идади д'Ору» в Баии. В 1813 г. математик Араужу Гимарайс начинает издавать в Рио журнал «Патриота», публиковавший научные статьи, литературные и исторические материалы и сыгравший известную роль в развитии национальной культуры. В том же 1813 г. в столице в новом прекрасном здании, выстроенном в подражание зданию театра «Сан-Карлуш» в Лиссабоне, открывается театр «Сан-Жуан»⁶⁵.

Однако эти культурные учреждения остаются пока что учреждениями португальскими, лишенными национально-го бразильского характера, лишь игрою истории заброшенными сюда, через океан. Окончательному отделению Бразилии от метрополии в 1822 г. предшествовала еще напряженная идейная, политическая и вооруженная борьба. И лишь тогда перед народом Бразилии открылись широкие перспективы, которые впоследствии привели к высоким достижениям в развитии подлинно бразильской национальной культуры.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В канун XIX столетия на огромных просторах американских колониальных владений Испании и Португалии остро ощущалось приближение эпохи войны за независимость, эпохи антиколониальной буржуазной революции. Подготовившие ее переломные десятилетия прошли под знаком «века» латиноамериканского Просвещения. Независимые государства на американском континенте образовывались под воздействием таких глобальных событий мировой истории, как Великая французская революция 1789—1794 гг. и война английских колоний за независимость 1776—1783 гг. Наиболее радикально настроенные представители формировавшейся креольской буржуазии органично впитывали лучшие достижения передовой общественной и научной мысли Европы. Однако они не были слепыми подражателями. Мировоззрение латиноамериканских просветителей имело свою неповторимую окраску, оно возникало из плодотворного синтеза не только европейских, испанских, но и самобытных, индейских культур и традиций. Его питали неуклонно развивавшиеся ростки капиталистического уклада, разрушавшие отсталую социально-экономическую структуру колоний.

Процесс расового и культурного смешений народов Америки, Африки и Европы, развернувшийся в колониальных владениях Испании и Португалии, дал знать о себе уже в середине XVII в., а к концу XVIII в. принял бурный и повсеместный характер. В различных частях континента складываются локальные варианты метисных национально-этнических общностей, со своим социально-экономическим укладом, своеобразным культурным и психологическим обликом: будущие колумбийцы, мексиканцы, аргентинцы... К концу XVIII в. крепнущее национальное самосознание проявилось, в частности, в том, что уроженцы американских колоний уже осознавали себя как «американцы», как «сыны или отцы Отечества», «соотечественники» в противовес испанцам, чужеземцам и угнетателям, которых в колониях презрительно называли чапетонами (выскачками) и «полуостровитянами» (выходцами с Пиренейского полуострова, т. е. из Испании).

Просвещение не только сообщило новый импульс подъему промышленности и сельского хозяйства, науки и образования. Активно и плодотворно изучая богатства американской земли и ее недр, многообразие ее флоры, фауны и климата деятели Просвещения дали новое восприятие окружающего их мира. Произошла как бы переоценка ценностей. В этой новой шкале ценностей значение придавалось не господствовавшему испанскому влиянию, а огромному вкладу десятков поколений «американцев» в дело создания материальных и духовных традиций колониального общества: будь то строительство городов, крепостей и храмов, складывание местных школ живописи и скульптуры, развитие народного творчества. При этом была отдана дань и великим достижениям древних индейских цивилизаций, которые уже рассматривались как неотъемлемая часть принципиально новой, отличной от испанской, собственно американской культуры народов, населявших колонии.

Подъем антиколониального, освободительного движения, затронувший самые широкие слои населения Испанской Америки, не обошел стороной и наиболее образованную часть креольских кругов. Эта часть общества с пристальным вниманием следила за происходившими в Европе XVIII в., в том числе и в Испании, важными переменами. Особенный интерес возбуждали новые идеи, направленные против гегемонии церкви и засилья схоластических догм, теории экономистов, искавших новые пути развития промышленности и торговли. Это стремление к новому в интеллектуальной жизни Латинской Америки имело под собой вполне материальную основу. Колониальный режим, с его многочисленными запретами и ограничениями, тормозил исподволь начинавшееся развитие новых социально-экономических отношений.

Так складывалось передовое креольское мировоззрение, проникнутое высоким духом патриотизма. Оно решительно отстаивало право американских народов на самостоятельное развитие и от критики и неприятия колониального угнетения перешло к прямому призыву порвать узы многовекового рабства. Так шла идеологическая подготовка близившейся войны за независимость.

Мощное, хотя и не однородное в интеллектуальном и идеологическом отношении, течение — латиноамериканское Просвещение — формировало динамичное поколение ученых-энциклопедистов, ставших героями и вождями новой эпохи. Такими многогранными и цельными личностями

были аргентинец Мануэль Бельграно, передовой мыслитель и революционный генерал, колумбийцы — Антонио Нариньо, переводчик «Декларации прав человека» и активный участник освободительных кампаний, эрудит Франсиско Хосе де Кальдас, расстрелянный в 1816 г. в разгар войны роялистским военно-полевым судом.

В плеаде выдающихся общественных политических деятелей Латинской Америки особое место принадлежит великому сыну венесуэльского народа — Освободителю Симону Боливару. В 1983 г. 200-летие со дня его рождения торжественно отмечалось во всем мире. Полководец и просветитель, публицист и законодатель, сторонник радикального преобразования колониального прошлого — Боливар довел до победного конца войну за независимость, ставшую подлинно исторической, народной эпопеей, и заложил первый камень в фундамент возникших на развалинах колониальной империи молодых латиноамериканских республик. Это о нем и его сподвижниках с восхищением отзывался замечательный перуанский мыслитель Х. К. Мариатеги: «Испанская Америка, безусловно, не добилась бы независимости, если бы у нее не было героического поколения, восприимчивого к чувствам своей эпохи, обладавшего способностью и волей совершить настоящую революцию».

Однако подъем антиколониальных настроений ощущается не только в креольских кругах, но и среди наиболее угнетенных сословий — индейских крестьян, метисных городских низов. Освободительное движение индейских народов надолго опередило развитие креольского. В продолжение трех столетий (XVI—XVIII вв.) оно было повседневной реальностью в жизни испанских и португальских колоний, распространялось на обширные районы и зачастую приводило к тому, что целые области полностью выходили из-под контроля колониальных властей. Так индейцы куна в Панаме к концу XVIII в. добились от местных властей признания своей автономии; северо-восток Мексики до начала XVIII в. не был освоен из-за длительных индейских волнений, в которых временами принимало участие до 300 племен; классическая зона индейского сопротивления, какой была Араукания в Чили, к югу от реки Био-Био, являет беспримерную историю более чем трехвековой борьбы индейцев-араукан, окончательно сломленных лишь каких-нибудь 100 лет тому назад.

Кульминационным моментом в истории освободительного движения индейских народов стала грозная крестьянская война 1780—1783 гг. во главе с индейским вождем Х. Г. Кондорканки, принявшим имя инки Тупак Амару II. Восстание охватило широкие, прежде всего индейские, слои населения современных Перу, Боливии и северной Аргентины. Оно затронуло жизненно важные устои всей колониальной системы Испании, открыло эпоху антиколониальных движений в Латинской Америке, которая завершилась войной американских колоний за независимость (1810—1826 гг.). Важно подчеркнуть, что уже Тупак Амару проявил себя решительным сторонником глубоких социальных реформ: индейский вождь осуществил освобождение рабов в охваченных войной провинциях и рабы влились в ряды его повстанческой армии; выступив против кастовых предрассудков, он потребовал признать индейского крестьянина полноправным соотечественником креола; качественно новым являлся и призыв Тупак Амару к единству «соотечественников всех званий и положения, рожденных в наших землях... для борьбы против тяжкого тиранического правления Испании». Этот план национального единства Тупак Амару не удалось осуществить. Однако этот и другие его революционные заветы были восприняты и развиты наиболее радикальными деятелями освободительного креольского движения, что нашло отражение в революционной теории и практике Симона Боливара.

Временами переплетаясь, временами развиваясь параллельно, оба течения освободительного движения — креольский и индейский — в конечном итоге, слились в широкий поток борьбы с испанским владычеством. Своего рода катализатором стал внешний фактор. В 1808 г. наполеоновские войска оккупировали Испанию и Португалию, испанская королевская семья была вывезена в Байонну, Жозеф Бонапарт посажен на испанский королевский престол, а португальский двор бежал в Бразилию. Все эти события ускорили разрешение глубокого всестороннего кризиса в колониях. В 1810 г. последовал мощный революционный взрыв в Венесуэле, Новой Испании и на Ла-Плате. Латинская Америка стояла на пороге самой кровопролитной в ее истории, продолжавшейся почти два десятилетия войны — войны американских колоний за независимость.

* * *

Книга, с которой только что познакомился читатель — итог многолетних и глубоких изысканий недавно скончавшегося видного советского латиноамериканиста Валентина Николаевича Селиванова (1932—1983). В книге создана яркая, запоминающаяся панорама узловых моментов социального и экономического развития и становления национальных культур стран Латинской Америки во всей их динамике и противоречиях. Исследование основано на богатом документальном материале, основательном знании описываемой эпохи. Изданная посмертно эта книга, так же, впрочем, как и прижизненные публикации ученого, послужит делу дальнейшего изучения мало исследованных аспектов истории Латиноамериканского континента и еще раз привлечет к ней внимание широкой читательской аудитории.

С. А. Созина,
кандидат исторических наук

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 408.
- ² Магидович И. П. История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., 1965, с. 46—61.
- ³ Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1955, с. 51.
- ⁴ Записки солдата Бернала Диаза. Л., 1928, ч. 1, с. 54.
- ⁵ Там же, с. 70.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 763.
- ⁷ Альперович М. С. Рождение мексиканского государства. М., 1979, с. 4.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Aguirre Beltran G. El proceso de aculturación. México, 1957, p. 214—215.
- ¹⁰ Лат. Америка, 1970, № 6, с. 102.
- ¹¹ О проблеме социально-экономического характера государства Тауантинсу́йу см.: Кузьмищев В. А. Инка Гарсиласо де ла Вега и его литературное наследство.— В кн.: Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. Л., 1974; Зубрицкий Ю. А. Инки-кечуа. М., 1975.
- ¹² Фостер У. З. Указ. соч., с. 58.
- ¹³ Lambert J. América Latina: Estructuras sociales e instituciones políticas. Barcelona; Caracas, 1964, p. 173.
- ¹⁴ Альтамира-и-Кревеа А. История Испании. М., 1951, т. 2, с. 268.
- ¹⁵ Томас А. Б. История Латинской Америки. М., 1960, с. 113.
- ¹⁶ Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. Новая история стран Латинской Америки. М., 1970, с. 17—19.

Глава 2

- ¹ Diffie B. W. Latin-American Civilization: Colonial period. Harrisburg, 1945, p. 245.
- ² Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М., 1951, т. 1, с. 486.
- ³ Diffie B. W. Op. cit., p. 258.
- ⁴ Григулевич И. Р. Крест и меч: Католическая церковь в Испанской Америке, XVI—XVIII вв. М., 1977, с. 245.
- ⁵ Там же, с. 111.
- ⁶ Бартоломе де Лас Касас. М., 1966, с. 174—175.
- ⁷ Latin American civilization: The colonial origins / Ed. by B. Keen. Boston etc., 1974, vol. 1, p. 265.
- ⁸ Высшая школа Латинской Америки. М., 1972, с. 14.
- ⁹ Arciniegas G. El continente de siete colores. Buenos Aires, 1965, p. 191.

- ¹⁰ *Diffie B. W.* Op. cit., p. 578.
- ¹¹ *Barney Cabrera E.* La trasculturación en el arte colombiano. Bogotá, 1962, p. 17—18.
- ¹² *Bravo Ugarte J.* Historia de México. México, 1947, t. 2, p. 213.
- ¹³ *Diffie B. W.* Op. cit., p. 248.
- ¹⁴ Цит. по кн.: *Torres Quintero G.* México hacia el fin del virreinato español. México, 1921, p. 97—98.
- ¹⁵ Цит. по кн.: *Braden Ch. S.* Religious aspects of the conquest of Mexico. Durham, 1930, p. 172—173.
- ¹⁶ *Jimenez Moreno W., Miranda J.* et al. Historia de México. México, 1970, p. 300—302.
- ¹⁷ *Bravo Ugarte J.* Op. cit., p. 213.
- ¹⁸ *Rosa J. M.* Historia Argentina. Buenos Aires, 1965, t. 1, p. 339—340; *Ibañez J. C.* Historia de la cultura Argentina. Buenos Aires, 1964, p. 82.
- ¹⁹ *Abad de Santillán D.* Historia Argentina. Buenos Aires, 1965, t. 1, p. 320.
- ²⁰ *Bravo Ugarte J.* Op. cit., p. 216.
- ²¹ *Альтамира-и-Кресеа А.* Указ. соч., т. 1, с. 227.
- ²² Высшая школа Латинской Америки, с. 33.
- ²³ Там же, с. 35.
- ²⁴ *Jiménez Moreno W., Mirande J.* et al. Op. cit., p. 303—304.
- ²⁵ *Teja Zabre A.* Guide de l'histoire de Mexique. Mexique, 1935, p. 213—214.
- ²⁶ Ibid., p. 226.
- ²⁷ *Diffie B. W.* Op. cit., p. 500.
- ²⁸ Ibid., p. 501.

Глава 3

- ¹ *Григулевич И. Р.* Указ. соч., с. 162.
- ² Там же, с. 160.
- ³ *Arciniegas G.* Op. cit., p. 200.
- ⁴ Культура Мексики. М., 1980, с. 60.
- ⁵ *Ibañez J. C.* Op. cit., p. 86—87; *Abad de Santillán D.* Op. cit., t. 1, p. 323.
- ⁶ Культура Аргентины. М., 1977, с. 13.
- ⁷ *Альперович М. С.* Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840). М., 1975, с. 46—47.
- ⁸ *Mörner M.* Actividades políticas y económicas de los jesuitas en el Rio de La Plata. Buenos Aires, 1968, p. 51.
- ⁹ *Григулевич И. Р.* Указ. соч., с. 167.
- ¹⁰ *Paso L.* De la colonia a la indehendencia nacional. Buenos Aires, 1963, p. 152.
- ¹¹ *Мариатеги Х. К.* Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, с. 47.
- ¹² *Mörner M.* Op. cit., p. 36.
- ¹³ Latin American civilization, vol. 1, p. 270.
- ¹⁴ *Бугенвиль Л. А. де.* Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль» в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. М., 1961, с. 90.
- ¹⁵ См.: *Михневич Д. Е.* Очерки из истории католической реакции: Иезуиты. М., 1955, с. 194—195.

- ¹⁶ *Mörner M.* Op. cit., p. 52.
- ¹⁷ *Бугенвиль Л. А. де.* Указ. соч., с. 92.
- ¹⁸ *Mörner M.* Op. cit., p. 128—129.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 136.
- ²⁰ *Latin American civilization*, vol. 1, p. 271.
- ²¹ *Diffie B. W.* Op. cit., p. 584—585.
- ²² *Latin American civilization*, vol. 1, p. 272.
- ²³ *Бугенвиль Л. А. де.* Указ. соч., с. 93.
- ²⁴ *Latin American civilization*, vol. 1, p. 271—272.
- ²⁵ Цит. по кн.: *Бугенвиль Л. А. де.* Указ. соч., с. 98.
- ²⁶ Там же, с. 94.
- ²⁷ *Latin American civilization*, vol. 1, p. 272.
- ²⁸ *Rosa J. M.* Op. cit., p. 314.
- ²⁹ *Кириченко Е. И.* Три века искусства Латинской Америки. М., 1972, с. 107.
- ³⁰ *Ibañez J. C.* Op. cit., p. 43—44.
- ³¹ *Лафарг П.* Поселения иезуитов в Парагвае.— В кн.: Из истории общественных течений: История социализма. СПб., 1906, т. 2.
- ³² *Paso L.* Op. cit., p. 152.
- ³³ *Альперович М. С.* Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840), с. 53.
- ³⁴ *Григулевич И. Р.* Указ. соч., с. 170.
- ³⁵ Там же, с. 189.

Глава 4

- ¹ Текст королевского указа о планировке и строительстве новых городов в американских колониях см.: *History of Latin American civilization* / Ed. by L. Hanke. Boston, 1967, vol. 1, p. 278—283.
- ² См.: *Teja Zabre A.* Guide de l'histoire de México. México, 1935, p. 206.
- ³ *Кириченко Е. И.* Указ. соч., с. 45—46.
- ⁴ *Томас А. Б.* Указ. соч., с. 123.
- ⁵ *Gonzales J., Alpuche A.* La Universidad de México. México, 1960, p. 28; *Bravo Ugarte J.* Op. cit., p. 227.
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Romero Flores J.* Historia de la cultura mexicana. México, 1965, p. 210; *Bravo Ugarte J.* Op. cit., p. 211—212.
- ⁸ *Томас А. Б.* Указ. соч., с. 122.
- ⁹ *Чежегова И. М.* Десятая муза.— Лат. Америка, 1970, № 4, с. 150. В Советском Союзе сборник стихов Хуаны Инес де ла Крус под названием «Десятая муза» вышел в свет в 1966 г.
- ¹⁰ *Romero Flores J.* Op. cit., p. 205.
- ¹¹ *Bravo Ugarte J.* Op. cit., p. 208.
- ¹² *Jiménez Moreno W., Miranda J. et al.* Op. cit., p. 311; *Bravo Ugarte J.* Op. cit., p. 21.
- ¹³ *Bravo Ugarte J.* Op. cit., p. 252.
- ¹⁴ Цит. по кн.: *Кириченко Е. И.* Указ. соч., с. 90.
- ¹⁵ Там же, с. 92.
- ¹⁶ Цит. по кн.: *Arciniegas G.* Op. cit., p. 178—179.
- ¹⁷ *Оводов В. Б.* Драматургия, театральная жизнь.— В кн.: Культура Перу. М., 1975.

- ¹⁸ *Мериме П. Избранные сочинения: В 2-х т. М., 1956, т. 1.*
- ¹⁹ *См.: Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. Л., 1974.*
- ²⁰ *Кузьмищев В. А. У истоков общественной мысли Перу. М., 1979, с. 364—365.*
- ²¹ *Briand Histoire d'Espagne. P., 1808, vol. 4, p. 52.*
- ²² *Roig de Leuchsenring E. Los monumentos nacionales de la Republica de Cuba. La Habana, 1960, vol. 3, p. 9—11.*
- ²³ *Arciniegas G. Op. cit., p. 207—208.*
- ²⁴ *Ballesteros y Beretta A. Historia de España y su influencia en la historia universal. Barcelona, 1927, t. 4, pt 2-a, p. 97.*
- ²⁵ *Мериме П. Указ. соч., т. 1, с. 90.*
- ²⁶ *Campbell L. G. The military and society in colonial Peru. Philadelphia, 1978, p. 4.*
- ²⁷ *Frezier M. Relation du voyage de la mer du Sud aux côtes du Chile, du Perou et du Brésil. Amsterdam, 1717, t. 1, p. 78.*
- ²⁸ *Los Instituciones militares Venezolanas del periodo. Caracas, 1969, p. 32.*
- ²⁹ *Roig de Leuchsenring E. Op. cit., vol. 3, p. 13.*

Глава 5

- ¹ *Ustáriz J. De teoría y práctica del comercio y de la marina. Madrid, 1742, p. 26—27.*
- ² *Ibid., p. 19.*
- ³ *Ballesteros y Beretta A. Op. cit., p. 158.*
- ⁴ *Лугаврина Э. Э. К проблеме экономического упадка Испании в XVI в.— В кн.: Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.). М., 1957, с. 184.*
- ⁵ *Ballesteros y Beretta A. Op. cit., p. 157.*
- ⁶ *Лугаврина Э. Э. Указ. соч., с. 184.*
- ⁷ *Barcelo J. L. Historia económica de España. Madrid, 1952, p. 226.*
- ⁸ *Vicens Vives J. Historia social y económica de España y América. Barcelona, 1957, t. 3, p. 348.*
- ⁹ *Barcelo J. L. Op. cit., p. 222.*
- ¹⁰ *Цит. по кн.: Vicens Vives J. Op. cit., p. 338.*
- ¹¹ *Цит. по кн.: Альтамира-и-Кресеа А. Указ. соч., т. 2, с. 251.*
- ¹² *Soldeliva F. Historia de España. Barcelona, 1955, t. 4, p. 347.*
- ¹³ *Альтамира-и-Кресеа А. Указ. соч., т. 2, с. 252.*
- ¹⁴ *Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб., 1909, с. 146.*
- ¹⁵ *Цит. по кн.: Ballesteros y Beretta A. Op. cit., p. 201.*
- ¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 432.*
- ¹⁷ *Там же, с. 431.*
- ¹⁸ *Arciniegas G. Op. cit., p. 293.*
- ¹⁹ *Новая и новейшая история, 1965, № 1, с. 31.*
- ²⁰ *Лат. Америка, 1970, № 6, с. 106.*
- ²¹ *Vasconcelos J. Breve historia de México. México, 1956, p. 101; Henríquez Ureña P. Historia de la cultura en la América Hispánica. México; Buenos Aires, 1947, p. 37—38.*
- ²² *Romero Flores J. Op. cit., p. 293.*
- ²³ *Цит. по кн.: Torres Quintero G. Op. cit., p. 101—102.*
- ²⁴ *Tavera Alfaro X. El nacionalismo en la prensa mexicana del siglo XVIII. México, 1963, p. XX—XXI.*

- ²⁵ Aguirre S. Lecciones de Historia de Cuba. La Habana, 1960, p. 24.
- ²⁶ Ibid., p. 25.
- ²⁷ Diffie B. W. Op. cit., p. 558.
- ²⁸ Очерки истории Кубы. М., 1978, с. 39.
- ²⁹ Diffie B. W. Op. cit., p. 546.
- ³⁰ Подробнее см.: Созина С. А. Тупак Амару — великий индейский повстанец, 1738—1781. М., 1979.
- ³¹ Линч Дж. Революции в Испанской Америке, 1808—1826. М., 1979, с. 172.
- ³² Самаркина И. К. Община в Перу. М., 1974, с. 65—66.
- ³³ Diffie B. W. Op. cit., p. 557—558.
- ³⁴ Томас А. Б. Указ. соч., с. 94.
- ³⁵ Hernández de Alba G. Aspectos de la cultura en Colombia. Bogotá, 1947, p. 126.
- ³⁶ Ibid., p. 14.
- ³⁷ Hernández de Alba G. Op. cit., s. 15.
- ³⁸ Arciniegas G. Op. cit., p. 338.
- ³⁹ Rivadeneira Vargas A. J. Historia Constitucional de Colombia. Bogotá, 1962, p. 38—39.
- ⁴⁰ Томас А. Б. Указ. соч., с. 154.
- ⁴¹ Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799—1804 гг. М., 1969, т. 3, с. 305.
- ⁴² Там же, с. 377—378.
- ⁴³ Arciniegas G. Op. cit., p. 340.
- ⁴⁴ D'Aumale. Colombie, pays d'Eldorado. P., 1956, p. 56; Arciniegas G. Op. cit., p. 342.
- ⁴⁵ Posada Mejia G. Nuestra América: Notas de historia cultural. Bogotá. 1959, p. 262; D'Aumale. Op. cit., p. 57.
- ⁴⁶ Arciniegas G. Op. cit., p. 370.
- ⁴⁷ D'Aumale. Op. cit., p. 58; Posada Mejia G. Op. cit., p. 262—263.
- ⁴⁸ Hernández de Alba G. Op. cit., p. 17.
- ⁴⁹ Posada Mejia G. Op. cit., p. 258.

Глава 6

- ¹ Bello A. Resumen de la historia de Venezuela. Caracas, 1958, p. 3.
- ² Documentos para la historia de la educacion en Venezuela. Caracas, 1968, p. XV.
- ³ Bello A. Op. cit., p. 5—6.
- ⁴ Siso Martinez J. M. Historia de Venezuela. México, 1956, p. 145.
- ⁵ Basterra R. Los navios de la Ilustracion. Madrid, 1970.
- ⁶ Gil Fortoul J. Historia Constitucional de Venezuela. B., 1907, t. 1, p. 74.
- ⁷ Documentos para la historia..., p. XXXI—XXXII.
- ⁸ Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1980, с. 15.
- ⁹ Siso Martinez J. M. Op. cit., p. 211.
- ¹⁰ Ibid., p. 213.
- ¹¹ Salcedo-Bastardo J. L. Historia fundamental de Venezuela. Caracas, 1977, p. 171.
- ¹² Gil Fortoul J. Op. cit., t. 1, p. 88.
- ¹³ Documentos para la historia..., p. XXVII.
- ¹⁴ Salcedo-Bastardo J. L. Op. cit., p. 170—171.
- ¹⁵ Gazeta de Caracas, 1811, 14 abr., 17 abr.

- ¹⁶ Гумбольдт А. Указ. соч. М., 1963, т. 1, с. 418.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Siso Martinez J. M.* Op. cit., p. 214—215.
- ¹⁹ *Arellano Moreno A.* Op. cit., p. 59; *Siso Martinez J. M.* Op. cit., p. 215—216.
- ²⁰ Венесуэла: Экономика, политика, культура. М., 1967, с. 356.
- ²¹ Гумбольдт А. Указ. соч., с. 430—431.
- ²² Там же, с. 431.
- ²³ *Febres Cordero G. J.* Tres siglos de imprenta y cultura venezolana, 1500—1800. Caracas, 1959, p. 211.
- ²⁴ *Salcedo-Bastardo J. L.* Op. cit., p. 173.
- ²⁵ *Gazeta de Caracas*, 1808, 24 oct.
- ²⁶ *Ibid.*, 1809, 27 oct.
- ²⁷ *Busaniche J. L.* Historia Argentina. Buenos Aires, 1965, p. 16.
- ²⁸ *Mörner M.* Op. cit., p. 29.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 25.
- ³⁰ *Busaniche J. L.* Op. cit., p. 108.
- ³¹ *Lombardi C. M.* Las ideas sociales en la Argentina. Buenos Aires, 1965, p. 23.
- ³² Цит. по кн.: *Busaniche J. C.* Op. cit., p. 219.
- ³³ *Ibid.*, p. 186.
- ³⁴ *Ibid.*, p. 215; *Hombres de la Argentina*. Buenos Aires, 1962, vol. 1, p. 14—16.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 14.
- ³⁶ *Arciniegas G.* Op. cit., p. 319—320.
- ³⁷ Цит. по кн.: *Abad de Santillán D.* Op. cit., t. 1, p. 322.
- ³⁸ *Lombardi C. M.* Op. cit., p. 25.
- ³⁹ *Ibañez J.* Op. cit., p. 94.
- ⁴⁰ Цит. по кн.: *Mitre B.* Historia de Belgrano y de la Independencia Argentina. Buenos Aires, 1950, p. 9.
- ⁴¹ Цит. по кн.: *Hombres de la Argentina*, vol. 1, p. 37—38.
- ⁴² *Lombardi C. M.* Op. cit., p. 28.
- ⁴³ *Ibid.*
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 26.
- ⁴⁵ *Ibid.*, p. 30.

Глава 7

- ¹ Цит. по кн.: *Прадо Жуниор К.* Экономическая история Бразилии. М., 1949, с. 49.
- ² См.: *Слезкин Л. Ю.* Земля Святого Креста. М., 1970, с. 37.
- ³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 763.
- ⁴ *Mauro F.* Le Bréril du XVe à la fin du XVIIIe siècle. P., 1977, p. 80, 176.
- ⁵ *Curtin Ph.* The atlantic slave trade. Wisconsin, 1969, p. 119.
- ⁶ Цит. по кн.: Очерки истории Бразилии. М., 1962, с. 45—46.
- ⁷ Подробно о государстве Палмарис см.: *Хазанов А. М.* К вопросу о негритянском государстве Пальмарес в Бразилии.— Новая и новейшая история, 1958, № 2; *Крауц К. А.* Палмарес: освободительное движение рабов в Бразилии XVII в.— Лат. Америка, 1971, № 3.
- ⁸ *Кириченко Е. И.* Указ. соч., с. 111.

- ⁹ Подробнее см.: *Шелешнева Н. А.* Изобразительное искусство Бразилии.— В кн.: *Культура Бразилии.* М., 1981.
- ¹⁰ *Mauro F.* Op. cit., p. 85.
- ¹¹ *Очерки истории Бразилии*, с. 35—37.
- ¹² *Прадо Жуниор К.* Указ. соч., с. 105.
- ¹³ *Silva A.* *Raízes históricas da Universidade da Bahia.* Bahia, 1956, p. 15.
- ¹⁴ *Leite S.* *Novas páginas de história do Brasil.* São Paulo, 1965, p. 197.
- ¹⁵ *Silva A.* Op. cit., p. 36.
- ¹⁶ *Castro Th. de.* *História de civilização brasileira.* Rio de Janeiro; São Paulo, 1969, vol. 1, p. 81.
- ¹⁷ *Leite A.* Op. cit., p. 58.
- ¹⁸ *Silva A.* Op. cit., p. 22.
- ¹⁹ *Arciniegas G.* Op. cit., p. 140.
- ²⁰ *Прадо Жуниор К.* Указ. соч., с. 91.
- ²¹ *Arciniegas G.* Op. cit., p. 143.
- ²² *Ibid.*, p. 144—145.
- ²³ *História geral da civilização brasileira.* São Paulo, 1960, t. 1, vol. 2, p. 77.
- ²⁴ *Коста К.* Обзор истории философии в Бразилии. М., 1962, с. 24.
- ²⁵ Цит. по кн.: *Silva A.* Op. cit., p. 18—20.
- ²⁶ *Ibid.*, p. 55—56.
- ²⁷ *História geral...*, p. 163.
- ²⁸ *Castro Th. de.* Op. cit., vol. 1, p. 87.
- ²⁹ *Correio da Manhã*, 1966, 30 ag.
- ³⁰ Формирование национальных литератур Латинской Америки. М., 1970, с. 36.
- ³¹ Цит. по кн.: *Нации Латинской Америки.* М., 1964, с. 403.
- ³² Научный бюллетень ЛГУ, 1947, № 14—15.
- ³³ *Вольф Е. М.* Португальский язык в Бразилии.— В кн.: *Нации Латинской Америки.* М., 1964, с. 407.
- ³⁴ *Прадо Жуниор К.* Указ. соч., с. 69.
- ³⁵ *Mauro F.* Op. cit., p. 193.
- ³⁶ *Коваль Б. И.* О некоторых историко-экономических условиях складывания бразильской нации.— В кн.: *Нации Латинской Америки*, с. 175—176.
- ³⁷ *Werneck Sodré N.* *História de imprensa no Brasil.* Rio de Janeiro, 1966, p. 20—21.
- ³⁸ *Помбу Р.* История Бразилии. М., 1962, с. 183.
- ³⁹ *Arciniegas G.* Op. cit., p. 491.
- ⁴⁰ *Томас А. Б.* Указ. соч., с. 194.
- ⁴¹ *Помбу Р.* История Бразилии, с. 231.
- ⁴² *Mauro F.* Op. cit., p. 191.
- ⁴³ *Коста К.* Обзор истории философии в Бразилии. М., 1962, с. 34.
- ⁴⁴ *Diegues Junior M.* *Regiões culturais do Brasil.* São Paulo. 1960, p. 89—90.
- ⁴⁵ *Лат. Америка*, 1972, № 5, с. 113.
- ⁴⁶ *Шелешнева Н. А.* Указ. соч.
- ⁴⁷ *Castro Th. de.* Op. cit., p. 90—91; *História geral...*, p. 129—134.
- ⁴⁸ *Ibid.*, p. 135.
- ⁴⁹ *Бугенвиль Л. А. де.* Указ. соч., с. 77.
- ⁵⁰ См.: *Arciniegas G.* Op. cit., p. 495.
- ⁵¹ *História geral...*, p. 84.
- ⁵² *Ibid.*, p. 85.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 72.
- ⁵⁴ *Ibid.*

- ⁵⁵ Формирование национальных литератур Латинской Америки, с. 37.
- ⁵⁶ *Pinto G.* A vida da Tiradentes. Rio de Janeiro, 1962, p. 87—88.
- ⁵⁷ *Косра К.* Указ. соч., с. 34; *Werneck Sodré N.* Op. cit., p. 14—15.
- ⁵⁸ *Prado Junior C.* Evolução política do Brasil. São Paulo, 1947, p. 60.
- ⁵⁹ *Werneck Sodré N.* Op. cit., p. 18.
- ⁶⁰ Ibid., p. 16.
- ⁶¹ *Historia geral...*, p. 86.
- ⁶² *Werneck Sodré N.* Op. cit., p. 17—18.
- ⁶³ *Mauro F.* Op. cit., p. 241—242.
- ⁶⁴ *Werneck Sodré N.* Op. cit., p. 25.
- ⁶⁵ *Varnhagen F. A.* Historia geral do Brasil. São Paulo; Rio de Janeiro, S. a., t. 5, p. 111—112, 277—278; *Historia geral...*, p. 104.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Альперович М. С.* Революция и диктатура в Парагвае, 1810—1840. М., 1975.
- Альперович М. С., Слезкин Л. Ю.* Новая история стран Латинской Америки. М., 1970.
- Григулевич И. Р.* Инквизиция. М., 1976.
- Григулевич И. Р.* Крест и меч: Католическая церковь в Испанской Америке, XVI—XVIII вв. М., 1977.
- Григулевич И. Р.* «Мятежная» церковь в Латинской Америке. М., 1972.
- Коваль Б. И.* Бразилия: Вчера и сегодня. М., 1975.
- Кузьмищев В. А.* У истоков общественной мысли Перу: Гарсиласо и его история инков. М., 1979.
- Лаврецкий И. Р.* Боги в тропиках. М., 1968.
- Лаврецкий И. Р.* Тень Ватикана над Латинской Америкой. М., 1961.
- Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960.
- Магидович И. П.* История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., 1965.
- Мирошевский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость, 1492—1810 гг. М.; Л., 1946.
- Очерки истории Аргентины. М., 1961.
- Очерки истории Бразилии. М., 1962.
- Очерки истории Кубы. М., 1978.
- Очерки истории Чили. М., 1967.
- Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960.
- Слезкин Л. Ю.* Земля Святого Креста. М., 1970.
- Созина С. А.* Тупак Амару — великий индейский повстанец. М., 1979.
- Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авиценна см. Ибн-Сина
Агара Феликс де 119
Агирре Серхио 87
д'Акунья 146
Албемарль 87
Алваренга Пейшоту Игнасио
Жозе де 148
Алейжадинью см. Лисбоа Анто-
нио Франсиско
Альба Эрнандес де 94
Альвеар Диего де 119, 121
Альдама Игнасио 40
Альмагро Диего де 11
Альперович М. С. 4, 9, 54
Альсате-и-Рамирес Хосеф Ан-
тонио де 40, 84
Альфингер Генрих 103
Альфонс IX Леонский 31
Амат Мануэль де 48, 72
Андухар 107
Антонелли Баутиста 74, 75
Аншиэта Жозе ди 136, 138
Аранго-и-Парреньо Франсиско
де 87
Арбелаэс Энрике Перес 98
Ариас де Сааведра Эрнандо
(Эрнандариас) 42
Аригуаха 43
Аристотель 33
Арруда Камара Мануэл ди 149
Асара Феликс де 44, 48—51, 120
Афонса ди Суза Мартин 127
Байя Пьер 68
Бакихано-и-Карильо Хосе 89,
90
Бальбуэна Бернардо де 66
Барнуэва Перальт 72
Бартолаче Х. И. 39
Басаленке 68
Бастерра Р. де 106
Баутиста-младший Джованни
74, 75
Бейль Пьер 121
Бельграно Мануэль 120—123
Бельо Андрес 104—106, 109, 110,
112, 113
Бенкс 97
Берже Луи 52
Бойль Берналь 19
Боканегра Хосе Мариа 40
Боккерини 145
Боливар Симон 106, 121, 156—
157
Боливар Хуан Висенте 106
Бороа 47
Ботурини Лоренцо 86
Бозси Каро де 111
Браво Алонсо Гарсиа 63
Бредмейер 110
Бугенвиль Луи Антуан де 45,
47, 49, 50, 146
Букарели 86
Бургоа 68
Бустаманте П. Р. 118
Бэкон Фрэнсис 93
Бюффон Ж. Л. Л. 106
Вазе Жан 52
Вака Альвар Нуньес Кабел де
116
Валенсиа Висенте 86
Валенсия Мартин де 23
Вальдивия Педро де 11

- Варгас Педро Фермин де 97
 Васконселус Симау ди 136
 Вельзеры 103
 Веракрус Алонсо де 65
 Вернер А. Г. 85
 Вернон Эдвард 75
 Ветанкур 68
 Вертис-и-Сальседо 119
 Веспуччи Америго 124, 125
 Вильяроэль Фр. X. 97
 Вольтер 54, 83, 92, 100, 102, 106, 118, 121, 148
 Гайдн Франц Йозеф 110, 145
 Гален 107
 Галилей Галилео 93
 Галлахер Мэтью 112
 Гамарра Хуан Бенито Диас де 83
 Гандаву Педро Магальяэш 125
 Гаона Жуан де 28
 Гарсиласо де ла Вега Инка 73, 101
 Генрих VIII 78
 Гиз Генрих 78
 Гимарайс Араужу 152
 Гиппократ 107
 Гобантес Хуан Ортис 104
 Годой Мануэль 113
 Гонзага Томас Антонио 148
 Григорий XV 40
 Григулевич И. Р. 4, 21, 54
 Грихальва Хуан де 68
 Гуалем М. 112
 Гуира-Вера 43
 Гумбольдт А. 21, 85, 86, 97, 99, 110—112
 Гусман Бартоломеу Лоуренсу ди 137
 Гусман Н. де 64
 Давила П. А. 47
 Данго Жуан 73
 Декарт Рене 65, 83, 93, 120
 Дефон Франсуа 111
 Дестерра Антонио ду 140
 Диас дель Кастильо Берналь 7, 8
 Диас Х. Д. 109, 110
 Дидро Дени 83
 Жуниор Крайо Прадо 139
 Жюно А. 152
 Ибаньес Х. 51
 Ибн-Сина (Авиценна) 107
 Иглесиас Педро Мариа 109
 Изабелла Кастильская 19
 Икасбальсета Гарсиа 27
 Инохосос Алонсо Лопес де 65
 Ирала Мартинес де 116
 Кабальеро 99
 Кабальеро Хосе Агустин 87
 Кабаррус Франсиско де 108, 121
 Кабот Себастьян 113
 Кабрал Педру Алвариш 124
 Кабрера Барней Э. 25
 Калдас Жозе Антонио 141
 Кальдас Франсиско Хосе де 94, 97—99, 101
 Кампилья 121
 Кампоманес Педро Родригес 106, 121
 Канинде 128
 Карвальо Себастьян (Помбал) 146
 Карл I 81
 Карл II 80
 Карл III 84—86
 Карл V (Карлос I) 23, 63, 103
 Карренью Каэтано 111
 Кастельи Хуан Хосе 123, 124
 Кастро Николас де 108
 Кесада Гонсало Хименес де 11
 Кириченко Е. И. 52, 70
 Колон Педро Ноласко 111
 Колумб Диего 16
 Колумб Христофор 3, 5, 6, 16, 18, 19, 26

- Кондильяк Этьенн Бонно де 148
 Коперник Николай 65, 93, 94
 Кортес А. 62
 Кортес Эрнан 6—9, 11, 23, 26, 63, 64, 69, 73, 103
 Коста Клаудио Мануэль да 148
 Коста Круз 135
 Коста Перейро Иполит Жозе да 151
 Кочурова Т. И. 144
 Кронбергер Хуан (Иоганн) 67, 69
 Круза Теодоро де 92
 Круз Антониу Госнальвис да 149
 Круз Масиэл да 145
 Крус Хуана Инес де ла 66
 Куатрокасас Хосе 98
 Куаутемок 8
 Кузьмищев В. А. 4, 73
 Кутейщикова В. Н. 10, 83

 Лабрадор Хосе Сантес 117
 Ламас Хосе Анхель 111
 Ламбер Ж. 12
 Ланге Курт 145
 Лангсдорф Г. И. 138
 Ландаэта Хуан Хосе 111
 Лаперуз Жан Франсуа 150
 Лас Касас Бартоломе де 22, 23
 Лафарг П. 54
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 83
 Лемуш Гашпар 124
 Леон П. де 64
 Леон-и-Гама Антонио 40, 85
 Лерма-и-Вильегас Франсиско Хосе де 109
 Линней Карл 95
 Лисбоа Антонио Франсиско (Алейжадинью) 144
 Лисбоа Мануэл Франсиско 144
 Лобу ди Мескит Жозе Жоакин Эмериго 145
 Лойола Игнасио 35, 36, 133
 Локк Джон 92, 93
 Ломбарди К. 123, 124
 Лопес Хуан Педро 109
 Лосано Педро 116
 Лэмбо Джеймс 112
 Людовик XIV. 80

 Мабли Г. Б. 148
 Макиавелли Никколо 90, 92
 Маласпина Александр 85, 119
 Манрике Мануэла де 100
 Мариатеги Х. К. 43
 Маркс К. 9, 81, 126
 Мармонтель Ж.-Ф. 90
 Мартинс Домингу Жозе 149
 Маскареньяс Жозе 141
 Матис Фр. Х. 97
 Медина 68
 Медрано Хуан Эспиноса 72
 Мендоса Антонио де 28, 29, 32
 Мендоса У. 64
 Мериме Проспер 72, 76
 Метастазιο Пьетро 146
 Мёрнер М. 42, 43, 47, 115
 Миранда де Вильяфанья Луис де 116
 Мирандо Франсиско 97, 112
 Мирес Томас 108
 Мирошевский В. М. 4
 Монгольфье Жозеф 137
 Монгольфье Этьенн 137
 Монжуа Галар де 101
 Монтеагудо Бернардо де 123
 Монтенегро Педро 117
 Монтенегро Х. А. 109
 Монтень Мишель де 92
 Монтескье Шарль Луи 53, 54, 90, 100, 102, 118, 121
 Монтесума II 7, 8, 64
 Морган Генри 74
 Морено Мариано 119, 120, 123, 124
 Морено-и-Эскандон Франсиско Антонио 94, 98, 100

Моро Ф. 127, 132
Моруа А. 144
Моурау Симан Пиньейру 137
Моцарт Вольфганг Амадей 110, 145
Мутис Хосе Селестино 93—100

Нариньо А. 99—101
Нобрега Мануэл да 133, 134
Ньютон Исаак 83, 93, 120

Овьедо-и-Баньоса Х. 109
Окампо Себастьян де 103
Охеда Алонсо де 102
Ошар Пьер 68

Паблос Хуан (Паоли) 67, 68
Павел III 35
Паласиос-и-Сохо Педро 110
Парангуанса 141
Паррадо Висенте 109
Паррас Педро де 118
Пасо Л. 43, 54
Пасо Хуан Хосе 123
Перальт 70
Петр (Педро) Гентский 26, 27
Пий VII 58
Писарро Франсиско 11, 26, 69, 103
Пита 43
Пита Рош Себастьян 141
Плейель И. Й. 110, 145
Плиний Старший 33
Покок 87
Помбу Р. 142
Порпора Никола Антонио Джа-
чинто 146
Посада Мехиа Херман 95, 101
Пуэнте Гансалес де ла 68
Пьедраита 101

Ревильяхихедо Хуэн Висенте
де Гуэмес Пачеко 85, 86
Рейналь Г. Т. Ф. 90, 148
Рестрепо Феликс 94, 100

Ривадавия Б. 120
Риваденейра Варгас А. Х. 95
Рио Андрес Мануэль дель 85
Рисо Сальвадор 97
Родригес Мануэль Сакорро 99, 100
Родригес Симон 106
Рокка Луиджи делла 46
Роллен 106
Ромайя Томас 87
Руссо Жан Жак 83, 102, 118, 119, 121, 123, 148, 151

Саагун Бернардино де 28, 64
Саласар Доминго де 93
Салиас В. 109
Сальваго Франсиско 69
Сальянс Ф. 110
Самаркина И. К. 90
Сан-Альберто Тукумана Хосе
Антонио де 30
Сан Мартин 121
Санс Мигель Хосе 106, 108, 109, 112
Сантос Х. (Атауальпа) 91
Сармьенто Доминго Фаустино 121
Сен Франсиско 100, 101
Сегюр 111
Секейра Мануэль де 87
Селиванов В. Н. 158
Сент-Гравсанд 106
Сентурион Мануэль 108
Секульведа Хуан Хинес де 22
Сервантес Висенте 86
Сесе Мартин 86
Сигуэнса-и-Гонгора Карлос де 39, 65, 66
Силва Луис Виейра да 148
Силва Шавьер Жоакин Жозе да
(Тирадентис) 149
Сиснерос Гарсиа де 28
Слезкин Л. Ю. 4, 133
Смит Адам 106, 121
Соарис ди Суза Габриэл 136

Содре Нелсон Вернек 152
Совина С. А. 4, 158
Солис Хуан Диас де 113
Сор Жак 74
Стэнкон 79
Суарес Буэнавентура 53
Сумаррага Хуан 24, 28—30, 67

Таньо Диас 47
Терреро Б. Х. 109
Тертерян И. А. 137, 148
Толедо Себастьян де Сансера 66
Толедо Франсиско де 72
Томе ди Суза 133, 134
Тонанцин 26
Торре Хуан Агустин де ла 107
Торре-Тагле 70
Торрес Диего де 37
Торрес Камило 94, 101
Торрес Херонимо 84
Тупак Амару 90, 91
Тупак Юпанки Инка 73

Ульоа Антонио 94
Уорд Бернард 106
Устарис Херонимо де 77, 106

Фагоага 40
Федерманн Николас 103
Фейхоо Б. Х. 106
Фердинанд II Арагонский 19
Феррейра да Роза Жоао 137
Фигейро Луис 138
Филипп II 20, 37, 42, 74, 78
Филипп III 40
Филипп V 80
Флоренсия 68
Фонсека Антониу Исидору да 140
Фоше Жуан де 28
Франклин Бенджамин 102
Фрезье Франсуа Амаде 70, 76, 77

Фурлонг Г. 51

Хаурегги 89
Хиль-и-Тобаода 92
Ховельянос 106, 108
Хосе-индеец 52
Хуана 101

Циполи Доминго 52

Чежегова И. М. 67
Чимбой 43
Човель Касимирос 86

Шелешнева Н. А. 144
Шпейер Георг 103
Шульт 110

Эгиара-и-Эгурен 39, 40
Элуйар Фаусто 85, 86
Энгельс Ф. 5
Эндерика Эстеван де 83
Эрнандес де Альба 95
Эрнандес Перо 116
Эрнандес Франсиско 65
Эрсилья-и-Суньига Алонсо де 101

Эскаланте Хосе де 93
Эспанья Х. М. 112
Эспеню 111
Эспехо Эдуардо Лира 110, 112
Эспехо Эухенио 100
Эспиноса де лос Монтерос Антонио 99
Эспиноса де лос Монтерос Бруно 99
Эспиноса Хаэн Антонио де 68

Юстиниан 108

Япари Хуан 51

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Конкиста	5
Глава 2. Католическая церковь колонизует Новый Свет	18
Глава 3. Иезуиты в Испанской Америке	35
Глава 4. Города и крепости Испанской Америки . .	59
Глава 5. Век Просвещения в Испанской Америке . .	77
Глава 6. Два плацдарма независимости Южной Америки	102
Глава 7. Колониальная Бразилия	124
Вместо послесловия	154
Примечания	259
Основная литература	167
Указатель имен	168

Валентин Николаевич Селиванов

**ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:
ОТ КОНКИСТАДОРОВ
ДО НЕЗАВИСИМОСТИ**

Утверждено к печати
Редколлегией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства **О. Б. Константинова**
Художник **В. П. Хлебников**
Художественный редактор **Н. А. Фильчагина**
Технический редактор **Т. С. Жарикова**
Корректоры **Г. Н. Лац, В. А. Алешкина**

ИБ № 28336

Сдано в набор 10.05.84.

Подписано к печати 17.08.84.

Т-13335. Формат 84×108⁴/₃₂

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 9,66 Уч.-изд. л. 10,4 Усл. кр. отт. 9,

Тираж 20 000 экз. Тип. зак. 205

Цена 65 коп.

Издательство «Наука»

117864 ГМП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

ВЫШЛА

ИЗ ПЕЧАТИ

КНИГА

КОВАЛЬ Б. И.

Революция продолжается.

10 л. 65 к.

70-е годы XX в. вошли в историю как десятилетие революционного наступления. За этот период в мире произошло 15 социальных революций, в Испании и Греции были свергнуты фашистские режимы, в Сальвадоре развернулась гражданская война. Развитию революционного опыта современности, новым тенденциям в мировом революционном процессе и посвящена данная книга. В ней дается обзор революционной борьбы по странам и континентам, а также рас-

сматриваются общие проблемы мирового революционного процесса.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:
 480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 **Баку**, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95; 252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4; 277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; 197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7; 220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72; 117192 **Москва**, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6; 450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; 310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.